

ISSN 2074-8566

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта

2009 № 2(52)

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з верасня 1996 года
Выходзіць чатыры разы ў год

2009 № 2(52)

Рэдакцыйная калегія:

А.П. Саладкоў (галоўны рэдактар),
А.Л. Гладкоў (нам. галоўнага рэдактара),
Г.І. Міхасёў (нам. галоўнага рэдактара),
А.І. Мацяюн (адказны сакратар),
С.Л. Багамаз, В.М. Бібіла, А.В. Ванкевіч, М.Ц. Вараб'ёў,
Г.А. Васілевіч, Я.А. Васіленка, Н.С. Віслабокава,
В.І. Гідрановіч, В.П. Клімовіч, В.А. Космач, В.Я. Кузьменка,
В.М. Куліева, І.Л. Лапін, С.А. Матораў, Г.М. Мезенка,
В.М. Мінаева, П.І. Навіцкі, В.І. Несцяровіч, А.А. Несцярэнка,
В.П. Пракапцова, І.М. Прышчэпа, М.М. Расолаў, Э.І. Рудкоўскі,
А.У. Русецкі, Ю.А. Русецкі, М.А. Слямнёў, М.К. Талочка,
Т.М. Тузова, І.А. Фурманаў, У.Л. Фядотаў, У.М. Хоміч,
А.Г. Цікавенка, Ю.М. Чурко, І.І. Шматкоў, У.А. Янчук

*Часопіс «Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта»
цытуецца і рэферыруецца ў рэфератыўных выданнях УІНІТІ*

Адрас рэдакцыі:

210038, Віцебск, Маскоўскі пр-т, 33,
пакой 123, т. 22-33-79
E-mail: rio@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Рэдактар	<i>А.М. Фенчанка</i>
Камп'ютэрны набор	<i>Г.У. Разбоева</i>
Карэктар	<i>А.В. Говарава</i>

Рэгістрацыйны № 1313 ад 2.07.1999.

Ліцэнзія ЛВ № 02330/0494385 ад 16.03.2009.

Падпісана ў друк 9.06.2009. Фармат 70x108 1/8. Папера друкарская. Афсетны друк.

Ум. друк. арк. 28,35. Ул.-выд. арк. 13,04. Тыраж 105 экз. Заказ .

Выдавец і паліграфічнае выкананне – установа адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава».
210038, г. Віцебск, Маскоўскі праспект, 33.

З М Е С Т

Філасофія. Сацыялогія

Орлов В.И. Условия устойчивого развития бизнеса в обществах переходного типа	3
Смоленко Е.Д. Морально-половое воспитание молодежи: об отношении к целомудрию в семье	9
Гащенко Л.А. Концептуализация понятия «физическая социализация»..	16

Гісторыя. Этнаграфія

Савков А.А. Схема социальной динамики и концепция «всемирной истории» Н.А. Рожкова	22
Моторова Н.С. Мероприятия органов городского самоуправления Беларуси по улучшению санитарного состояния городов (1875–1914 гг.)	30
Казаченко Т.В. Подготовка и принятие конституционных основ австрофашистского режима	34
Лобач У.А. Міфа-семантыка сядзібы і хаты ў традыцыйным светапоглядзе беларусаў	40

Правазнаўства

Шматков И.И. Понятие предмета, методов и принципов науки таможенного права	47
Елисеев В.С. О структуре института сложных обязательств	53
Стаценко В.Г. К вопросу о влиянии экономического и финансового кризиса на криминогенную ситуацию	59

Педагогіка

Турковский В.И., Терещенко Е.В. Профессиональное развитие как содержательная и процессуальная основа становления научно-педагогической компетентности учителя	65
Оганджян О.П. Информационные технологии как предмет изучения и средство обучения в вузе	71
Прилуцкая С.В. Формирование умственной самостоятельности учащихся как актуальная педагогическая проблема	77
Фоменко А.А. Использование художественного краеведения в формировании духовных ценностей школьников	81
Антонычева Е.Ю. Теоретические основы пленэрной живописи	88

Філалогія

Скребнева Т.В. Активные динамические процессы в антропонимике г. Витебска на протяжении XVII–XX вв.	94
Марозава Я.Н. Пра фанематычны статус гука [g] і яго месца ў фаналагічнай сістэме сучаснай беларускай літаратурнай мовы	99
Падстаўленка В.Ф. Паэма «Тарас на Парнасе» ў кантэксце беларускай камічнай плыні	102

М а с т а ц т в а з н а ў с т в а

Котович Т.В. Коласовская драматургия на Коласовской сцене	106
Адамейко-Першенкова Г.П. Стилевая трансгрессия в изобразительном искусстве, архитектуре и музыке постмодернизма	113
Кушнир А.В. Художественный текст как объект интерпретации в различных видах и жанрах искусства	117
Кондратенко Т.Г., Борозна М.Г. Особенности развития новой белорусской и немецкой фигуративной живописи	122
Захарына Ю.Ю. Мастацкі вобраз грамадскіх будынкаў Беларусі другой паловы 1990-х – 2000-х гадоў	127

М а т э м а т ы к а

Луценко Ю.В., Скиба А.Н. Строение групп Шмидта и групп Белоногова, в которых любые 3-максимальные подгруппы являются F(G)-перестановочными	134
Воробьев Н.Т., Семенов М.Г. Локальные функции классов Фиттинга ...	139

Б і я л о г і я

Сушко Г.Г., Солодовников И.А., Кулак А.В. Чешуекрылые (Lepidoptera, Rhopalocera) верховых болот Белорусского Поозерья..	142
Иванова А.В. Влияние биостимуляторов на прорастание семян растений рода <i>Thuja</i>	147
Х р о н і к а	152
Р э ф е р а т ы	154
З в е с т к і п р а а ў т а р а ў	161

В.И. Орлов

Условия устойчивого развития бизнеса в обществах переходного типа

Проблема устойчивого развития социальных систем в настоящее время является одной из наиболее актуальных проблем не только научной мысли, но и практической деятельности всего человечества. Из многочисленных международных научных конференций, посвященных ее анализу, достаточно указать на две наиболее известные. В 1992 году в Рио-де-Жанейро прошла всемирная конференция ООН по окружающей среде и развитию, на которой была принята «Повестка дня на XXI век» – футурологический документ, пронизанный идеей устойчивого развития человеческого сообщества, а в 2002 году в Йоханнесбурге состоялся Всемирный саммит по устойчивому развитию.

Молодое белорусское государство также стремится воплотить в реальную жизнь указанную идею, именно поэтому у нас принята «Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года». В этом основополагающем государственном документе отмечается, что «важным фактором социально-экономического развития страны является **предпринимательство**, поскольку оно активизирует творчество и предприимчивость, создает новые рабочие места, позволяет самореализоваться человеку. В результате расширения малого и среднего бизнеса формируется средний класс – основа социальной стабильности» [1]. Таким образом, официально признано, что развитие бизнеса служит укреплению социальной стабильности, а тем самым и устойчивости общества. Однако для выполнения указанной функции бизнес, в первую очередь, сам должен носить устойчивый характер.

Необходимо отметить, что теоретические основы устойчивого развития бизнеса в обществах переходного типа к настоящему времени практически еще не разработаны, и в первую очередь не сформулированы необходимые условия данного развития. Целью нашей работы является анализ этих условий. Методологическая же ее основа – общепринятое определение понятия «устойчивое развитие», которое вошло в широкий научный оборот благодаря деятельности Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) во главе с премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брундтланд. Этой комиссии принадлежит следующая дефиниция: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [2]. Конечно, данное определение можно применять лишь по отношению к социальным системам (ибо только к ним правомерно употребление категории «потребность»), причем обладающим большой потенциальной хронологической длительностью. Кроме того, с формально-логической точки зрения его нельзя считать полноценным определением. Это скорее некоторый социальный императив, направленный в будущее, но именно в таком качестве он, безусловно, несет определенную позитивную нагрузку.

Что же касается научной дефиниции понятия «устойчивое развитие», то ее анализ нужно начать с определения более общего, родового понятия «устойчивость». «Устойчивость, – отмечает В.И. Данилов-Данильян, – это сохранение неких инвариантов, то, что Гегель или Аристотель назвали бы качеством системы. Чтобы сохранить инварианты, надо сдерживать силы, которые их разрушают, определять границы безопасного действия этих сил, пороги, за которыми возникают реальные угрозы» [3]. Обратим внимание на то, что, во-первых, в данном определении устойчивость рассматривается как диалектическое единство сохранения и изменения, то есть как статическо-динамический феномен. Во-вторых, не как какое-то имманентно присущее системе качество, а лишь как некоторая потенция, актуальная реализация которой возможна лишь при условии правильного прогнозирования появления новых угроз и адекватной деятельности по их нейтрализации. Конечно, данная возможность в генетическом плане первична, так как никакое сдерживание не сможет помешать разрушению изначально неустойчивой по своей сущности системы.

Применяя данный императив к объекту нашего исследования, можно прийти к выводу о том, что в Беларуси развитие бизнеса примет устойчивый характер лишь в том случае, когда оно станет обладать свойствами самоподдерживающегося динамического роста. В сложившейся же в нашей республике ситуации бизнес еще долгое время не сможет обладать данным свойством, а следовательно, без внешней поддержки (в первую очередь со стороны государства) он может находиться лишь в состоянии крайней неустойчивости, что с неизбежностью приведет к его исчезновению.

Из сказанного становится ясно, что использование указанного определения понятия «устойчивое развитие» в нашем случае имеет четкие методологические границы. Дело в том, что оно предполагает реакцию **самодостаточной социальной системы** на некоторые внешние вызовы, например, экологические. А так как бизнес на постсоветском пространстве **не обладает качеством самодостаточности**, то для адекватного исследования проблемы его устойчивого развития необходимо существенное расширение дефиниции, принятой МКОСР. На наш взгляд, такое расширение может исходить из идеи о соотношении понятий «устойчивость» и «стабильность».

Мы полагаем, что стабильность можно рассматривать как внутреннее свойство самосохранения системы, реализующееся лишь в случае **практически полного отсутствия внешнего воздействия на нее**. Такое состояние еще нельзя считать устойчивостью, так как при активизации действия внешних сил система может быть подвергнута процессу качественного изменения и даже уничтожению. Следовательно, для устойчивости необходимо и наличие каких-то внешних сил (назовем их «внешней опорой»), действие которых позволяет системе сохранять свою качественную целостность в условиях деструктивного влияния на нее. Причем внешняя опора может действовать не только самостоятельно, но также и путем инициирования внутри самой системы процесса формирования таких сил, которые могут частично или даже полностью заменить внешнюю поддержку.

Итак, мы пришли к выводу о том, что устойчивое развитие несамодостаточных систем возможно лишь при условии суперпозиции трех типов сил: имманентно присущих ей, первичных внутренних, отвечающих за ее стабильность; внешних, направленных на частичную компенсацию разрушительного воздействия на систему; инициированных вторичных внутренних сил, помогающих действию внешней опоры.

Отметим, что любая устойчивость может носить как статический, так и динамический характер. В первом случае она представляет собой такое состояние системы, при котором ее реакцией на любые незначительные внешние

воздействия будет быстрое возвращение к исходному состоянию. В качестве примера этой устойчивости можно привести экономику средневековой феодальной Европы. В подтверждение данного утверждения достаточно привести хорошо известные факты о том, что в это время основой экономики было цеховое производство, базировавшееся не на методе расширенного воспроизводства, а на хронологической мультипликации, воспроизведении в новом поколении достигнутого уровня развития. Отметим, что такое воспроизведение осуществлялось и в духовной сфере: можно смело утверждать, что ремесленник феодальной эпохи передавал не свое «Я» сыну через осуществляемое им дело, а наоборот, – передавал ему дело через самого себя, ибо в дальнейшем дело его сына практически не сильно отличалось от его собственного. Конечно, некоторые изменения в экономической сфере происходили и при феодальном способе производства, но они носили не целенаправленный, а скорее спонтанный характер.

Динамическая же устойчивость означает не возвращение к старому, не точное повторение изначального бытия, а лишь сохранение определенного инварианта. Таким образом, устойчивое развитие является, по существу, ничем иным как свойством динамической устойчивости системы. Вот почему нельзя не согласиться с точкой зрения В.И. Данилова-Данильяна, считающего, что «устойчивость и развитие вовсе не противоречат друг другу, система может развиваться, если она сохраняет некие свои инварианты» [3, с. 57]. Обратим внимание и на то, что сохранение инвариантов не требует единственного пути развития: оно возможно и в условиях различных способов изменения системы.

Применительно к бизнесу можно утверждать, что по самой своей сути он может обладать лишь динамической устойчивостью, а его стабильность основывается на определенном типе мировоззрения, своеобразной философии, господствующей среди частных предпринимателей. Как показал М. Вебер в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма», основной причиной возникновения капитализма явились отнюдь не противоречия в экономической сфере, а появившийся в результате реформационного изменения католицизма протестантизм и та новая этическая система, которая стала развиваться в рамках данной религии.

После разрушения Советского Союза частное предпринимательство также получило широкое развитие, однако массовость данного феномена носит совершенно иной характер. Оно было изначально порождено не новым философским мировоззрением, а психологией отчаяния, охватившей значительную часть постсоветского пространства. Отметим, что сама категория «отчаяние» была введена в философию датским мыслителем С. Кьеркегором, выделившим два его вида: отчаяние-слабость и отчаяние-вызов. В первом случае отчаяться – «значит просто страдать, при этом пассивно подчиняются давлению извне, а отчаяние никоим образом не приходит изнутри как действие» [4]. Во втором случае отчаявшийся желает быть самим собой. «Я отчаянно желает распоряжаться собою, – отмечает Кьеркегор, – или же выступая собственным творцом, создать из своего Я то Я, которым оно желало бы стать, избрать нечто допустимое и недопустимое для себя внутри конкретного Я» [4, с. 299].

Очевидно, что переход от феодального к капиталистическому производству вообще не являлся порождением отчаяния. Дело в том, что первые протестантские предприниматели той эпохи стали расширять (или создавать) свое собственное дело не в результате воздействия внешних экономических факторов, не потому, что их жизнь пришла к какой-то практической границе, в рамках которой встал вопрос о самом физическом существовании. Как раз наоборот: первые западноевропейские капиталисты – это в основном выходцы из вполне материально обеспеченных семей, и им было, что терять в ре-

зультате имманентно присущего любой предпринимательской деятельности риска. Следовательно, они шли на такой риск отнюдь не потому, что сама жизнь «прижала их к стенке». Основные мотивы включения в капиталистическое производство в данном случае порождены не стремлением самореализации в чисто экономической области, а желанием с помощью новой экономической деятельности обрести себя в религиозно-мистической сфере.

На постсоветском же пространстве в начале 90-х годов прошлого века для части людей занятие бизнесом оказалось ничем иным, как средством чисто физического выживания. Скорее всего, большинство из них основывались, выбирая сферу своей деятельности, в первую очередь не на осознанном понимании сложившейся ситуации, а на «голом» инстинкте самосохранения. Однако в ситуации отчаяния оказались многие, но реакция на нее в форме активного вызова возникла далеко не у всех из них.

Итак, в сознании отчаявшегося, полуголодного человека, не знающего, как прокормить себя и свою семью, на первое место вначале вышел инстинкт самосохранения, т.е. чисто психическая компонента. А затем данный инстинкт начал переструктурировать и переконструировать все интеллектуальные процессы на совершенно новое, практически неизвестное в СССР мировоззрение (его даже можно рассматривать в качестве своеобразной примитивной философии), сконцентрированное на достижении выживания. Причем последнее ощущалось многими людьми, решившими заняться частным предпринимательством отнюдь не в метафорическом, а в реально-физическом плане. Именно обладатели данного мировоззрения и составили изначально большую часть белорусских предпринимателей. Однако такая их личностная мировоззренческая интенция была прямо противоположной той, что двигала протестантскими капиталистами, так как она не смогла выйти за пределы чисто экономической сферы, то есть не привела к появлению новой идеологии, могущей служить для обоснования развития бизнеса в нашей стране.

Сложившаяся ситуация крайне опасна для частного предпринимательства: она приводит к отсутствию его внутренней стабильности. Конечно, в современных условиях в Беларуси речь о физическом выживании людей уже не ведется. Кроме того, само по себе стремление к индивидуальному выживанию необходимо каждому частному предпринимателю, всегда вынужденному действовать в условиях риска разорения. Опасным для бизнеса является только лишь использование этого индивидуального стремления для построения универсальной философии бизнеса. В подобном статусе оно является социально разрушительной силой, мешающей воспроизводству инвариантов развития. Таким образом, становится очевидным, что психология отчаяния не может служить мировоззренческой основой внутренней стабильности бизнеса.

На наш взгляд, такая основа может быть сформирована только лишь в результате диалектического синтеза индивидуального отчаяния-вызова (вместе с адекватно соответствующим ему психологическим стремлением к выживанию) и некоторой общей для всего бизнеса идеологией, нивелирующей негативное социальное влияние, сформировавшейся в качестве общественного феномена, психологии отчаяния. Мы полагаем, что такой идеологией может стать идеология достижения. Именно она, как отмечает американский психолог Д. Макклелланд, легла в основу зародившейся в Западной Европе системы частного предпринимательства. Описывая те изменения, которыми сопровождалось развитие капиталистических производственных отношений, Макклелланд приходит к выводу о том, что «протестантская реформа представляет собой частный случай любого идеологического движения, побуждающего людей ставить более высокие цели для достижения» [5]. Он утверждает, что гипотеза М. Вебера о связи протестантской реформы с духом капитализма «превращается в связь между идеологией достижения и более быстрым экономическим ростом» [5].

Особо подчеркнем, что данная идеология не является каким-то особым новым интеллектуальным элементом. Она вводится в общественное сознание не в качестве возмещения или дополнения к уже существующим элементам, а в качестве особой структурной единицы, помогающей социуму (в этом случае целому народу) осознать свое единство. Применительно к Беларуси можно утверждать, что нам необходимо распространение **общенациональной идеологии достижения**. Причем распространять данную идеологию нужно таким образом, чтобы учитывать традиционный менталитет нашего народа. Дело в том, что соотношение коллективистских и индивидуально-личностных компонент существенно различается в разных национально-этнических ментальных типах. В некоторых из них нравственная значимость индивидуально-личностной компоненты намного выше коллективистской. Менталитет же восточных славян прямо противоположен. Он отличается повышенным коллективизмом. Именно поэтому для Беларуси необходима не всякая идеология достижения, а лишь такая, которая способствовала бы соединению в единое целое как личностных усилий по достижению различных целей отдельными индивидами, так и деятельности всего нашего общества в целом. Кроме того, на наш взгляд, она обязана быть в одном существенном отношении аналогична протестантской трудовой этике, а именно: в ее рамках достижение материального успеха должно рассматриваться не в качестве конечной цели, а лишь как вспомогательное средство для достижения чего-то принципиально иного. Только лишь в этом случае идеология достижения способна стать условием внутренней стабильности бизнеса, а также объединить наш народ в единое целое. Предпринимательская же деятельность может стать не единственной, но одной из наиболее существенных сфер распространения идеологии достижения.

Кроме того, данная идеология с неизбежностью приведет к изменению отношения белорусского общества в целом как к самим частным предпринимателям, так и к оценке их деятельности. Особо подчеркнем, что в подобном случае не меньшую важность, чем экономическая, имеет этическая оценка. Мы считаем, что в отличие от первой последняя в Республике Беларусь носит преимущественно негативный характер. Конечно, определенная вина в сложившемся положении дел лежит и на самих бизнесменах, однако большое значение играет в этом случае и чисто субъективный фактор. Таким образом, необходимо коренное изменение общественного сознания, формирования в нем такого облика частного предпринимателя, при восприятии которого последний бы чувствовал себя не социальным изгоем, а необходимым элементом общественного устройства. В идеале же бизнесмен должен ощущать себя тем человеком, на плечи которого возложена ответственность за историческую судьбу всей нашей страны.

Теперь перейдем к внешним условиям стабильного развития бизнеса в обществах переходного типа. Во-первых, в качестве такого условия нужно указать на наличие в обществе устойчивого законодательства. Обратим внимание на то, что речь в подобном случае не идет о низком уровне налогообложения бизнесменов или о финансовых преференциях для них. В первую очередь, важным фактором является именно устойчивость законодательной базы. Конечно, в идеале желательно было бы наличие в нашей республике законов, способствующих развитию частного предпринимательства, и необходимо отметить, что в последнее время государством сделано много позитивного в данном направлении. Однако подчеркнем еще раз, что более важным является именно устойчивость законодательства. «Люди, – отмечал российский мыслитель Л.А. Тихомиров в работе «Монархическая государственность», – благодаря чрезвычайному богатству своих внутренних сил, могут

жить и развиваться даже при самых ужасных условиях, если только эти условия возведены в ясный и определенный порядок, все стороны которого заранее известны, а потому для каждого допускают возможность предвидения и расчета. Но если никакого порядка, даже нелепого, совсем нет, если все для всех является неожиданно, случайно, не допуская никакого предвидения, соображения и расчета – жизнь становится невозможна» [6].

Во-вторых, главным внешним условием устойчивого развития бизнеса является активное вмешательство самого государства в данный процесс. Именно государство должно стать в настоящее время координатором и гарантом такого развития системы частного предпринимательства в Беларуси. В нашей работе мы не будем рассматривать те практические формы, в рамках которых возможна реализация роли государства в устойчивом развитии бизнеса, а лишь укажем на главную причину принципиальной необходимости подобной роли. Для этого вспомним то определение устойчивости Данилова-Данильяна, которое было приведено в начале исследования. Согласно этому определению, необходимо сдерживать силы, стремящиеся к разрушению устойчивого состояния объекта. Общая характеристика данных сил приводится в новейшей научной разработке российских ученых «Устойчивое экономическое развитие в условиях глобализации и экономики знаний». Они представляют собой «объединения людей, интересы и цели которых находятся в противоречии с потребностями общества в целом» [7]. Или, иными словами, опасность устойчивому развитию несет «существование личностей и объединений людей с целями, которые противоречат хроноцелостному историческому процессу» [7]. Безусловно, в нашей республике существование таких личностей (пусть официально и не объединенных в организации, но по существу единых в своих разрушительных действиях) ощущается достаточно сильно. Также очевидно, что зарождающаяся в Беларуси система частного предпринимательства не в состоянии самостоятельно нивелировать их негативное воздействие на нее. А так как, по мнению государственных органов власти, белорусское общество в целом заинтересовано в развитии системы частного предпринимательства, то именно наше государство и должно в первую очередь защитить бизнес от негативной деятельности вышеуказанных личностей и их неформальных объединений.

Таким образом, в качестве основных условий устойчивого развития бизнеса в обществах переходного типа можно указать на следующие. Во-первых, широкое распространение в обществе общенациональной идеологии достижения. Во-вторых, наличие стабильного законодательства, регламентирующего частнопредпринимательскую деятельность. И в-третьих, активную роль государства как координатора и внешнего гаранта процесса развития бизнеса.

В заключение отметим: следствием неустойчивого развития любой системы будет вначале стагнация, а затем ее деградация и гибель, что может в свою очередь привести к уменьшению уровня устойчивости более общей системы, в которую она включена в качестве отдельного элемента. Конечно, сказанное не означает, что гибель зародившейся, но еще не ставшей на свою собственную основу системы частного предпринимательства автоматически приведет к уничтожению белорусской государственности. Речь идет лишь только о том, что устойчивое развитие этой системы будет способствовать укреплению нашего государства и независимости белорусского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года* / под ред. Я.М. Александрович [и др.]. – Минск, 2004. – С. 144.

2. **Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР):** пер. с англ. / под ред. С.А. Евтеева, Р.А. Перелета. – М., 1989.
3. **Данилов-Данильян, В.И.** Устойчивое развитие – проблема выживания человека / В.И. Данилов-Данильян // Человек. – 2003. – № 5. – С. 56.
4. **Кьеркегор, С.** Страх и трепет: пер. с дат. / С. Кьеркегор. – М., 1993. – С. 284.
5. **Макклелланд, Д.** Мотивация человека / Д. Макклелланд. – СПб., 2007. – С. 294.
6. **Тихомиров, Л.А.** Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров. – СПб., 1992. – С. 18–19.
7. **Устойчивое экономическое развитие в условиях глобализации и экономики знаний: концептуальные основы теории и практики управления** / под ред. В.В. Попкова. – М., 2007. – С. 30.

S U M M A R Y

The article deals with the analysis of internal and external conditions which are necessary for the business development on the territory of the former USSR. The author shows that in present day situation in Belarus business is not a self supporting system. So, private entrepreneurs' efforts are not enough for a stable business development. Thus the Belarusian state should give support to entrepreneurship and should guarantee business stability in our Republic.

Поступила в редакцию 14.01.2009

УДК 316.346-053.6

Е.Д. Смоленко

Морально-половое воспитание молодежи: об отношении к целомудрию в семье

Одной из актуальнейших медико-социальных проблем в большинстве стран постсоветского пространства сегодня является сохранение здоровья молодежи и восстановление нравственных устоев общества [1]. Ухудшение демографической ситуации, обусловленное высоким уровнем заболеваемости и общей смертности населения, снижением рождаемости и ухудшением здоровья детей, придает особую значимость охране *репродуктивного здоровья* населения [2–3].

Среди множества направлений государственной **концепции охраны репродуктивного здоровья** выделяют:

- распространение среди молодежи информации о безопасном и ответственном поведении (особенно в подростковом периоде жизни), включая безопасное сексуальное поведение;
- создание служб планирования семьи;
- профилактику нежелательной беременности, снижение числа аборт, обеспечение условий для безопасного проведения абортов;
- профилактику, раннее выявление и лечение инфекций, передаваемых половым путем (ИППП), включая ВИЧ/СПИД;
- раннее выявление и лечение онкологических заболеваний репродуктивных органов женщин и мужчин;
- вовлечение мужчин в процесс охраны репродуктивного здоровья;
- искоренение всех форм насилия в отношении женщин.

Разрабатываются новые формы морально-полового воспитания и формирования сексуальной культуры молодежи [4]. В то же время вызывают глубо-

кое недоумение как широкий диапазон терпимости граждан в отношении царящего «разгула» сексуальной вседозволенности, так и нежелание возвращения к традициям христианского воспитания подрастающего поколения [5–6].

В средствах массовой информации и на сайтах сети Интернет можно встретить множество определений и противоречивых трактовок столь значимого для педагога, врача и воспитателя понятия, как **«целомудрие»**.

Циничны и двусмысленны цитаты, обнаруженные нами в Википедии: «Кульм девичества установили не женщины, потому что в этих делах они куда мудрее мужчин» (Лоренцо Валла); «Легко прощать врагов, когда не имеешь достаточно ума, чтобы вредить им, и легко быть целомудренным человеку с прыщеватым носом» (Генрих Гейне); «Наивность – это родная сестра невинности и двоюродная – глупости» (Поль Декурсель); «Целомудренная та, которую никто не пожелал» (Овидий); «Целомудрие – самое неестественное из всех сексуальных извращений» (Олдос Хаксли); «Невинность – идеал тех, кто любит лишать невинности» (Карл Краус); «Невинность – это пробуждающаяся чувственность, которая еще не понимает себя» (Фридрих Геббель).

О чем подумает читающий эти строки подросток, если дома и на улице его окружают бездуховные черствые люди? Как уберечь юную душу и оградить пылкий мозг молодого человека от тлетворного влияния цитируемых на сайте «мыслителей»? Незрелый ум воспринимает яркие картинки о «красивой» жизни, утрированно веселые кинофильмы и клипы, пропагандирующие «легкие» отношения и «свободную» любовь, как желанные и единственно правильные.

Однако и в этом соре можно найти несколько мудрых высказываний: «Небо всегда покровительствует невинности!» (Пьер Бомарше); «Разнузданная чувственность приводит к убеждению, что мир бессмыслен. Целомудрие, напротив, возвращает миру смысл» (Альбер Камю).

Как сформировать у подростка, вступающего в мир взрослых, навыки отделения зерен от плевел? Как сберечь в бушующем море соблазнов и страстей важнейшее качество юной души – целомудрие? Как привить будущим родителям и учителям новые взгляды на формирование репродуктивного здоровья и сохранение фертильности их детей и воспитанников [5–6]?

Целью настоящего исследования явилось изучение отношения к целомудрию в студенческой среде.

Материалы и методы. Методом случайной выборки проведено анонимное анкетирование студентов ВГУ им. П.М. Машерова, ВГТУ и учащихся Оршанского педагогического колледжа. В исследовании принимали участие 440 молодых людей в возрасте от 16-ти до 24-х лет, в том числе 220 девушек и 220 юношей.

Результаты исследования. Данные анкетирования свидетельствуют о том, что преобладающему большинству (89,7%) девушек знакомо понятие нравственной чистоты и целомудрия, ничего не знают либо не имеют ясного представления об этом 6,2% и 4,1% респонденток, соответственно.

Дать правильное определение и охарактеризовать термин «целомудрие» смогли 59,3% юношей. Абсолютно неосведомленными в этом вопросе оказались 30,6%, недостаточно осведомлены – 10,1% представителей «сильного пола» (рис. 1).

Соблюдают девственность 14,2% девушек и 15,1% юношей (рис. 2). Из числа имеющих сексуальный опыт студентов в официальном браке состоят только 5,1% и 1,5%, соответственно.

Оказалось, что большинство (71,6%) девушек не считают девственность обязательным качеством будущего мужа. Безразлично к этому относятся 17,2% опрошенных студенток. По мнению только 11,2% респонденток это оказывает большое влияние на семейные отношения (рис. 3).

Рис. 1. Представление респондентов о понятии «целомудрие».

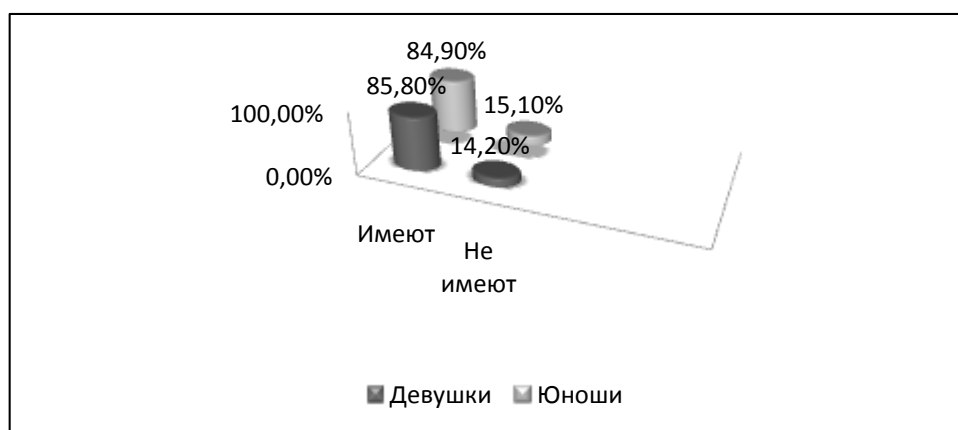

Рис. 2. Сексуальный опыт респондентов.

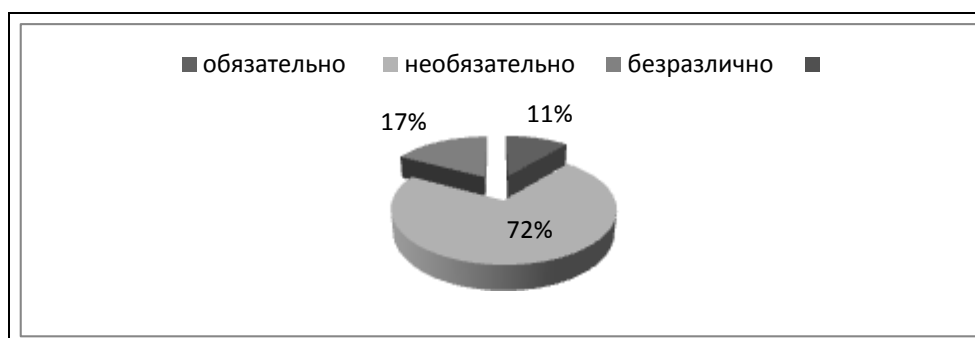

Рис. 3. Отношение девушек к девственности будущего мужа.

Для 48,7% молодых людей невинность их будущих жен очень важна, 25,1% относятся к этому безразлично, а 26,2% – отрицательно (рис. 4).

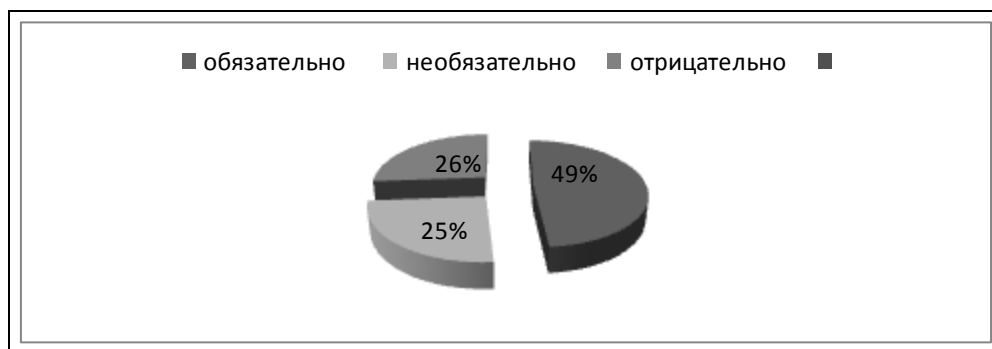

Рис. 4. **Отношение юношей к девственности будущей жены.**

Основная часть опрошенных (78,2% девушек и 71,3% юношей) планируют в будущем вступление в официальный брак, характеризуя его как более «надежный», «крепкий» и несущий в себе «больше ответственности». 17,1% девушек и 32,2% юношей отдают предпочтение «гражданскому браку», не ограничивающему их свободу. Сожительство в незарегистрированном браке, для того, чтобы «лучше узнать друг друга», и последующее вступление в официальный выбирают для себя 4,7% девушек и 3,5% юношей (рис. 5).

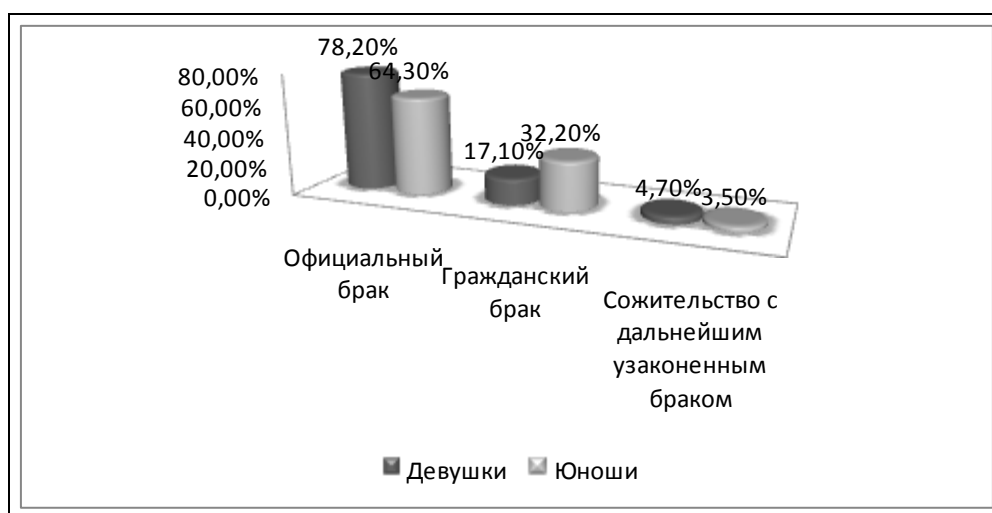

Рис. 5. **Формы совместного проживания, избираемые молодыми людьми.**

Суждения молодежи о значении девственности оказались неожиданными: необходимость ее для сохранения репродуктивного потенциала женщины осознают половина (49,5%) опрошенных студентов и менее четверти (24,3%) студенток.

Большая часть (66,2%) девушек и 44,4% юношей думают, что это не так уж и важно, а 6,1% юношей и 9,5% девушек затрудняются с ответом (рис. 6).

Безусловный интерес представляют полученные нами данные о влиянии членов семьи на интимную сторону жизни студентов (рис. 7 и 8). Родители девушек более осведомлены (64,4% знают и 35,6% не знают о половых связях дочери) по сравнению с родителями юношей (46,7% знают, 53,3% – нет).

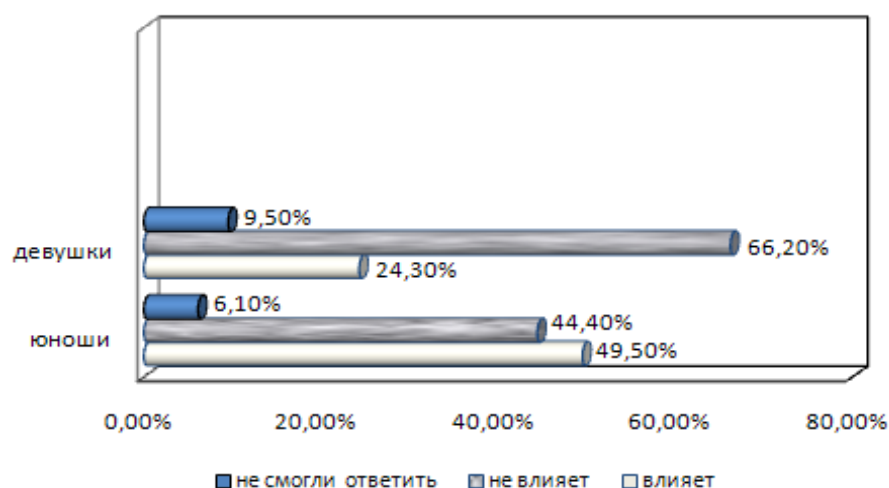

Рис. 6. Значение целомудрия для сохранения репродуктивного здоровья будущей матери.

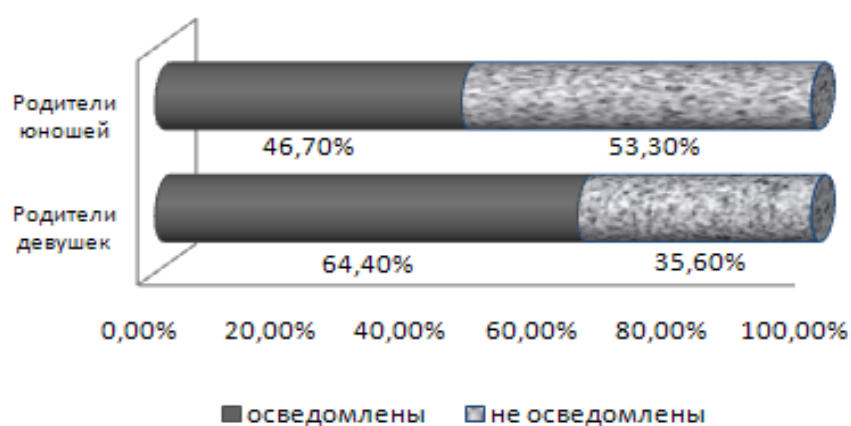

Рис. 7. Степень осведомленности родителей о половой жизни студентов.

Рис. 8. Отношение родителей респондентов к добрачным половым связям своих детей.

Поощряют внебрачные отношения родители более половины (56,4%) опрошенных студенток и трети (31,2%) студентов. Отрицательные эмоции подобные связи чаще вызывают в семьях девушек: 22,5% по сравнению с 2,1%. Абсолютное безразличие проявляют родители 66,7% респондентов и 21,1% респонденток (рис. 8).

За советами по вопросам половой жизни и репродуктивного здоровья к родителям обращаются 27,3% девушек и 16,2% юношей. Никогда не обсуждают в семье эту тему 44,3% и 46,5% из них соответственно. 28,5% студенток и 37,3% студентов считают, что они в этом не нуждаются (рис. 9).

Оказалось, что мнение родителей большинства (80,5%) юношей и более чем половины (53,2%) девушек не оказывает влияния на их отношения с партнером. Всегда прислушиваются к мнению родителей 17,4% и 37,1% из них соответственно, в то время как 2,1% студентов и 9,7% студенток только иногда учитывают мнение старших (рис. 10).

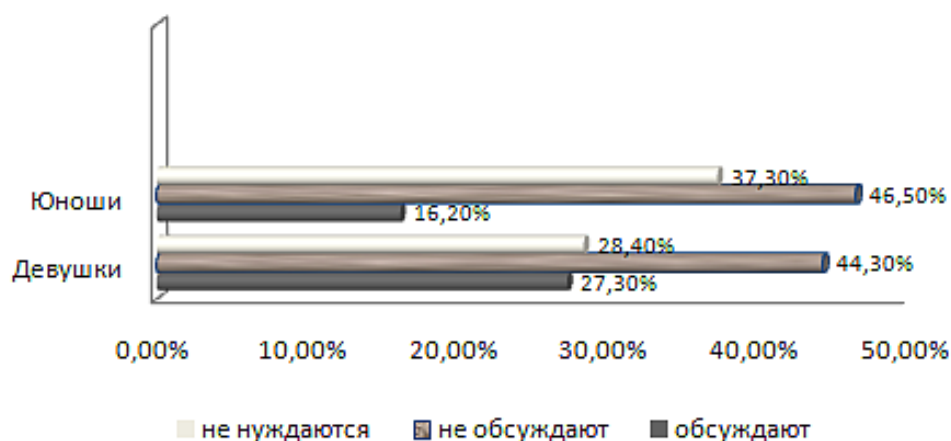

Рис. 9. Частота обращаемости к родителям за советами по «интимным» вопросам.

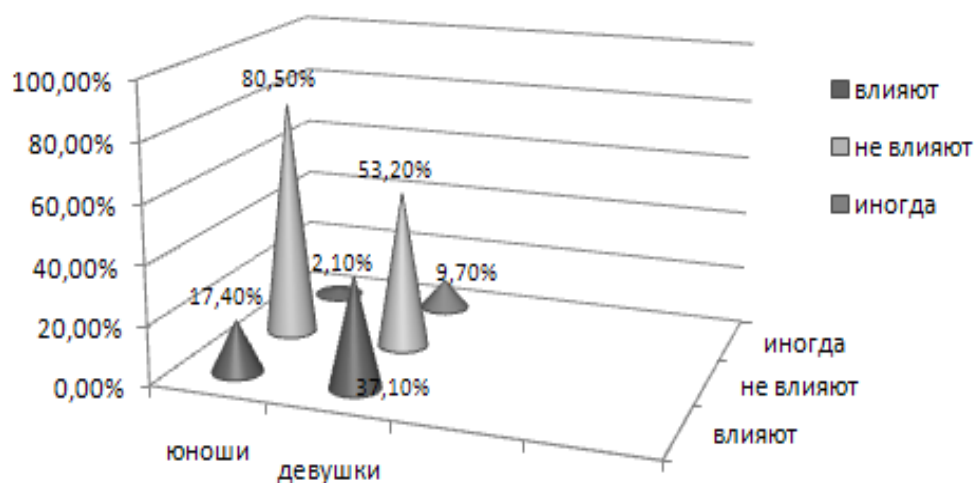

Рис. 10. Способность родителей оказывать влияние на отношения респондентов с половыми партнерами.

Заключение. Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что:

- для большинства девушек и юношей понятие «целомудрие» не ново, однако его истинный смысл осознается немногими;
- стремясь к созданию в дальнейшем крепкой семьи, подавляющее большинство респондентов в настоящее время имеют внебрачные сексуальные отношения и не задумываются о последствиях такого образа жизни для них и их будущих детей;
- суждения респондентов о значении добрачной девственности будущих супругов свидетельствуют о низком уровне их осведомленности в вопросах формирования и сохранения репродуктивного здоровья;
- участие родителей в морально-половом и нравственном воспитании детей в большинстве случаев сводится к безмолвному созерцанию и даже одобрению внебрачных половых связей своих детей.

Подводя итог сказанному, можно сделать **вывод** о том, что **усилия педагогов, врачей и родителей в большей степени должны быть направлены на воспитание подрастающего поколения в традициях целомудрия, чем на пропаганду безопасного секса.**

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Смоленко, Е.Д.** Репродуктивное здоровье молодежи: актуальность и опыт изучения проблемы в студенческой среде / Е.Д. Смоленко // Проблемы врачебной этики в современном мире: тезисы III Международной медицинской конференции. – Минск: УП «Изд-во «Про Христо», 2007. – С. 74–78.
2. **Пресс-релиз к пресс-конференции с участием представителей Министерства здравоохранения Республики Беларусь и Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА), посвященной Центрам здоровья молодежи.** – 17.08.2006.
3. **Пресс-релиз «Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь: состояние, проблемы и пути реализации».** – 13.08.2007.
4. **Девярых, С.Ю.** Социология юношеской сексуальности: сексуальное поведение и установки студенческой молодежи: пособие для специалистов социально-педагогического и санитарно-гигиенического профиля / С.Ю. Девярых. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2005. – 51 с.
5. **Смоленко, Е.Д.** Репродуктивное здоровье женщины: отношение к проблеме в студенческой среде / Е.Д. Смоленко, И.М. Прищепа // Экологическая антропология (ежегодник). – Минск: Изд-во Белорусского комитета «Дети Чернобыля», 2006. – С. 100–103.
6. **Смоленко, Е.Д.** Моральные ценности и репродуктивные установки современной студенческой молодежи / Е.Д. Смоленко, И.М. Прищепа // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2008. – Т. 7. – С. 27–37.

S U M M A R Y

The work is devoted to the problem of moral-sexual education of the youth. The attitude to chastity in the students' environment and families of young citizens of Belarus was studied. The author comes to the conclusion that teachers', doctors' and parents' efforts should be directed at rising generation upbringing in traditions of chastity instead of propagation of safe sex.

Поступила в редакцию 12.03.2009

Концептуализация понятия «физическая социализация»

В условиях социальных трансформаций неуклонно возрастает потребность в физической социализации белорусских граждан, сохранении и укреплении их здоровья. Особенно в физическом развитии нуждается современная молодежь, здоровье которой, к сожалению, постоянно ухудшается. В частности, возрастает количество детей, отнесенных к специальной медицинской группе по физическому воспитанию: в 2005 г. – 2,1%; в 2007 г. – 3,7% [1].

Но ведь именно от физического и духовного состояния молодых людей во многом зависит прогресс нашего общества. Не случайно Глава государства А.Г. Лукашенко в своем очередном послании белорусскому народу и Национальному собранию подчеркнул, что негативные тенденции «...пока не поразили Беларусь до такой степени, как некоторые другие страны. Но это отнюдь не повод для самоуспокоенности. Напротив, мы должны действовать, чтобы не упустить время. Нам надо усиливать иммунитет общества, чтобы сохранить здоровье человека и противостоять той «нравственной заразе», которая приходит к нам извне» [2].

В этой связи назрела острая необходимость в выработке очень важной, на наш взгляд, категории «физическая социализация», которая значительно шире по объему понятия «физическое воспитание», поскольку отражает стихийные и сознательные процессы физического, социально-психологического и духовного развития личности.

К сожалению, обозначенная категория совершенно не разработана как в советской, так и постсоветской научной литературе. Ее определения нет даже в «Спортивной энциклопедии Беларуси», которая, по своей сути, является фундаментальным изданием [3]. К слову сказать, и в российских аналогичных источниках это понятие также отсутствует. В частности, в справочнике «Терминология спорта...» мы не найдем его дефиницию [4]. В итоге методологическая неразработанность категории «физическая социализация» значительно затрудняет процесс формирования у каждого молодого человека его физических, социально-психологических и гражданско-патриотических качеств.

Об этом свидетельствуют наши социологические замеры, проведенные в Витебской, Гомельской, Минской и Могилевской областях по теме «Здоровье как ресурс нации». Всего было опрошено 1276 школьников 10 и 11 классов, из которых девушки составили 61% (784), юноши – 39% (492), что в целом отражает демографическую ситуацию в Республике Беларусь. Респондентам задавались следующие вопросы: «Способствуют ли учебные занятия по физической культуре в выработке у Вас нижеперечисленных социально-психологических и гражданско-патриотических качеств?»; «Если да, то каких?» (возможно несколько вариантов ответов). Мнения опрошенных (в %) представлены в табл.

Представленные в таблице материалы свидетельствуют о том, что в физическом воспитании существенно ослаблена его гражданско-патриотическая составляющая. Занятия физическими упражнениями в основном сориентированы на выработку у респондентов социально-психологических качеств. Скорее всего, укрепление здоровья старшеклассников для их будущей

профессии, воспитание у них готовности к защите своего Отечества преподавателями физической культуры понимаются не так значимо. Скажем, формирование у девушек патриотизма как важного духовного феномена совершенно не прослеживается (см. индикатор 6) [5].

Таблица

Варианты ответов	Юноши	Девушки	В среднем
1. Дисциплинированность	30	34	32
2. Организованность	41	40	40
3. Сила воли	54	58	56
4. Ответственность	27	23	24
5. Укрепление здоровья для своей будущей профессии	25	20	22
6. Готовность к защите своего Отечества	21	0,2	10

Таким образом, ответы респондентов позволяют предположить, что процесс физического воспитания учащейся молодежи понимается субъектами воспитательного процесса несколько односторонне и упрощенно: как формирование у нее в основном двигательных навыков и физических качеств.

В целом актуальность разработки категории «физическая социализация» обусловлена практической жизнью людей, которые просто обязаны постоянно следить за состоянием собственного здоровья. Ведь физическое и социально-психологическое недомогание населения вызывает негативные социальные последствия: оно приносит огромный ущерб народному хозяйству; граждане со слабым здоровьем не способны эффективно защищать родное государство, что значительно снижает национальную безопасность страны. Поэтому каждый человек должен обладать чувством ответственности перед обществом за сохранение и укрепление своего здоровья и здоровья своих близких. Это во-первых.

Во-вторых, неразработанность категории «физическая социализация» ведет к методологической некорректности таких важных педагогических понятий, как «физическое воспитание», «физическое образование», «физическое совершенство» и др. В частности, российские авторы, рассматривая теорию физического воспитания, выделяют в ней следующие основные понятия: 1) «физическое воспитание»; 2) «физическая подготовка»; 3) «физическое развитие»; 4) «физическое совершенство»; 5) «спорт» [6]. При определении, скажем, обозначенного понятия «физическое воспитание» возникают методологические затруднения: как его содержание соотнести с самой теорией физического воспитания?

Ведь согласно философской трактовке теория в широком смысле понимается как комплекс взглядов, представлений, идей, направленных на истолкование и объяснение каких-либо явлений; в узком и специальном смысле она рассматривается в качестве высшей, самой развитой формы организации научного знания, дающей целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности – объекта данной теории [7]. А из приведенного выше понятия «теория физического воспитания» трудно уяснить, в каком смысле оно трактуется – в узком или широком – и чем оно отличается от самого понятия «физическое воспитание».

В-третьих, ограничивая методологию физического воспитания только двигательными навыками и физическими качествами личности, исследователи тем самым автоматически упускают из поля зрения стихийные процессы, которые также играют немаловажную роль в ее физическом воспитании. Об

этом и говорят результаты упомянутого нами социологического мониторинга. Поскольку абсолютное большинство респондентов не удовлетворено качеством проведения занятий физическими упражнениями, то они самостоятельно (можно сказать, стихийно) удовлетворяют собственные потребности и интересы в укреплении здоровья и улучшении физического состояния [5, с. 42].

Иными словами, не только физическое воспитание способствует формированию здорового образа жизни старшеклассников, но и стихийные факторы (двор, улица, родные, близкие, друзья, товарищи по учебе и др.) также оказывают значимое влияние на их физкультурно-оздоровительную деятельность. Поэтому субъекты физического воспитания призваны строить свою работу так, чтобы сознательная составляющая была доминирующей в физическом развитии учащейся молодежи.

В-четвертых, редуцированное (упрощенное) понимание физического воспитания, как уже указывалось, не способствует выработке у молодых людей должных гражданско-патриотических приоритетов. Безусловно, основой воспитания гражданско-патриотических ценностей подрастающего поколения является семья. Именно в ней закладываются базовые ценности личности. Тем не менее, общеобразовательная школа выступает в качестве важного звена в социализационном процессе учащейся молодежи, в котором терминальные ценности, сформированные в семье, должны развиваться на более высоком, социально значимом уровне.

Вместе с тем, сложившаяся в школах, профессионально-технических учреждениях и вузах постсоветская теория и практика физического воспитания не обеспечивает должного уровня здоровья учащейся молодежи, не вырабатывает у нее потребности в здоровом образе жизни, подлинного интереса к физкультурно-спортивной деятельности.

А ведь в недалеком прошлом Всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО) составлял основу советской системы физического воспитания и имел своей целью способствовать укреплению здоровья, всестороннему развитию советских граждан, успешной их подготовке к трудовой деятельности и защите социалистической Родины. Комплекс ГТО отражал идейно-политическую направленность советской системы физического воспитания. В Советском Союзе он был положен в основу содержания всех учебных программ по физическому воспитанию.

К сожалению, с распадом СССР, деидеологизацией всех сфер жизнедеятельности общества гражданско-патриотическую направленность (осознанно или неосознанно) «изъяли» из процесса физического воспитания. Однако аксиоматично, что без духовной составляющей у личности невозможно выработать настоящую силу, выносливость и другие качества, которые так необходимы в стрессовых ситуациях.

Для того чтобы определить категорию «физическая социализация», следует обозначить свое отношение к трактовке самого понятия «физическое». Под последним мы будем подразумевать природные морфофункциональные свойства организма, генезис которого, как отмечает Л.П. Матвеев, «...происходит по его естественным закономерностям, которые никто не волен упразднить (закономерности возрастной последовательности и неравномерности развития, взаимодействия генетических и средовых факторов развития и др.). ... Развертываясь по естественным законам, процесс физического развития человека одновременно во многом обусловлен конкретными общественными условиями жизни, деятельностью и особенно физическим воспитанием» [8].

Как видно из сказанного, развитие человеческого организма детерминировано как природными, так и социальными феноменами, которые охватываются более содержательной категорией «физическая социализация».

В целом, под социализацией понимают «процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования индивида в данном обществе. Социализация охватывает все процессы приобщения к культуре, коммуникации и научения, с помощью которых человек приобретает социальную природу и способность участвовать в социальной жизни» [9]. В современных научных публикациях выделяют такие значимые ее составляющие, как политическую социализацию, правовую социализацию, экологическую социализацию, педагогическую социализацию, гражданскую социализацию, патристическую социализацию и др.

Наряду с уже выделенными разновидностями социализации, мы, опираясь на приведенную выше аргументацию, предлагаем концептуализировать и понятие «физическая социализация», под которой будем понимать стихийные и сознательные процессы приобщения и присвоения личностью определенной системы физических, спортивных, социально-психологических, гуманистических и культурно-оздоровительных знаний, ценностей, норм и традиций, необходимой ей для оптимизации своего общего анатомо-физиологического состояния, сохранения и укрепления здоровья, активной деятельности на благо родного Отечества. Физическая социализация происходит перманентно под воздействием различных условий жизни – макро-, мезо- и микрофакторов. Она – многоцелевая, в ней задействованы различные слои населения, каждый из которых, находясь на определенных ступенях социальной лестницы, имеет собственное представление о физической культуре, физической красоте, физическом здоровье в целом.

Стихийными процессами физической социализации очень трудно руководить и управлять. Актуальность их заключается в том, что они во многом определяют физическое развитие личности. Ведь повседневность больших масс людей ограничивается в основном их обыденным, стихийным сознанием, которое в процессе их воспитания наполняется научным содержанием, включая и их будничные представления о своем здоровье и здоровом образе жизни. Поэтому физическое воспитание как целенаправленный, социально обусловленный педагогический процесс, осуществляемый государством, подчиненными ему учреждениями образования и воспитания, специально для этой деятельности подготовленными людьми (преподавателями физкультуры, учителями допризывной подготовки, тренерами, инструкторами, методистами, врачами и др.), является ключевой составляющей в системе физической социализации населения Республики Беларусь.

Целью физического воспитания является физическое совершенство граждан белорусского общества. Под последним понимается «такой уровень развития человека, который бы обеспечивал: 1. Крепкое здоровье, основанное на активной деятельности всех систем человеческого организма. 2. Всестороннее, гармоническое развитие всех физических качеств в единстве с морально-волевыми качествами, создание большого запаса двигательных навыков. Повышение на этой основе функциональных возможностей организма. 3. Приобретение высокой общей и специальной работоспособности организма, обеспечивающей возможность длительной высокопроизводительной физической и умственной деятельности. 4. Гармоническое развитие фигуры, достижение четкой координации движений» [10].

Мы специально сослались на определение понятия «физическое совершенство», данное в советской научной литературе. Дело в том, что в современных учебниках по теории и методике физического воспитания и спорта оно также

как и понятие «физическое воспитание» трактуется упрощенно и односторонне: в нем не прослеживается гуманистический потенциал, который присутствует как в физической социализации, так и в физическом воспитании. Ведь результатом физической социализации в целом и физическом воспитании в частности является физическая культура, которая, будучи важной составляющей общей культуры социума и личности, представляет собой освоенную ею систему физических, социально-психологических и культурно-оздоровительных ценностей. Она «гуманизирует» не деятельность человека, а его самого.

Следует отметить, что в настоящее время понятие «физическая культура» порой трактуется расплывчато и неоднозначно: «то как одна из сфер социальной деятельности, направленная на укрепление здоровья, развитие физических способностей человека и применение их в соответствии с запросами общества...»; «то как рациональное использование человеком двигательной деятельности в качестве фактора оптимизации своего состояния и развития, физической подготовки к жизненной практике». Можно привести и другие определения понятия «физическая культура», но в этом нет никакой надобности, поскольку оно многими авторами преимущественно рассматривается и в качестве процесса, и в качестве результата деятельности. Поэтому и неудивительно, что в научных публикациях зачастую встречается, с логической точки зрения, некорректное выражение: «заниматься физической культурой».

Ведь в обобщенной трактовке категория «культура» (от лат. culture – возделывание, образование, развитие, почитание) есть «специфический способ организации и развития человеческой деятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе». Иными словами, в культуре фиксируются ценности, идеалы, нормы и т.д. больших масс людей, которые вырабатываются в процессе их социализации.

Опираясь на философское определение категории «культура», под физической культурой будем понимать систему сформированных у личности физических, социально-психологических, гуманистических и духовно-оздоровительных ценностей. Если их конкретизировать, то к ним можно отнести следующие здоровьесберегающие и культурно-гуманистические приоритеты: развитые физические качества индивидов, улучшенное физическое состояние, повышенное настроение, здоровый образ жизни, оптимизм и др. В свою очередь, ценности физической культуры вырабатываются в процессе физического воспитания личности, которое фиксирует в своем содержании занятия физическими упражнениями, узкоспециализированные тренировки, туристические походы, спортивно-массовые мероприятия, морально-волевые факторы и другие компоненты процесса физической социализации. Из сказанного вытекает, что понятия «физическое воспитание» и «физическая культура» по своему смыслу различны, их нельзя смешивать между собой. Первое понятие выражает процесс, второе – отражает результат физической деятельности субъекта.

Заключение. Во-первых, в транзитивном (переходном) обществе, в котором кардинальным образом изменяются его духовные основания, физической социализации и ее ключевой составляющей – физическому воспитанию – отводится одно из приоритетных мест в социализационном процессе учащейся молодежи. Именно они призваны сформировать у современного поколения подлинно зрелые детерминанты физической активности. В свою очередь, эффективность осуществления физической социализации во многом зависит от ее всесторонних теоретико-методологических разработок, к сожалению, выпавших из поля зрения исследователей, упущения которых в определен-

ной мере мы и пытаемся восполнить.

Во-вторых, по мере приобщения учащейся молодежи к ценностям физической культуры физическое воспитание обязано перманентно и неуклонно вытеснять в ее физической социализации доминирующие стихийные процессы.

В-третьих, физическое воспитание не следует трактовать расширительно: в качестве процесса и результата. Нельзя заниматься физической культурой – готовыми ценностями. Последние являются предметом как физической социализации в целом, так и физического воспитания в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гулицкая, Н.И.** Состояние здоровья детей в Республике Беларусь / Н.И. Гулицкая, Л.Н. Ломоть // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. – 2006. – № 11. – С. 12–14.
2. **Лукашенко, А.Г.** Здоровье государства – это благополучие человека, согласие в обществе, целеустремленность нации / А.Г. Лукашенко // Советская Белоруссия. – 2008. – 30 апр. – С. 1.
3. **Спортивная энциклопедия Беларуси** / редкол.: Ю.Л. Сиваков (пред.) [и др.]. – Минск: БелЭн, 2005. – 504 с.
4. **Терминология спорта:** Толковый словарь спортивных терминов: около 9500 терминов / сост.: Ф.П. Суслов, Д.А. Тышлер. – М.: СпортАкадемияПресс, 2001. – 480 с.
5. **Гащенко, Л.А.** Здоровье как ресурс нации / Л.А. Гащенко, П.С. Васильков // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2008. – Т. 7. – С. 43.
6. **Холодов, Ж.К.** Теория и методика физического воспитания и спорта: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. и доп. / Ж.К. Холодов, В.С. Кузнецов. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 6–7.
7. **Теория:** философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 676.
8. **Матвеев, Л.П.** Теория и методика физической культуры (общие основы теории и методики физического воспитания; теоретико-методологические аспекты спорта и профессионально-прикладных форм физической культуры): учеб. для ин-тов физ. культуры / Л.П. Матвеев. – М.: Физкультура и спорт, 1991. – С. 8.
9. **Социализация:** Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г.В. Осипова. – М., 1998. – С. 478.
10. **Михайлов, В.** Физическая культура в период строительства коммунизма / В. Михайлов. – М., 1964. – С. 56.

S U M M A R Y

The article is devoted to the investigation of such a category as «physical socialization». It deals with actuality and significance for improving «Theory and methodology of physical education».

Поступила в редакцию 4.03.2009

Схема социальной динамики и концепция «всемирной истории» Н.А. Рожкова

Переломный для российской исторической науки период конца XIX – начала XX в. стал временем критического переосмысления устоявшихся взглядов на схему, характер и движущие силы общественно-исторического развития. В первую очередь это было связано с проявившимся кризисом старой концепции однолинейного культурно-исторического прогресса, всецело доминировавшей в XIX веке. Подвергнутая существенному сомнению еще тогда представителями социально-философской мысли (Н.Я. Данилевским, К.Н. Леонтьевым), она была окончательно отвергнута в работах ряда более поздних авторов, каждый из которых дал свое индивидуальное и зачастую неоднозначное видение проблемы. К числу таких имен правомерно отнести и имя Н.А. Рожкова (1868–1927), чьи исторические взгляды обладали чертами, делавшими их уникальными и достойными отдельного внимания. Выдающийся историк и социолог, интеллигент с активной социальной позицией, у которого изучение прошлого тесно переплеталось с политической работой в настоящем. Выработанная им историческая концепция не только удовлетворяла теоретико-методологические устремления (поиск закономерностей), но и давала ключ к пониманию задач, выдвигаемых развитием России (и не только) и на основе решения их толкала к участию в политической жизни. Концепция, включив в себя элементы позитивизма и марксизма, одновременно стала ответом на идею однолинейного развития, всемирно-исторической точке зрения, свойственной как социологии О. Конта, так и формационному подходу К. Маркса. Нацеленная на выявление общих исторических законов, она содержала идею особого и даже более чем специфического их воздействия на судьбы отдельных народов.

История изучения концепции Рожкова не была простой. Дореволюционные ученые обращали внимание лишь на некоторые сюжеты – отдельные моменты методологии, проблемы исследований хозяйства Московской Руси. Первые попытки полноценного изучения были предприняты в ранней советской историографии, в очерке исследователей (М.В. Нечкиной, В.И. Невского), пытавшихся доказать близость его взглядов к марксизму. Но в целом концепция стала объектом критики советской науки. Основой послужили слова В.И. Ленина «Рожков заучил ряд положений марксизма, но не понял их» [1]. Предвзятые оценки содержались в работах А.Л. Сидорова, Р.А. Авербуха, А. Петровой, Н.Л. Рубинштейна, стремившихся принизить статус концепции. Дублировали подобные суждения и советские учебники 60–70-х гг. XX в. (В.Е. Иллерицкого, А.Н. Сахарова). Объективное постижение концепции остается актуальной задачей, предопределившей написание статьи, особенно ввиду слабой изученности роли Рожкова как исследователя истории не только русской, но и всеобщей.

Концепция Рожкова создавалась параллельно с его социологической схемой. Поэтому был выдвинут аргумент против версии о полной обусловленности исторических изысканий заранее сформулированными социологическими гипотезами. В его работах заметно неприятие «дедукции из заранее принятой мысли», «элемента произвола» [2]. Целью предложенной концепции являлось максимальное сближение модели и «прототипа» посредством детальной проработки исторического материала. Попытки сближения проявились в делении социологии на два учения – о социальной статике (изучение общества в состоянии покоя) и социальной динамике (в состоянии развития). «Статика» сводилась к делению общественных явлений на явления природные, хозяйственные, социальные, политические, явления духовной культуры [2,

с. 175]. Важнейшее значение имело выявление причинной связи между категориями (эволюционными процессами) на основе идеи единства мира, монизма, объясняющего исторические закономерности путем выделения центрального фактора, исключительно воздействующего на все остальные. Стремление дистанцироваться от теории географического детерминизма придало природному фактору статус вспомогательного и теряющего свою силу по мере развития [2, с. 169]. Главная роль отводилась хозяйственной жизни, в которой энергия природы превращается в энергию общественной жизни [3]. Экономические явления признавались наименее зависимыми, лишь частично определяющимися естественными условиями. Теория статике оставалась далекой от марксистских взглядов. Акцент делался не на рост производительных сил, а на формы хозяйства и распределения благ [4]. Рожков сторонился «вульгарного материализма», объяснения всего экономическими явлениями, которые непосредственно влияют на социальные отношения, но слабее на политические явления. Еще меньше их воздействие на явления духовной культуры, кои «многообразны, с трудом поддаются обобщению и до сих пор изучаются не с точки зрения исторической закономерности, а с метафизической, эстетической» [5]. Связующим звеном хозяйства и культурной жизни признавались психология, психические типы. Общество подразделялось на группы, и индивидуальности включались в состав высшего целого, психического типа [2, с. 186]. Делящиеся на эгоистов, индивидуалистов, этиков, эстетиков, аналитиков, ряд смешанных характеров, эти типы были выделены на основе анализа классических художественно-литературных образов. Закон статике сводился к тому, что культурный облик общества определяется его психическим складом, типами, которые слагаются под воздействием хозяйственных явлений, устройства общества и государственного строя [4, с. 41–42].

Несмотря на фундаментальное значение статике, автор признавал ее задачу «сугубо формальной» в противовес «реальной» задачи динамики. Последняя «берет весь процесс исторического развития каждого общества и сравнивает его с процессами развития других обществ, чтобы путем этого сравнения и на основе выводов статике построить законы общественного движения» [4, с. 9]. Официально историк не сводил социальную динамику непосредственно к исторической науке. Но на практике он допускал их взаимное слияние. На момент начала написания «Русской истории» он признавал, что реальная исторически обоснованная социальная динамика почти совершенно не разработана в отличие от статике [5, с. 7].

Ключевым моментом «динамики» оставался вопрос о характере общественного развития. Историк подчеркивал неразрывную связь внешней (монистической) причинности с причинностью внутренней (эволюционной). Понятием «эволюция» он предлагал заменить устаревший термин «диалектика» [3, с. 61]. Признавая скачки, в ходе которых количественные изменения пре-

вращаются в качественные, Рожков настаивал на плавном переходе от одной эпохи к другой. Он стремился оставить в стороне вопрос о взаимных отношениях и борьбе, а отмечать соотношение старого и нового в истории. В социальной сфере он ограничивался констатацией факта классово-сословного устройства общества: деление сословий в противоположность экономическим в своей основе классам шло по юридическому критерию. Термин «классовая борьба» использовался в основном в демонстративных целях.

Основной закон «динамики» устанавливал принцип постоянной эволюционной последовательности периодов в истории всех отдельных народов. Для ее обнаружения требовалось выйти за пределы одной страны. Рожков не принадлежал к историкам, которые ограничивали свою исследовательскую деятельность исключительно национальными рамками. Уже в начале XX в. им предпринимались попытки сравнительно-исторического изучения, выделения совокупности сходных явлений в истории разных народов на одинаковых ступенях развития и поиск причин этого сходства, логическим завершением чего позже стала двенадцатитомная «Русская история» (1919–1926). Подобно П.Н. Милюкову в сравнительном методе Рожков изначально видел средство выявить черты сходства и различия России с Западной Европой. Реальной целью стало разрушение теории единого всемирно-исторического процесса, которую поддерживали сторонники неокантианского учения Г. Риккерта, полагавшего, что ни одно событие не повторяется (отрицая возможность исторической закономерности) [5, с. 11]. Рожков не признавал возможным приложение идеи закономерности ко всему человечеству, взятому в целом, в противоположность Н.И. Карееву, отмечавшему, что историю нельзя рассматривать как сумму отдельных стран и народов, ибо судьбы их переплетены между собою, а постепенное единение их – суть закономерности развития [6]. Отказ от всемирно-исторической точки зрения в трудах Рожкова, как и ряда других представителей позднего или критического позитивизма (П.Н. Милюкова, Р.Ю. Виппера), был ответом и классическому учению О. Конта о трех стадиях общечеловеческого развития, и марксизму с его идеей необратимой, прогрессивной смены нескольких формаций. Ответом и популярной в тот период ойкосной концепции К. Бюхера, делившего всю историю на три периода с господствовавшей в каждом из них одной, «индивидуальной» формой хозяйства. Рожков разделял положения, совпадающие с учением Дж. Вико о «трех веках» в истории всех народов. Окончательное теоретическое обоснование было найдено в трудах Эд. Мейера. Признавая предметом истории не отдельную нацию, культуру, а вновь же всемирную историю, Мейер, по словам Рожкова, подобно мольеровскому Журдену открыл закон повторяемости черт эволюции древнего мира в процессе развития новых народов, но не осознавал, что он его открыл [7]. Отдельное внимание Рожков уделил осмыслению идеи Мейера Р.Ю. Виппером, отыскившим в древнем мире смену семи культур, кои «нельзя вытянуть в одну всемирно-историческую цепь» [7, с. 249]. Сравнение этих культур с культурами европейскими приводило к мысли о том, что в разное историческое время они переживали одинаковые периоды развития. Попытки выделения этих стадий отразились в периодизации, первый вариант которой был представлен уже в раннем «Кратком очерке социологии» [4, с. 82–87]:

1. Период преобладания добывающей промышленности, первобытного скотоводства при сохранении натурального хозяйства, господства вольного и захватного землевладения, домашней формы хозяйства и экстенсивной техники, сравнительно равномерного распределения благ. Отсутствие классово-сословной дифференциации, неорганизованность средств государственного

управления. Психологическая аморфность без сложившихся психических типов и духовное заимствование у более культурных народов.

2. Период сохранения натурального хозяйства с появлением среди социальных верхов внешней торговли, сельского хозяйства среди низов. Начало формирования классов и сословий; складывание основных типов государств – феодального королевства и аристократической республики. Складывание первых психических типов, попытки оригинальной переработки культуры прошлого и новых приобретений.

3. Период зарождения и первоначального развития денежного хозяйства, сословной земельной собственности, крепостничества. Обособление на «свободных» и «несвободных»; смена вотчинного принципа в политике идеей «общего блага». Образование разнообразия в психологии, искусстве и науке.

4. Период расцвета денежного хозяйства с преобладанием обрабатывающей промышленности в одних странах и земледелия в других, укрепления вольнонаемного труда и интенсивной техники производства. Падение сословных перегородок при обострении классовых различий. В политике – усвоение идеи «общего блага». Укрепление психического и культурного разнообразия.

Чрезмерная абстрактность схемы вызвала необходимость большей конкретизации и исторической обусловленности, создания полноценной схемы социальной динамики. Это предопределило разработку более широкой периодизации, нашедшей отражение на страницах главного научного наследия Рожкова. Основной особенностью второй попытки стало стремление привести в эволюционную последовательность относительный элемент диалектики в виде исторических революций. Однако оригинальная трактовка понятия «революция» связывала его не столько с конкретным событием, но с весьма продолжительным отрезком времени, целой эпохой. В окончательном варианте в истории он выделял девять периодов: первобытное общество, общество дикарей, варварское общество, феодальная революция, феодализм, дворянская революция, старый порядок, буржуазная революция, капитализм [5, с. 21–22].

Рожков устанавливал характерную для всех народов связь ступеней по принципу их возрастающей сложности и разнообразия: «Чем примитивнее период, тем более сходно его течение в разных культурах» [5, т. 6, с. 275]. В этом отношении наименее оригинальные варианты развития – отличительная черта первых двух периодов, которые, по логике ученого, можно отнести к протоистории, времени «крайне медленного и бессистемного накопления отдельных приобретений». Однако и в этом накоплении автор сумел подметить некоторые закономерности и переломы, поворотные пункты, органические и критические этапы. В частности – мезолитическую «революцию», приведшую к дифференциации первобытных орудий, психически-эмоциональных ассоциаций, возвысивших людей над животными. Двум органическим периодам жизни дикарей (матриархату и патриархату) противопоставлялись промежуточные критические периоды начала приучения животных и появления мотыжного земледелия [5, с. 38–44, 72–75].

Поистине сравнительное изучение и поиск общих законов начинается в работе с эпохи варварства. Историк проводил прямые параллели между Русью VI–IX вв., германцами Тацита, кельтской Британией, доисламской Аравией, Египтом (5000–2900 гг. до н.э.) и Элладой (XI–VIII вв.). Однако, несмотря на стремление опираться на конкретные данные, Рожков все же допускал не вполне обоснованные предположения. Это видно из заочного включения в общую «картину» следующих примеров: «Мы знаем, что эгейская, ассирийско-вавилонская, японская культуры переживали период варварства, хотя не можем иллюстрировать это необходимым количеством данных» [5, с. 145]. Прием

чрезмерного обобщения приводил к дословному отождествлению имеющих существенные отличия институтов и образований, в частности, древнеегипетского нома, германской марки, задруги и верви славян [5, с. 122]. Сравнительный анализ привел к игнорированию многих отличий в жизни различных человеческих цивилизаций на дофеодальной ступени вопреки особенностям, обусловленным изначальными природными свойствами каждого исторического региона. Тогда как самим автором признавался факт существенного воздействия природной среды на жизнь общества именно на самых ранних стадиях.

Но, по его собственным словам, «чем дальше мы идем вперед, тем больше своеобразий попадаетеся на пути, тем чаще они встречаются и тем больше внимания необходимо им посвящать» [5, с. 439]. Это видно уже из характеристики феодальной революции, подготовившей переход власти в руки земледельческой знати и обусловившей черты следующей за ней непосредственно феодальной эпохи. В своем понимании феодализма Рожков стоял ближе к классическому определению Ф. Гизо (принцип совмещения государственной власти и власти над землей, условный характер земельной собственности). «Феодализмом, – писал он, – называется общественный порядок, при котором землевладельцы пользуются на своей земле по отношению к людям, на ней живущим, правами, позднее перешедшими к государству» [8]. В соответствии, со степенью достижения эталонных критериев по концепции Рожкова выделялись две группы культур – с незаконченным, недоразвитым процессом «революции» (Русь X–XII вв., Литва, балканские славяне) и с полным ее завершением (держава франков, саксонская Англия, Египет накануне Древнего царства, Персия, Израиль, Китай и даже древнеамериканские культуры) [5, с. 440]. Подобно М.Н. Покровскому Рожков придерживался теории «торгового капитализма», основные признаки которого проявились уже в развитую феодальную эпоху и особенно на момент кризиса феодализма, знаменуя начало экономического переворота, перехода от натурального хозяйства к денежному. Ввиду этого отсталой рассматривалась Северо-Восточная (Московская) Русь XIII – середины XVI в., отличавшаяся сохранением недоразвитых форм, натурального хозяйства, по-прежнему условного временного помещного владения, не превратившегося с ходом эволюции в наследственное и отчуждаемое. В поисках причин этой специфики Рожков невольно возвращался к старой теории колонизации С.М. Соловьева, полагая, что в отличие от России в Западной Европе «вредное хозяйственное влияние бенефиция и монастырского землевладения» не могло, за отсутствием свободных территорий, вызвать уход населения, запустение и упадок земледелия. На Руси же поместье и монастырская вотчина, разоряя население, вызывали его отлив на окраины [5, т. 2, с. 251]. Признавая «отсталость», Рожков не усматривал особого русского исторического пути, однако констатировал, что местный тип феодализма оставался почти без повторений. На его фоне также «недоразвитый» феодализм соседнего Великого княжества Литовского ушел далеко вперед [5, т. 2, с. 251]. Развитыми, на его взгляд, были и многие аналоги на Древнем Востоке, особенно в Египте, в котором, как и в позднесредневековой Франции и Англии, по мере приближения ко второй половине III тыс. до н.э. наблюдался заметный рост торговли [5, т. 2, с. 235]. Отдельное внимание уделялось более развитому «муниципальному» феодализму, который отличался преобладанием транзитной внешней торговли, аристократической формой правления, при этом прикрытой демократической ширмой (Афины, Рим, итальянские города-государства, Ганза, Новгород) [5, т. 2, с. 361–368].

Подчеркнув многовариантность, специфику становления и развития феодализма в отдельных странах, автор фактически нивелировал ее при освещении самой разнообразной сферы человеческого общежития. В обществен-

ной психологии всех народов в ходе феодальной революции происходит плавный переход от психической аморфности, бесформенных комплексов в сторону первых психических типов. У Рожкова феодальная психология во всех отсталых и развитых культурах без исключения – психология эгоистическая, основанная лишь на страхе за жизнь, собственность и власть (особенно за власть над своим феодалом, доменом). Дальнейшее развитие феодализма привело к незначительным метаморфозам – выделению активных (верхи) и пассивных (низы) эгоистов, к появлению немногочисленных этиков (представители духовенства, еретики, интеллигенция). Конец эпохи, совпавший с ростом торговли, политической консолидацией, привел к формированию смешанного типа эгоистов-индивидуалистов. Хотя черты этого типа, как и «узкая феодально-ленная замкнутость сознания» эгоистов выводились из феодализма, из «широты прав» сеньоров, приводивших к росту самолюбия [5, т. 2, с. 139].

Рассматривая следующую эпоху, Рожков вывел еще одну закономерность – постепенное ускорение темпов развития материальной и духовной культуры и соответственно быстрее протекание этого и дальнейших периодов. Тем не менее «революция» в разных случаях охватывала 100–150 лет. В России, с ее отсталыми формами развития, она продолжалась 175 лет – от Ивана Грозного до Петра I. Ученый осознавал роль дворянства в переходе к торговому капитализму, монархическому абсолютизму и бюрократии, однако неорганично обособил его от старой аристократии, боярства, выделив в качестве отдельного самостоятельного класса, более близкого к богатой буржуазии [5, т. 6, с. 280]. Полностью завершенной «революция» оказалась в Англии, отчасти во Франции, Нидерландах, в античных странах. Иная картина наблюдалась в Германии и Италии, оказавшихся вдалеке от Атлантического океана. Замедленным, но законченным вышел процесс «революции» на Древнем Востоке, где «совладать с ней можно было только с помощью крепостничества» [5, т. 6, с. 279]. В этом виделось сходство с российским «сценарием», по которому верх одержали не аболиционистские тенденции, как на Западе.

Сменивший революцию период абсолютизма, названный по французскому эталону «старый порядок», вызывал меньший интерес ввиду своей непродолжительности. Исключение составляли лишь отдельные древние и античные примеры – Египет Нового царства и ранняя Римская империя. Передовой была признана Англия, в которой старый порядок охватил правление лишь первых Стюартов, а абсолютизм и бюрократия встретили мощную буржуазную оппозицию, выраженную в пуританстве и свободомыслии [5, т. 7, с. 269]. Противоположность представляли собой страны, побежденные в «меркантилистском состязании», – Германия, Италия, Речь Посполитая, Испания. Особое место заняла Россия, в которой старый порядок ограничился лишь XVIII в., но «должен был приспособить массу населения к производственным условиям обширного национального и международного рынка» путем закрепощения. Этот этап развития перерождался в процесс деградации, остановить который могла лишь буржуазная революция. Ее начало связывалось с появлением в хозяйстве первых элементов капитализма производственного, в отсталых странах – со временем, к которому развитие капитализма сделало уже несколько шагов вперед [5, т. 8, с. 244–259]. В России с ее недостаточным развитием индустрии, крепостничеством она началась с реформ 1861 г. и завершилась событиями 1905–1907 гг. Российский капитализм сохранял окраску эпохи первоначального накопления в противоположность зарождавшемуся на Западе «культурному» капитализму, его утонченным формам эксплуатации. Таковым российский капитализм остался и после 1907 г. Тогда как европейские демократические революции и эволюция капитализма до финансовой стадии привели к торжеству «культурного» индивидуализма, жажды познания действитель-

ности, в России сохранялись хищничество, приобретательство, деградировавший эгоистический индивидуализм [5, т. 12, с. 383–384].

Разразившийся в начале XX века мировой финансовый кризис несколько сократил отставание. Экономический спад обострил социальные противоречия и в развитой Англии. В психологии культурный индивидуализм стал вырождаться, принимая болезненные формы и осложняясь стремлением обезопасить себя от грядущих грозных событий мистикой как идейным основанием. В позднем российском капитализме на первый план в духовной культуре выходил декаданс, религиозно-мистическая философия. Порождением кризиса стала мировая война, которая похоронила идею перманентного прогресса, показала ошибочность теории «пирамиды», ставившей текущий момент в ранг апофеоза развития. Для автора война – закономерное завершение исторического цикла. Этот цикл обрывался в огне войн еще на стадии торгового капитализма (Древний Восток), под натиском варваров на пороге капитализма «культурного» (античный мир). В новом мировом катаклизме виделось начало конца на стадии капитализма «зрелого». Но историк призывал «избегать Сциллы оптимистического прекраснотушия и Харибды пессимистической мрачности» [9]. В 1915 г. он писал: «Многовековая картина все большей живучести культур вселяет уверенность в том, что современная культура в силах создать великое будущее, заря которого уже занимается» [10]. Это будущее ассоциировалось не с капитализмом, а социализмом. Его грядущая победа – приход эпохи братства народов, шанс прервать «порочный круг» смены цивилизации варварством. Рожков не расставался с утопической идеей глобальной задачи социализма – слияния этических начал с наиболее прогрессивной чертой капитализма – индивидуализмом, достижения невиданного разнообразия в науке и искусстве [5, т. 12, с. 347]. Единственный путь – социальная революция, «величайший переворот, которого еще не видела история» [11]. Залог победы революции он усматривал в ее распространении на развитые капиталистические государства: «Если бы мы в России попробовали установить социализм, а в мире продолжало бы господствовать капиталистическое хозяйство, наш социализм скоро бы погиб» [11, с. 47]. Октябрьский переворот же рассматривался им как проявление тактики авантюристов, способных потушить «революционное пламя».

Благодаря увеличению числа периодов изначальная схема не изменила свое содержание. Основой оставалась теория закономерной смены натурального хозяйства денежным, социально однородного общества сословным, политической дезорганизации консолидацией, психической аморфности появлением более полноценных характеров. Расширенная схема давала возможность более аргументированно обосновать достоверность концепции, осознать закономерность и специфику, не ограничиваясь условным выделением «больных» и «здоровых» обществ [4, с. 86]. Но схема нередко приобретала механистический характер, вызванный смелыми аналогиями, дословным отождествлением явлений, событий. Так, Рожков фактически проигнорировал особый характер института античного рабства, стерева различия между ним и крепостничеством. Заметна и «кинематографическая быстрота», с которой порой обозревалось развитие народов различных материков и времен. Недостатком схемы явилось и то, что автор не избавил ее от «картины» застывания в разных культурах в течение ряда периодов одних и тех же психических натур либо психической аморфности среди низов от первобытного общества до капитализма. Это сводило к минимуму «многовариантность» развития и делало психический тип понятием вневременным, генезис духовной культуры сугубо психологическим, нежели социально-психологическим.

Создание Рожковым своей концепции явилось значительным вкладом в осмысление вопросов мировой истории, который, к сожалению, не был по достоинству оценен его современниками. Разрабатывая идею об общих закономерностях, автор был нацелен на опровержение старой линейной схемы и идеи закономерности развития всего человечества. Не будучи одиноким в стремлении применить на практике теорию циклизма, он стал едва ли не единственным представителем российского позитивизма, разработавшим столь масштабную и детальную «картину» проявления схожих черт в жизни различных эпох и народов. Он стал единственным, кто попытался подойти к подобной схеме развития с экономико-монистических позиций. Концепция стала попыткой синтеза формационного и цивилизационного подходов при всей чуждости ученого мысли о какой-либо национально-культурной «особенности», теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, чьи «панславистские дифирамбы» не могли возбудить ничего, помимо чувства грубого национализма [5, т. 11, с. 304]. Но неоднозначность позиции самого Рожкова проявляла слабые места его собственной схемы. Порой подменявшая сравнительный анализ модернизация истории вела к дискредитации научного статуса концепции. Нельзя обвинять автора в намеренной механичности обобщений. Их проявления – побочный продукт создания сложного обобщающего труда. Свою роль сыграли спорные теоретические основы, особенно теория «торгового капитализма», позволявшая проследить тенденцию перехода к денежным формам хозяйства. Побочным эффектом ее применения было то, что, признавая особенности и различия в «социальной динамике» разных народов, историк сводил их к развитости либо к отсталости. Многие противоречивые черты созданной схемы развития объяснимы и влиянием взглядов Рожкова-политика. Несмотря на приверженность принципам эволюционизма, он сформулировал теорию критических эпох как шагов на пути к самой великой социальной революции, с которой связывал расцвет человечества. Относясь с недоверием к призванной «обосновать вечность господства буржуазии» теории прогресса, он сам выдвинул теорию прогрессирующего роста «жизнедеятельности» каждого нового исторического цикла, которая способна внушить бодрость и энергию представителям новых культур, стоящих на пороге социалистического будущего. Утопизм в воззрениях историка придал еще более неоднозначный характер концепции. Отвергнув телеологию гегельянцев, он сам пришел к идее конечной цели исторического развития, предопределившей его ход. Связав будущее с единением народов, Рожков повторил теорию Кареева о смене истории отдельных стран историей человечества. И все же эти оговорки не умаляют значения концепции, сводимого не только к постижению общих закономерностей и особенностей пройденных исторических дорог, но также к попыткам предвидения частной и общей перспективы развития в грядущем и осознанию насущных задач в настоящем.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ленин, В.И.** Аграрный вопрос и современное положение России (Заметки публициста) / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М.: Издательство политической литературы, 1980. – Т. 24. – С. 163.
2. **Рожков, Н.А.** Психология характера и социология / Н.А. Рожков // Исторические и социологические очерки: сб. ст.: в 2 ч. – М.: Изд. И.К. Шамова, 1906. – Ч. 1. – С. 182.
3. **Рожков, Н.А.** Основы научной философии / Н.А. Рожков. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1911. – С. 102.
4. **Рожков, Н.А.** Основные законы развития общественных явлений (Краткий курс социологии) / Н.А. Рожков. – М.: Скоропеч. А.А. Левинсон, 1907. – С. 16–24.
5. **Рожков, Н.А.** Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики): в 12 т. / Н.А. Рожков. – Пг.: Книга, 1919. – Т. 1. – С. 10; Л.–

- М.: Книга, 1930. – Т. 2. – 370 с.; Пг.–М.: Книга, 1923. – Т. 6. – 288 с.; Пг.–М.: Книга, 1923. – Т. 7. – 273 с.; Пг.–М.: Книга, 1923. – Т. 8. – 259 с.; Л.–М.: Книга, 1925. – Т. 11. – 406 с.; Л.–М.: Книга, 1928. – Т. 12. – 396 с.
6. **Кареев, Н.И.** Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Н.И. Кареев. – СПб., 1903 [Электронный ресурс] / Учебно-методический центр Инновационные технологии в гуманитарном образовании. – Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/history/world/kareev_01.htm. – Дата доступа: 30.05.2005.
 7. **Рожков, Н.А.** История древнего Востока и общие законы развития культуры / Н.А. Рожков // Современный мир. – 1913. – № 9. – С. 248.
 8. **Рожков, Н.А.** Курс всеобщей истории / Н.А. Рожков. – М.: Лит. Г.И. Простакова, 1904. – С. 18–19.
 9. **Рожков, Н.А.** На пороге грядущего / Н.А. Рожков // Современный мир. – 1916. – № 4. – С. 58.
 10. **Рожков, Н.А.** Хозяйство воюющей Европы / Н.А. Рожков // Современный мир. – 1915. – № 2. – С. 73.
 11. **Рожков, Н.А.** Капитализм и социализм / Н.А. Рожков. – М.: Тип. К.И. Меншова, 1917. – С. 31.

S U M M A R Y

The maintenance of this article is dedicated to the objective research and analysis of the specific historical conception created at the beginning of the 20th century by N.A. Rozhkov. Under the influence of critical positivism and Marxism he made an attempt to describe rather peculiar scheme of all world nations' development or «social dynamics». The author has analyzed Rozhkov's great achievement in the old and unperfect «world-history» conceptions refutation. The creation of the article was caused mostly by shortage of literature and rather stereotypical interpretations of Rozhkov's «social dynamics» scheme and conception given by the majority of historyographical investigators.

Поступила в редакцию 10.03.2009

УДК 352.075:351.77(476-21)(091)

Н.С. Моторова

Мероприятия органов городского самоуправления Беларуси по улучшению санитарного состояния городов (1875–1914 гг.)

Во второй половине XIX века как следствие развития процессов урбанизации актуальными проблемами внутренней жизни белорусских городов становятся предотвращение возможности широкого распространения эпидемий и борьба с их последствиями, чего нельзя было достичь без улучшения общего санитарного состояния. К этому времени, когда проявились несостоятельность и неэффективность использования эпизодических медико-полицейских мер по поддержанию санитарных условий организации повседневной, бытовой жизни городского населения, стала очевидной необходимость создания постоянных санитарных учреждений в городах [1]. После введения городского самоуправления в белорусских губерниях в 1875 году в компетенцию дум и управ было передано решение практически всех местных хозяйственных и социальных вопросов, в том числе и проблема улучшения санитарного состо-

яния городов [2]. Для реализации данных задач при городских думах начали создаваться специальные санитарные комитеты и комиссии, вводиться должности санитарных врачей.

Необходимо отметить, что деятельность санитарных учреждений в белорусских городах до сих пор является малоизученной проблемой, специальные исследования, посвященные данной тематике, практически отсутствуют. В качестве примера можно привести лишь работы Л. Голынца, С. Урванцова [3–4], подготовленные еще в дореволюционный период, а из работ советского времени – монографию Г.Р. Крючка «Очерки истории медицины Белоруссии» [1]. Причем, автор последнего исследования пришел к выводу, что органы городского самоуправления были инертны к медико-санитарному делу, а деятельность санитарных комиссий и комитетов в целом оценил как «провальную» [1, с. 119, 122]. На современном этапе появились новые монографии (например, работы Е.М. Тищенко [5–6]), но они преимущественно посвящены истории медицинского обслуживания в целом. В них практически не уделено внимания изучению мероприятий городских властей, направленных на улучшение санитарного состояния городов.

Таким образом, деятельность органов городского самоуправления по улучшению санитарного состояния белорусских городов, конкретная работа городских санитарных комиссий и комитетов до сих пор изучена фрагментарно и явно недостаточно. Исходя из этого, целью данной статьи является рассмотрение различных аспектов деятельности органов городского самоуправления по созданию, поддержанию надлежащих санитарных условий, в которых проходила повседневная, социально-бытовая жизнь городского населения, а также оценка результатов, достигнутых ими в этой сфере.

В целом санитарное состояние городов белорусских губерний в первые годы после введения «Городового положения» 1870 года оставляло желать лучшего, о чем свидетельствуют как архивные документы, так и различные отчеты, обзоры и пр. Что можно говорить о небольших уездных центрах, если наиболее крупные города представляли собой просто неприглядную картину. Например, в докладе Гомельской городской управы за 1877 год отмечалось, что «домовладельцы города Гомеля содержат свои усадьбы в самом грязном виде <...>, мало обращают внимания на соблюдение внешнего благоустройства города» [7]. Но подобное было характерно для городов Российской империи в целом, как отмечал в своем очерке П.А. Грацианов [8]. Кроме поддержания городских территорий в чистоте и надлежащем виде для большинства городов существовала проблема обеспечения жителей чистой питьевой водой, чтобы препятствовать распространению различных инфекционных заболеваний.

Городские власти не могли оставаться в стороне от решения этих проблем, поскольку, согласно статьям «Городовых положений» 1870 г., 1892 г., именно на них было возложено «попечение о содержании в исправности как городских территорий, так и источников водоснабжения». В Положении 1892 г. также подчеркивалось, что органы самоуправления должны заботиться о надлежащем устройстве санитарной части [9–10].

Но в этом отношении городские власти белорусских губерний столкнулись с рядом трудностей, самая главная из которых заключалась в отсутствии у них реальных властных полномочий принудительного характера. В результате в большинстве городов санитарные мероприятия осуществлялись силами полиции, а городские власти ограничивались изданием различных обязательных постановлений по санитарной части [8, с. 87]. Например, Гродненская городская дума издала в 1882 г. «Обязательные постановления об улучшении санитарного состояния города», Брестская городская дума – «Обязательные постановления о чистоте дворов, мусорных ям и об устройстве выгребных ям» (1894 г.).

Чтобы как-то улучшить положение, органы самоуправления наиболее крупных городов белорусских губерний начали создавать санитарные комиссии и комитеты. Например, в Витебске Городская дума на заседании 18 января 1878 г. признала желательным учреждение Санитарной комиссии, а на заседании 14 февраля 1878 г. утвердила правила для нее [7, ф. 1430, оп. 1, д. 36360, л. 138, 147, 205]. Эта Комиссия успешно работала практически без перерывов вплоть до начала Первой мировой войны, о чем свидетельствуют многочисленные делопроизводственные материалы, отчеты и пр. Также сохранились сведения о существовании санитарных комиссий в Могилеве [7, ф. 2099, оп. 1, д. 305, л. 1 об.], Гомеле [7, д. 25, л. 6], других городах, но из-за недостатка архивных материалов данные об их конкретной деятельности носят отрывочный и фрагментарный характер. В Минске Санитарная комиссия была создана согласно постановлению Думы от 8 февраля 1879 г. [7, ф. 24, оп. 1, д. 3582, л. 30, 31], но спустя некоторое время она прекратила свою деятельность. Лишь на заседании 19 января 1911 г. Минская городская дума постановила вновь учредить постоянную Санитарную комиссию. Дальнейшая реорганизация комиссии произошла в 1913 г.: 9 октября Дума приняла постановление, согласно которому для обсуждения текущих санитарных вопросов был создан Санитарный совет, а для разрешения вопросов более общего медицинского значения – Врачебный совет.

Но иногда санитарные комиссии начинали активно создаваться при угрозе эпидемий, особенно холеры. В этих случаях инициативу обычно проявляла губернская администрация, которая приглашала в состав комиссий представителей от городов. Например, на территории Виленской губернии в 1892 г. для предотвращения возможности распространения холеры были созданы Губернская санитарно-исполнительная комиссия, в состав которой были приглашены два члена Виленской городской управы и трое гласных Думы, а в уездах – уездные комиссии, куда были приглашены местные городские головы [11].

Однако создания санитарных комиссий было явно недостаточно. В конце XIX г. органы городского самоуправления столкнулись с необходимостью приглашать на службу санитарных врачей. Однако вначале инициатива в этом вопросе исходила от губернской администрации. Например, Минская городская дума на заседании 8 февраля 1879 г. заслушала предложение губернатора о назначении за счет города особого врача, который занимался бы исключительно наблюдением за санитарным состоянием города. Но Дума посчитала, что в этом нет особой необходимости. Повторно данный вопрос был рассмотрен на заседании 12 марта 1887 г. Сперва Дума отказалась от избрания санитарного врача, поскольку это потребовало бы новых расходов, но после издания соответствующего предписания Губернского по городским делам присутствия на заседании 23 мая 1887 г. Дума была вынуждена избрать городского санитарного врача на ограниченный срок до 1 января 1888 г. В Витебске впервые вопрос о возможности введения должности санитарного врача был поднят 17 февраля 1883 г. во время заседания Городской санитарной комиссии, вновь к его рассмотрению Комиссия вернулась на заседании в январе 1884 г. и постановила ходатайствовать о введении данной должности. Но через год на заседании в декабре от этой идеи отказались. Лишь спустя почти десять лет (в 1893 г.) в Витебске появилась должность городского санитарного врача [7, ф. 2496, оп. 1, д. 46, л. 418–418 об.]. Также должности санитарных врачей были введены в Гомеле в 1897 г., в Могилеве – в 1909 г. В 1902 г. была введена должность второго санитарного врача в Витебске, а в Минске к 1910 г. на городской службе состояли уже три санитарных врача [1, с. 119, 121–122].

Кроме создания санитарных комиссий, приглашения санитарных врачей органы городского самоуправления создавали санитарные попечительства.

Например, на одном из летних заседаний в 1911 г. Могилевская городская дума рассмотрела и одобрила проект учреждения таких попечительств для осуществления и наблюдения за выполнением обязательных постановлений по санитарной части. В состав каждого попечительства должно было входить, как минимум, четыре человека (санитарный врач и трое гласных или городских избирателей). На таких же основаниях функционировали попечительства и в других крупных городах белорусских губерний.

В деятельности учреждений санитарного надзора при органах городского самоуправления ведущее место занимал надзор за надлежащим состоянием источников водоснабжения и качеством питьевой воды в городах. Хотя, по данным за 1910 г., водопроводы функционировали в 11 городах белорусских губерний (Вильно, Витебске, Двинске, Минске, Мозыре, Могилеве, Быхове, Гомеле, Гродно, Белостоке, Слониме), однако качество воды в них порой оставляло желать лучшего. В этом отношении в более выгодном положении находился Минск, где водозабор производился из артезианских источников, а городские власти еще в 1876 г. приняли в свое ведение построенный подрядчиками водопровод и создали специальную комиссию для заведования им [12]. Однако, для большинства уездных центров водопроводы были роскошью, а их жители использовали воду из открытых источников либо из колодцев. Для предотвращения их возможного загрязнения городские власти принимали обязательные постановления, а в начале XX века по инициативе органов городского самоуправления начали создаваться артезианские колодцы, чтобы обеспечить горожан более чистой питьевой водой.

Таким образом, в первые годы своего существования органы городского самоуправления белорусских губерний не в достаточной мере заботились об улучшении санитарного состояния городов. Существенным препятствием в этом направлении являлось отсутствие принудительной власти у городских властей, а потому они зачастую ограничивались изданием обязательных постановлений для жителей. Причем, чтобы обеспечить их соблюдение, органам городского самоуправления приходилось обращаться за содействием к полиции. Постепенно в наиболее крупных городах белорусских губерний начали появляться санитарные комитеты и комиссии при городских думах, а затем – и санитарные попечительства, на городскую службу стали принимать санитарных врачей. Предметом особой заботы городских властей стало поддержание в надлежащем состоянии источников водоснабжения, устройство в наиболее крупных городах водопроводов. Все это было призвано обеспечить улучшение санитарного состояния белорусских городов и дало определенные положительные результаты уже в начале XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Крючок, Г.Р.** Очерки истории медицины в Белоруссии / Г.Р. Крючок. – Минск: Беларусь, 1976. – С. 118.
2. **Слобожанин, В.П.** Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.) / В.П. Слобожанин; под науч. ред. академика П.Г. Никитенко и В.П. Изотко. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2003. – С. 29.
3. **Голынец, Л.** К изучению в медико-топографическом и статистическом отношении губернского города Могилева: диссертация на степень доктора наук / Л. Голынец. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1887. – 61 с.
4. **Урванцов, С.** Медико-санитарный очерк города Минска / С. Урванцов. – СПб.: Типография Мин-ва Внутренних Дел, 1910. – 49 с.
5. **Тищенко, Е.М.** Здравоохранение Беларуси в XIX–XX вв. / Е.М. Тищенко. – Гродно: «Издательство Гродненского государственного медицинского университета», 2003. – 269 с.

6. **Тищенко, Е.М.** История здравоохранения Беларуси в XX в. / Е.М. Тищенко. – Гродно: «Издательство Гродненского государственного медицинского университета», 2001. – 154 с.
7. **Национальный исторический архив Беларуси.** – Ф. 2912. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 55 об.–55.
8. **Грацианов, П.А.** Очерк врачебно-санитарной организации русских городов / П.А. Грацианов. – Минск: Губ. типография, 1899. – С. 81.
9. **Городовое положение 16 июня 1870 г.** // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XLV. 1870 г. Отделение первое. – СПб.: Тип. Второго отделения Собств. Е.И. В. Канцелярии, 1874. – С. 823.
10. **Городовое положение 11 июня 1892 г.** // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XII. 1892 г. – СПб.: Гос. тип., 1895. – С. 433–456.
11. **Обзор Виленской губернии за 1892 г.** – Вильно: Губ. тип., 1893. – С. 37–38.
12. **Города России в 1910 году** / Центральный стат. к-т МВД. – СПб.: Тип.-Лит. Н.Л. Ныркина, 1914. – III с., 1158 с., XXXII с. – Л. 33, 40.

S U M M A R Y

The article highlights sanitary conditions of Belarusian towns in 1875–1914, activity of municipal government bodies in the organization of special sanitary supervision organs (sanitary committees and commissions, introduction of sanitary doctors' posts). It deals with common measures of municipalities aimed at maintenance of urban territories in cleanness, improvement of quality of drinking water, etc.

Поступила в редакцию 20.01.2009

УДК 94(436):342

Т.В. Казаченок

Подготовка и принятие конституционных основ австрофашистского режима

1 мая 1934 г. вступила в силу новая конституция Австрии, узаконившая австрофашизм как государственную идеологию и установившая сословный принцип организации общества. В советской, российской и белорусской историографии история австрийского конституционализма изучалась фрагментарно. Наиболее ценным в этом плане источником является монография О.И. Величко «Политический католицизм и рабочее движение в Австрии». В зарубежной историографии проблема конституционного развития Австрии исследовалась комплексно. На фоне большого количества работ выделяются монографии Ф. Кребиля «Идея сословного государства в последней австрийской конституции», А. Вибе «Конституционная жизнь в Австрии 1933–1938», В. Пучека «Сословная конституция и авторитарная конституционная практика в Австрии 1933–1938 с приложением документов», в которых последовательно проанализированы этапы конституционного развития страны, факторы, повлиявшие на процесс подготовки и принятия конституции 1934 г., ее основные положения и особенности. Целью настоящей статьи является анализ конституционных основ австрофашистского режима.

Следствием распада многонациональной империи Габсбургов стало провозглашение 12 ноября 1918 г. демократической республики Австрия. Высшим органом законодательной власти, согласно конституции 1 октября 1920 г., яв-

лялось Федеральное собрание, состоявшее из 2 палат: Национального совета, избираемого жителями страны, достигшими 20 лет, и бундесрата, избираемого ландтагами отдельных земель. Конституция отменяла сословные привилегии, провозглашала всеобщее, равное и прямое избирательное право, свободу слова, печати, собраний и организаций. По сравнению с Веймарской конституцией президент Австрии был существенно ограничен в представительных функциях, лишен законодательных полномочий, права издания чрезвычайных распоряжений. Он не являлся главнокомандующим армией, не мог распускать Национальный совет и по своему усмотрению назначать или снимать с должности канцлера. В то же время положение Национального совета в законодательной сфере было намного прочнее, нежели у рейхстага, тогда как бундесрат обладал лишь правом суспензивного вето. Итак, «... австрийскую конституцию [1920 г.] можно охарактеризовать как последовательную демократическую альтернативу приглушенному парламентаризму Веймарской республики» [1].

Национальный совет в послевоенные годы стал ареной борьбы политических партий, поэтому австрийскому государству тех лет больше подходит определение «партийной, нежели демократической республики» [2]. В целях ограничения партийного абсолютизма неоднократно предпринимались попытки проведения конституционной реформы. Их инициаторами, как правило, выступали австрийские хеймверы (военизированные организации), настаивавшие на замене политических партий профессиональными сословиями. С 1927 г. канцлер И. Зейпель добивался усиления конституционных полномочий президента, однако неизменно встречал противодействие со стороны социал-демократической партии. Спустя два года канцлеру И. Шоберу все же удалось внести поправки в конституцию по аналогии с Веймарской республикой, согласно которым президент избирался всеобщим голосованием, а не Федеральным собранием, как это было раньше, являлся главнокомандующим армией, получал право роспуска Национального совета, мог издавать чрезвычайные распоряжения, созывать и распускать правительство. Права участия Национального совета в замещении конституционного и административного суда были ограничены. Место бундесрата должны были занять земельный и сословный советы, как только произойдет учреждение профессионально-сословных корпораций.

После роспуска парламента 3 марта 1933 г. авторитарное правительство Э. Дольфуса объявило о намерении дать австрийскому народу новую конституцию, принимающую в расчет «требования времени» [2, s. 2]. 19 июля 1933 г. бывшему канцлеру Австрии и руководителю земли Форарльберг О. Эндеру было поручено разработать соответствующий проект. Выбор был не случаен. Эндер считался умеренным политиком и прекрасным знатоком конституции. По указанию Э. Дольфуса в основу социального строения будущего государства легла доктрина папы Пия XI «Квадрагезимо анно», принятая 15 мая 1931 г. «Мы будем брать в основу нашей конституционной жизни сословные формы и принципы, которые нам так прекрасно представлены в энциклике «Квадрагезимо анно», – говорил канцлер. – У нас есть честолюбие быть первой страной, последовавшей в государственной жизни призыву этой великолепной энциклики» [2, s. 2].

Принимая во внимание сложившуюся в начале 1930-х гг. внешнеполитическую и экономическую ситуацию, австрийское правительство взяло курс на установление особого «внутреннего порядка». На первое место вышла задача по устранению классовой борьбы путем утверждения «социальной гармонии», лежащей в основе корпоративного идеала «сословного государства» [3]. О направлении развития нового государства красноречиво свидетельствует речь канцлера, произнесенная 11 сентября 1933 г. на площади Трабреннплатц в Вене по случаю первого слета «Отечественного фронта». Обра-

щаяся к историческому прошлому Австрии, Дольфус изложил программу построения «нового общества», особо отметив терезианскую эпоху, «... когда народ был организован и разделен по роду занятий, по сословно-производственному принципу, когда работник не восставал против своего хозяина, когда хозяйствование и жизнь были основаны на всеобщем единении, скреплены добыванием своего хлеба общим трудом» [4]. Канцлер заявил об окончании эпохи капитализма и марксизма. «Время партийного господства прошло! Мы отвергаем уравниловку и террор, мы хотим социальное, христианское, немецкое государство «Австрия» на сословной основе, с сильным, авторитарным управлением! Авторитарность не означает произвол, авторитарность значит упорядоченная власть, управление ответственно-сознательными, бескорыстными, готовыми на жертву мужами... Сословное строительство – это задача, которую мы ставим себе в эти осенние месяцы. Профессиональная сословность есть отказ от классового деления народа. Профессиональный подход означает общую работу, которая объединяет людей» [4, s. 30–31]. «Сословность, – по словам канцлера, – дает права и обязывает господина точно так же, как батрака. Для этого мы вернемся к старым формам не формально, а с осознанием того, что работа объединяет людей.... В нас должно снова проснуться это внутреннее единство. Только так мы сможем в нашем народе преодолеть марксизм, неправильное учение о неизбежной борьбе работополучателя и работодателя. Задачей этого правительства как раз и является формирование внешних организационных форм профессионально-сословного представительства» [4, s. 32–33]. «Мы боремся против марксизма, – продолжал Э. Дольфус, – мы боремся против коричневого социализма, но мы никогда не посягнем на основные права рабочих, напротив, справедливое христианское государство должно в первую очередь защищать права тружеников. Мы хотим этого. Мы хотим социальное, христианское, немецкое государство Австрия» [4, s. 35–36]. Выполнению поставленной задачи призван был служить образованный в марте 1933 г. «Отечественный фронт», который, по словам канцлера, «является на сегодняшний день внутренне независимым большим отечественным движением, а не простой суммой двух или трех партий» [4, s. 40]. В существовании этой организации Дольфус видел гарантию того, что «будет усилено все то, что объединяет, а не разъединяет народ», так как в программу фронта было включено неременное обязательство его «неучастия ни в каком движении, объявляющем своей целью классовую борьбу или культуркампф» [4, s. 40].

Главными референтами проекта новой конституции являлись советник правительства Г. Экель и советник земельного правительства Форарльберга Ф. Шнайдер. Изначально существовало два подхода к его созданию. Первый был представлен О. Эндером и членами правительства от ХСП, которые желали сохранить элементы демократии и федерализм, а второй – Э. Феेम и Штарембергом, отстаивавшими авторитаризм. Не удивительно, что первый проект О. Эндера был не достаточно авторитарным [5]. Осенью 1933 г. его автор ознакомил фракцию ХСП с основными положениями документа. Эндер говорил о сокращении численности Национального совета. Сословный совет должен был формироваться на базе профессиональных сословий, а земельный совет из представителей регионов. Именно тогда впервые появился план создания Государственного совета, члены которого аналогично британской палате лордов или итальянскому Сенату должны были назначаться главой государства пожизненно; в более поздних редакциях речь шла о десятилетнем сроке. Также предлагалось провести реформу избирательного права, например, увеличить возрастной ценз до 30 лет [6].

С 20 по 29 марта 1934 г. совет министров обсуждал вторую редакцию проекта, вызвавшую немало нареканий. Отдельные нормы конституции постоянно дополнялись и корректировались в соответствии с общей политической линией и установками Дольфуса. Последний намеревался ввести в силу конституцию уже 1 апреля 1934 г., однако правительство не уложились в отведенный срок. В кабинете друг другу противостояли две группы – «прагматиков, реалистов» и «идеологов». «Идеологи» П. Шмиц и О. Нойшtedтер-Штюмер, следуя папской энциклике «Квадрагезимо анно», отстаивали профессионально-сословные принципы, а «прагматиков» Ф. Штокінгера и К. Буреша, исходивших в первую очередь из политических и экономических мотивов, заботили гарантии свободы действий властей. Между ними находились Э. Дольфус, К. Шушниг и в определенном смысле О. Эндер [7]. Все они, однако, были едины в стремлении покончить с демократией.

Так, на первом заседании совета министров 20 марта 1934 г. Э. Дольфус лично выступил против текста первой статьи конституции, согласно которой Австрия объявлялась профессионально-сословной республикой. «Это определение, – говорил он, – больше подходит для французской демократии, а не для современных австрийских отношений» [8]. В итоге на втором заседании была принята следующая редакция: «Австрия – федеративное государство. Федеративное государство с сословным устройством состоит из федерального города Вены и земель: Бургундия, Каринтия, Нижняя Австрия, Верхняя Австрия, Зальцбург, Штирия, Тироль, Форарльберг» [9]. Острая дискуссия разгорелась по вопросу о выборах президента. Хеймверы настаивали на своем прежнем требовании – народные выборы, а Дольфус был за выборы через бургомистров. Споры вызвала и глава об авторитарном управлении землями. Вопрос был в том, насколько велика должна быть власть центра над регионами. Обсуждались также вопросы общественной безопасности в землях и статус руководителей областей [8, s. 152–161]. Однако главным оставался вопрос о будущем федерализма.

На заключительных заседаниях, проходивших 14, 16–18 апреля 1934 г., рассматривались спорные положения конституции; были определены принципы профессионально-сословного устройства [7, s. 73]. Особенностью сословного развития Австрии было признано создание корпораций не на добровольной основе, как того требовала папская энциклика, а путем насаждения сверху.

Процесс подготовки проекта конституции осложнялся рядом внутриполитических противоречий. Сложности возникли с определением порядка выборов президента и формой вступления в силу конституции. Поскольку всенародные выборы исключались, избирателями становились бургомистры, главным образом, приверженцы ХСП. Это не отвечало желаниям хеймверов, которые отклонили также предложение о принятии конституции парламентом. По их мнению, это противоречило принципу авторитарного государства. Однако Дольфус не желал идти таким путем не только по внешнеполитическим причинам, но из-за нежелания вступать в конфликт с христианскими социалистами. Запрет деятельности СДПА после февральских событий, по их мнению, снимал в парламенте любые препятствия на их пути. Идя навстречу хеймверам, было принято следующее решение: 24 апреля 1934 г. конституция была опубликована правительством на основании военно-хозяйственного закона от 1917 г. Для ее принятия, а также ратификации заключенного с Ватиканом Конкордата и опиравшихся на военно-хозяйственный закон от 1917 г. 471 чрезвычайного декрета правительства, 30 апреля 1934 г. был созван Национальный совет [10].

Всего за 10 месяцев работы над конституцией было разработано 13 вариантов проекта. Окончательной стала 9 редакция конституции [6, s. 45]. Соци-

ал-демократические депутаты были лишены своих мандатов, большинство великогерманцев и ландбундевцев не явились на заседание и этим признали себя национальной оппозицией. В итоге за документ голосовало только 76 из 165 депутатов Национального совета – 66 членов ХСП, 6 представителей хеймверов и 2 ландбундевца [11].

1 мая новая конституция Австрии вступила в силу. Она начиналась словами: «Именем Бога, Всемогущего и Справедливого, получает австрийский народ эту конституцию для своего христианского, немецкого государства, организованного по сословному принципу» [9, л. 88 об.]. Согласно тексту документа все население страны делилось на семь сословно-профессиональных корпораций, а хозяйственная деятельность на семь полуавтономных сфер: сельского и лесного хозяйства, промышленности и горного дела, ремесла, торговли и путей сообщения, финансов и социального обеспечения, свободных профессий, государственной службы [12].

Важным элементом корпоративного строя становился единый государственный профсоюз – Профессиональный союз австрийских рабочих и служащих, учрежденный 2 марта 1934 г. Его руководителем был назначен представитель христианских профсоюзов И. Штауд. Исполнительная власть в стране концентрировалась в руках правительства, а законодательная осуществлялась следующим образом: после подготовки законопроектов государственным советом, союзным советом по делам культуры, союзным экономическим советом и земельным советом (органами предварительного обсуждения) их принимал бундестаг (законодательный орган), состоящий из 59 депутатов – по 20 представителей от государственного и экономического совета, 10 членов культурного и 9 земельного советов [9, л. 90]. В то время как в государственном и земельном советах заседали делегаты соответствующих правительств, состав союзного экономического совета и союзного совета по делам культуры определялся профессиональными и культурными корпорациями. Всеобщие выборы на земельном и общинном уровнях не предусматривались [2, s. 154]. Президент избирался, согласно конституции, на основе тайного голосования сроком на 7 лет собранием австрийских бургомистров из трех кандидатур, предложенных Федеральным собранием. Он назначал канцлера и по его предложению остальных министров [9, л. 91 об. – 92]. Гражданские права и коммунальное право были кодифицированы заново, конституционная юрисдикция фактически отменена, а политические партии запрещены.

В своей основе конституция отвечала потребностям правительства. Она расширяла права президента, объявляла «Отечественный фронт» единственным законным выразителем политической воли народа. Все другие организации и партии упразднялись. Республиканский герб «одноглавый орел» был заменен староавстрийским двуглавым орлом, но без кайзеровской символики. Одновременно с конституцией был ратифицирован Конкордат, подписанный Ватиканом в 1933 г. На этом основании провозглашалось создание «христианского государства». «Сословное государство», декларируемое конституцией 1934 г., было воплощением идеалов австрийского политического католицизма.

Формальная ликвидация первой Австрийской республики была спокойно воспринята за рубежом. Заслуживает внимания комментарий в «Нью-Йорк таймс»: «Новое австрийское сословное государство должно заинтересовать тех людей, которые еще недавно мечтали о сословном социализме» [5, s. 80].

Фундаментальной слабостью конституции Дольфуса был отход от политической реальности. Так, в стране отсутствовали профессиональные сословия, являющиеся ядром корпоративного государства. До аншлюса Австрии их организовать не удалось, равно как и реализовать конституцию в полной мере. Так и не состоялись новые выборы президента, поскольку срок службы избранного 5 декабря

1928 г. президента В. Микласа постоянно продлевался [11, s. 36]. Сам канцлер был убит в результате путча национал-социалистов в июле 1934 г. Его последователь К. Шушниг пытался продолжать авторитарный курс, чем обострил отношения как с национальным, так и социалистическим лагерем. Поддерживающие его ХСП и хеймверы были ослаблены внутренними законами. В итоге Шушниг оказался не в силах дать отпор нарастающему прессу со стороны национал-социалистической Германии [1, s. 154]. Многие правоведы, в том числе канцлер, указывали на непригодность папской энциклики «Квадрагезимо анно», очертившей внешние границы конституции, для решения вопросов государственного устройства. Поэтому она не могла стать руководящим принципом [10, s. 221].

Юристы оспаривали легитимность майской конституции 1934 г., но фактом остается то, что Австрия на протяжении 5 лет была одной из немногих стран Европы, противостоявшей Гитлеру. Неопровержимым является и то, что «конституции и реформам Э. Дольфуса, особенно после жертвенной смерти диктатора, как внутри страны, так и за ее пределами придали социологическую легитимность, которая являлась основанием для сотрудничества с правительством даже представителей социалистического лагеря» [13]. К этому аргументу можно добавить и то, что «государство Дольфуса» находилось в состоянии перманентной борьбы за независимость с превосходящим его по силе северным соседом – Германией.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Botzenhart, M.** Deutsche Verfassungsgeschichte 1806–1949 / M. Botzenhart. – Stuttgart–Berlin–Koeln: W. Kohlhammer, 1993. – S. 152.
2. **Krebbiel, F.** Der Staendestaatsgedanke in der letzten oesterreichischen Verfassung / F. Krebbiel. – Eisenberg: Heilmann, 1938. – S. 1.
3. **Величко, О.И.** Политический католицизм и рабочее движение в Австрии / О.И. Величко. – М.: Наука, 1985. – С. 51–52.
4. **Dollfuss, E.** Dollfuss an Oesterreich / E. Dollfuss. – Wien: Reinhold, 1935. – S. 259.
5. **Meysels, L.O.** Der Austro-Faschismus: Das Ende der Ersten Republik und ihr letzter Kanzler / L.O. Meysels. – Wien–München: Amalthea, 1992. – S. 76.
6. **Huebner, H.** Oesterreich 1933–38. Der Abwehrkampf eines Volkes / H. Huebner. – Wien: Oesterreichischer Verlag, 1994. – S. 46.
7. **Neck, R.** Die Entwicklung der oesterreichischen Verfassung bis zum Sommer 1934 // Das Jahr 1934: 25. Juli. Wien: Verlag fuer Geschichte und Politik, 1975. – S. 72.
8. **Protokolle des Ministerrates der Ersten Republik.** Abt. VIII. 20. Mai 1932 bis 25. Juli 1934. Bd. 6. Kabinett Dr. Engelbert Dollfuss: 23. Februar 1934 bis 18. April 1934. – Wien: Verlag der Oesterreichischen Staatsdruckerei, 1985. – S. 140.
9. **РГАСПИ.** – Фонд 495. – Оп. 80. – Ед. хр. 592. – Л. 88 об.
10. **Geschichte der Republik Oesterreich. Herausgegeben von H. Benedikt.** – Wien: Verlag fuer Geschichte und Politik, 1954. – S. 221.
11. **Wiebe, A.** Verfassungsleben in Oesterreich 1933–1938 / A. Wiebe. – Bleicherode am Harz: Nieft, 1939. – S. 28.
12. **Putschek, W.** Staendische Verfassung und autoritaere Verfassungspraxis in Oesterreich 1933–1938 mit Dokumentenanhang / W. Putschek. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1993. – S. 74.
13. **Funder, F.** Als Oesterreich den Sturm bestand. Aus der Ersten in die zweite Republik / F. Funder. – Wien–München: Herold, 1957. – S. 194.

S U M M A R Y

The article is devoted to elaboration and adoption of Austro-fascism constitutional foundations. The Constitution of 1934 has established Austro-fascism as the official state ideology. Being an Austrian modification of fascist ideology, Austro-fascism had as its basic goals defense of national sovereignty and achieving of national unity based on dictatorship, corporate and class society.

Поступила в редакцию 2.03.2009

Міфа-семантыка сядзібы і хаты ў традыцыйным светапоглядзе беларусаў

Сядзіба як комплекс жылых і гаспадарчых пабудоў, што разам з садам і агародам складалі гаспадарку вяскоўца, і ў жыццёва-утылітарным і ў рытуальна-сімвалічным плане была для селяніна асновай ягонага быцця і з'яўлялася цэнтрам існага светаладу, увасабленнем Сусвету ўвогуле. Здольнасць увасобіць Космас звычайнай сялянскай сядзібай не з'яўляецца парадасальнай для міфапаэтычнага мыслення, бо, нягледзячы на тое, што «міфалагічная прастора заўсёды невялікая і замкнёная,... размова можа весціся пры гэтым пра маштабы касмічныя» [1]. Яскравае пацвярджэнне гэты тэзіс знаходзіць у тэкстах беларускіх калядных і валачобных песень, дзе на сымвалічным узроўні вядзецца размова пра аднаўленне, адбудову Космасу («свайго» свету) пасля канчатковай дэструкцыі старога светаладу, сітуацыі хаосу і безчасоўя: «Хадзілі да гулялі калядоўшчыкі, / Да пыталіся яны да багатага двара: / Багаты двор, зялезны тын, / Зялезны тын, медзяны варотцы, / Зашчэпачка тачоная, пазалачоная»; «Багаты двор на сямі вярстах, / На васьмі стаўбах,— / Стаўбы точаныя, пызалочаныя. / Сірадзі тых стаўбоў тры церамы стаяць... / У першым ціраму – свіцёл месіць, / У другім ціраму – ясна соўнышка, / А ў трэцім ціраму – частыі звёздачкі» [2].

Фальклорныя апісанні «гаспадарскага двара» нагэтулькі семантычна насычаныя, што вымагаюць дэталёвага аналізу. Акцэнтаванае пазначэнне навізны сядзібы («новы двор») на міфалагічным узроўні вяртае да сітуацыі космагенезу, калі адбывалася сатварэнне ідэальна новага свету. Вылучэнне ўпарадкаванай прасторы са стыхій хаосу і яе адасабленне, *адмежаванне* як прасторы акультуранай, чалавечай, «свайго», апісваецца як абнясенне «двара» агароджай. Пры гэтым у большасці абрадавых тэкстаў фігуруе не плот ці пляцень, але **тын** – суцэльная, шчыльная агароджа, непарушнасць і трываласць якой падкрэслівае жалеза, з якога ён зроблены. Абсалютна невыпадковай з'яўляецца і канфігурацыя «двара»: «У панскім дварочку, як у вяночку» [3]. Бо ў міфалагічнай традыцыі менавіта **круг** «выяўляе ідэю адзінства, бясконцасці і завершанасці, вышэйшай дасканаласці,... абмяжоўвае ўнутраную канечную прастору» і, у супрацьвагу хаосу, увасабляе сабой Космас [4]. Агароджаны, круглы ў плане двор увасабляе сабой і Цэнтр Сусвету, які можа маркіравацца ў фальклорных тэкстах вобразам Сусветнага дрэва («Двор гараджоны, явар саджоны») ці гарой («Да на гары новы двор») [5]. Прасторавыя параметры міфалагічнай сядзібы могуць характарызавацца агульнай формулай «шырокі двор», за якой, аднак, хаваюцца яе гіперпараметры («на сямі вярстах») і касмічныя маштабы (прысутнасць сонца, месяца, зорак у будынках, размешчаных на падвор'і). Паказальна, што ў адрозненне ад «шырокага» «цеснае» падвор'е сімвалізуе смерць і, адпаведна, «той» свет: «Прыехаў – падвор'я цясным цясное, / Маёй жоначцы труну гатуюць» [3, с. 443].

Сядзіба, якая фігуруе ў калядных і валачобных песнях, тэмпаральна суадносіцца з сітуацыяй міфалагічнага першапачатку, «залатым часам» і ўвасабляе сабой новаствораны свет з яшчэ нявыдаткаванай жыццёвай энергіяй, які характарызуецца звышдабрабытам, звышдастатковасцю і неверагоднымі прадудыйнымі патэнцыямі. Так, у хлявах цяляцца сотні кароў, жарэбцяцца сотні кабыл, на падвор'і сядваюць пчаліныя раі, цвітуць сады; сам гаспадар

«весь у золаце» ці важаць яго ў каморы пудамі. Прынамсі, золата, якое вельмі часта фігуруе як элемент «гаспадарскага», «багатырскага» двара, уласна і сімвалізуе «перавагу, веліч, дасканаласць, моц, уладу, багацце, чысціню, жыццёвы пачатак» [6]. Ідэальная форма сядзібы («вянок»), матэрыялы, з якіх яна будуюцца (золата, срэбра, медзь, жалеза), наяўнасць цвітух садоў (Сусветнага дрэва) указваюць на прастору максімальна сакральную. У пазнейшым хрысціянізаваным светаўспрыманні сядзіба абрадавых песняў – гэта **рай** на зямлі: «Да ў нашага пана гаспадара, / Да зялён явар, дуброва! / Сад-вінаград пазасаджаны, / *Райскія* птушкі папрынаджваны» [5, с. 211]. Адначасова ў міфапаэтычным светаўяўленні «круглы двор» ізаморфны «кругламу году», гэта значыць, што і ён з цягам часу страчвае сваю ідэальнасць, жыццёвую энергію, дабрабыт; яго межы з «тым» светам паступова размываюцца. Такім чынам, напрыканцы года сядзіба (яе межы), якая прадметна ўвасабляе **долю** ўсяго роду, патрабуе абнаўлення. Адсюль катэгарычная абавязковасць штогадовых калядных і валачобных абыходаў, падчас якіх сімвалічны акт абнаўлення (нараджэння) свету адбываўся ў *кожнай* сядзібе паселішча. Валачобнікі, як і калядоўшчыкі, «не міналі ні панскай гасподы, ні чэзлага двара ўдавы, апошняга бедняка: усіх прывячалі старасвецкай велікоднай песняй, жадалі гаспадару і ўсім членам яго сям’і добрай долі» [7]. На Каляды, акрамя калядоўшчыкаў, і сам гаспадар асвятчае, «абнаўляе» сваю сядзібу, абыходзячы яе па сонцы з куццёю, хлебам і святою вадою [8].

У побытавым жыцці выразнай антытэзай дагледжанай, упарадкаванай сядзібе выступае запушчаны, недагледжаны двор, які суадносіцца з іншасветам і інфернальнай сферай. Так, беларусы Смаленшчыны лічылі, што двор, парослы крапівай, з’яўляецца прыкметай чараўніка [9], а палескі праклён «Каб твой двор быльнікам парос» [10] азначае пажаданне смерці.

У межах сядзібы, што ўвасабляе сабой максімальна арганізаваную, акультурную прастору, безумоўным цэнтрам выступае **хата**. Уласна кажучы, сядзіба і ў сімвалічным, і ў канструктыўным вымярэнні разгортваецца менавіта вакол хаты, якая з’яўляецца *адзіным жылым* будынкам, г.зн. прызначаным не збожжу (гумно) ці скаціне (хлявы) – прадметным увасабленнем гаспадарчай долі, але ўласна людзям – носьбітам (рэцыпіентам) гэтай долі. Іншымі словамі, «двор» без хаты – нонсэнс, у той час як іншыя структурныя часткі сядзібы (варыўня, лазня, калодзеж ці сад) могуць адсутнічаць. У традыцыйнай супольнасці «хата (дом) – не столькі апісанне жылля, колькі цэнтр свайго свету, замкнёная, абараняючая прастора, якая забяспечвае пры гэтым выхад на вонкі і кантакты са знешнім светам» [11]. Адначасова хата – гэта канцэнтраваная рэалізацыя жыццёвай долі канкрэтнага роду (сям’і): «Жыллё і сям’я выступаюць як адзінае цэлае, прычым характэрна, што само слова «дом» у шэрагу індаеўрапейскіх моў першапачаткова, напэўна, азначала не жылы будынак, а форму грамадскай арганізацыі, сям’ю» [12]. Калі сядзіба на сімвалічным узроўні рэпрэзентуе «свой» свет, апелюючы, перш за ўсё, да катэгорыі **мяжы** («жалезны тын») і **цэнтра** («явар»), то хата, з’яўляючыся цэнтрам свету (сядзібы), ужо сама рэпрэзентуе яго структуру, г.зн. выступае як мікрамадэль космасу. «Паколькі пры будаўніцтве хаты асабліва актуальнае супрацьпастаўленне *верх/ніз*, то трохчасткавы рытуал можна разглядаць і як указанне на трохчасткавы вертыкальнай структуры свету і хаты як яго мадэлі (ніз = першы вянец; сярэдзіна = трама; верх = дах). Апошняе падмацоўваецца сімвалікай сусветнага дрэва, якое заклікана ў першую чаргу ўвасабляць касмічную вертыкаль, працэс, час. Гарызантальную плашчыню структуруе прамакутны вянец, што надае хаце ўстойлівую чатырохбаковую структуру...» [12, с. 168]. Пры гэтым няцяжка заўважыць, што на лексічным (сімвалічным) узроўні чатырохкутная ў плане форма хаты з’яўляецца ізаморфнай *круглай*, ідэальнай, у міфалагічным плане, форме. І першы зруб, вянец, які

з'яўляецца ўзорам пры будаўніцтве хаты, і міфалагічная сядзіба калядных (валачобных) песняў пазначаюцца ідэнтычна – «вянок». Ідэальнасць круглай формы адлюстравана нават у выслоўях, дзе быць, рабіць «як у вянку (вяночку) – вельмі добра, паспяхова» [13]. Аднак, у рэальных абрадавых практыках «суаднясенне чатырох сцен жылля з чатырма бакамі свету не выклікае сумненняў» [14]. Так, на Віцебшчыне пры «закладзінах» хаты гаспадар маркіруе месца, абранае пад жылло, чатырма каменямі, прынесенымі «з чатырох розных палёў» [15].

У традыцыйнай міфапэтычнай карціне свету хата ўяўляе сабой *мега-тэкст*, які складаецца з тэкстаў розных узроўняў: структура жылля, элементы інтэр'ера; хата як рытуальная прастора (сямейная абрадаваецца) і як аб'ект рытуалу (будаўніцтва – улазіны), як фальклорны сімвал і г.д. «Прачытанне» (расшыфроўка) гэтага мегатэксту мусіць стаць прадметам асобнага даследавання і не можа быць рэалізаванае ў рамках дадзенай працы. Асноўная ўвага будзе звернута на хату як на элемент культурнага ландшафту, калі для прасторавай арыентацыі чалавека традыцыі дастатковым з'яўлялася «супрацьпастаўленне ўдома/звонку» [11, с. 121].

Як цэнтр існага светапарадку хата выступае як дзейсная аператыўная прастора рэалізацыі прыёмаў аграрнай (шырэй – гаспадарчай) магіі. Практычным дзеяннем чалавека ў хаце падчас найбольш значных момантаў сельскагаспадарчага цыклу (ворыва, сяўба ды інш.) надаецца вышэйшы сімвалічны сэнс і таму яны жорстка рэгламентуюцца. Напрыклад, беларусы Смаленшчыны, «каб маланка не пашкодзіла ўраджаю, «не вынула спор з каласоў»..., з Благавешчання да ўзнясення, пакуль араць, не распальваюць агню, а кладуцца спаць у поцемках, а то маланкаю выпаліць жыта» [9, с. 95]. У Заходняй Беларусі забарона паліць агонь у хаце («свяціць хату») у першы дзень ворыва тлумачылася тым, што «будзе поле свяціцца ад лысінаў», г.зн. будзе месцамі пустое, не пакрытае збожжам» [16]. Падобныя перасцярогі датычыліся і сяўбы: «Ячмень, просо й пшаніцу не можна сеяць у той час, як палляць у печых да з комінаў ідзе дым, бо нападзе сажа на каласы і нічога не вырасце» [17]. Адначасова, «каб пасеянае збожжа вырасла густое, на вячэру ў дзень сяўбы гаспадыня павінна падаць абавязкова два густыя супы: адзін прасны, другі – квасны» [16, с. 363]. Таксама, «у дзень сяўбы жыта нельга віць у хаце ні пугі, ні вяроўкі, бо вецер будзе скручваць і прыгінаць да зямлі пасеянае. Нельга плесці лапцэй, бо сцябліны будуць кволяы і ў час жніва будуць ламацца» [15, с. 107]. Сітуацыя ў *хаце/па-за хатай* як адлюстраванне *згорнутага/разгорнутага* свету абыгрывалася ў магічных аперацыях, закліканых спрыяць росту лёну. «Каждая гаспадыня на Валосе (у тлусты чацвер) павінна дзе-кольвек пайсці хоць недалёка, то будзе лён вельмі расці, а катора ў хаце, то тае лён пры зямлі сядзіць» [16, с. 371].

Пазначаныя перасцярогі мелі месца і ў жывёлагадоўлі. На Палессі лічылася, што, «як карова цельная, то ні ў хаце, ні на падворку нямажна віць ні матузка, ні пужкі, бо цялятка ўродзіцца са звітымі ножкамі» [18]; калі «ў хаце стаіць дым, то яго не можна махаць рукамі ці чым-небудзь другім, не можна разганяць, бо гаўядо будзе разбягацца ці таўкціса» [17, с. 77]. Дзеянні чалавека ў хаце, як лічылася, маглі непасрэдным чынам уплываць і на хатнюю птушку, тым больш што ў XIX – пачатку XX ст. зімавала яна ў чалавечым жылле (падпеччы). Так, катэгарычна забаранялася свістаць ці іграць на дудках у хаце ці паблізу яе, калі свойскія птушкі сядзяць на яйках, «бо не будзе як заседжаных, але баўтуны (свістуны)»; свіст у хаце мог прывесці і да таго, што з яек выведуцца адно толькі пёўні [16, с. 353, 356]. Таксама верылі, што, калі выносіць смецце з хаты пасля захаду сонца альбо прыносіць у хату кветкі «курынае слепаты», то саслепнуць куры [16, с. 355]. На Віцебшчыне існавала забарона пячы хоць што-небудзь у хаце, калі гуску садзяць на гняздо, «бо можна запячы гусіныя яйкі, і з іх не выведуцца гусяняты» [9, с. 174]. Аднак,

універсальнай і агульнараспаўсюджанай на Беларусі з'яўлялася катэгарычная забарона на *пазыку* з хаты хоць-якіх рэчаў у рытуальна напружаныя моманты быцця: каляндарныя святы (асабліва гадавыя – Каляды, Вялікдзень, Тройца), нараджэнне дзіцяці, вяселле, пачатак сельскагаспадарчых работ, прыплод скаціны ды інш. Доля ў любых яе праявах (асабістая, сямейная, гаспадарчая), аднаўляючыся (узнаўляючыся) у гэтых сітуацыях, увасаблялася ўсімі наяўнымі ў хаце (гаспадарцы) рэчамі. Таму пазыка (выдаленне з хаты) любога прадмета (і перш за ўсё рэчаў з высокім сяміятным статусам: агонь, хлеб, соль, грошы) патэнцыйна разбурала цэльнасць, дастатковасць атрыманай долі і, адпаведна, прыводзіла да *анты-долі* («нядолі»), г.зн. хваробаў, неўраджаю, падзежа скаціны, разладу ў сям'і і да т.п.

Безумоўнай у традыцыйным беларускім грамадстве з'яўлялася сувязь хаты і асабістай жыццёвай долі чалавека. Гэтая непарыўная сувязь падкрэсліваецца тым, што хата з'яўляецца адзіна магчымай рытуальнай прасторай, дзе рэалізуюцца абрады, якія сімвалічным чынам афармляюць асноўныя вехі чалавечага жыцця: нараджэнне (радзіны), уступленне ў шлюб (вяселле), смерць (хаўтуры). Адсюль невыпадкова, што, «паводле народных уяўленняў, вельмі нешчаслівы чалавек, які нарадзіўся не дома» [19]. Паколькі добрую долю дзіця можа атрымаць толькі ў роднай хаце, то «ў дні з'яўлення дзіцяці на свет нічога з хаты нікому не пазычаюць, каб дзіця гадавалася здаровае» [20].

Узаемасувязь жыццёвай долі чалавека і хаты рэльефна праяўляецца і ў варожбах, закліканых вызначыць лёс. На Віцебшчыне, «калі ад здадзенага ў салдаты сына доўга няма вестак, маці адразуе чатыры лусткі ад першага навагодняга хлеба і кладзе іх на ноч у чатырох кутах хаты. Калі ўсе лусткі акажуцца некранутыя да раніцы – сын цэлы і здаровы; калі злёжку пагрызеныя – хворы і няшчасны; зусім з'едзеныя – сын забіты на вайне ці памёр ад хваробы. Згрызеная лустка прыблізна паказвае месца знаходжання сына» [9, с. 87–88]. Частотнасць выкарыстання хаты ў варожбах на асабістую долю ў традыцыйнай беларускай культуры надзвычай высокая. Пры гэтым выразна акрэсліваюцца чатыры семантычна не тоесныя механізмы прадказання будучыні, у якіх фігуруе хата. У першым выпадку хата – гэта неабходны прасторавы кампанент (кантэкст) варожбаў, дзе ўласна і разгортваюцца магільныя маніпуляцыі: «Сабраўшыся ў адну хату, дзяўчаты пякуць з мукі булачкі велічынёю з курынае яйка, кладуць іх у шэраг і клічуць сабаку: чыю булачку ён возьме першую – тая першая і выйдзе замуж» [21]. У другой сітуацыі (пераважна на Каляды) удзельнікі варажбы атрымліваюць знакі з хаты, як прасторы арганізаванай і ўпарадкаванай, самі знаходзячыся па-за яе межамі, г.зн. у сферы хаатычнага і няпэўнага: «Найбольш заўзятыя нявесты падыходзяць пад вокны падслухоўваць, што спачатку скажуць у хаце: «Бывай здароў» ці «Сядзь, пасядзі». Калі першае, дык прыкмета добрая: давядзецца пакінуць бацьку, родную хату і ісці замуж; калі ж: «Ды сядзь, каб ты макам сеў», то ... давядзецца, маўляў, сядзець у дзеўках» [22]. Наступны варыянт варажбы з'яўляецца супрацьлеглым: знакі, атрыманыя звонку, у прасторавых кропках, што на міфалагічным узроўні сімвалізуюць мяжу з «тым» светам (калодзеж, дрывотня, ростані), «прачытваюцца», дэшыфруюцца менавіта ў хаце, як у прасторавай зоне стабільнасці і пэўнасці: «Дзяўчаты ... бягуць да калодзежа, мачаюць у вадку лучыну, прыносяць дахаты і запальваюць: чыя лучына гарыць ярчэй, святлей, той і замужам будзе лепш» [23]; «на Купало пасле заходу сонца, як заблішчаць на небе зоркі, дзеўкі голыя бягуць дзе-небудзь недалёка за ўёску на растанцы, становяцца ракам і зубамі бы гавядо рвуць падарожнік. Яны з гэтым зеллем моўчкі бягуць дамоў і лажацца спаць, а падарожнік кладуць сабе пад голаў. Ноччу не хібіць прысніцца суджаны» [17, с. 131]; «схапіўшы бярэмя дроваў, дзяўчына нясе іх у хату і лічыць: калі захоплены парны лік паленцаў – дзяўчына выйдзе замуж за халастага, няпарны – за ўдаўца» [9, с. 51]. Чацвёрты від варажбы хоць і можа спалучаць у сабе эле-

менты ўсіх папярэдніх, але грунтуецца на непасрэдным выкарыстанні хаты ці яе структурных частак (сцены, страхы, парог ды інш.) у працэдуры прадказання: «Перакідвалі дровы цераз хату. У які бок паляціць палена – у той бок і замуж пойдзеш» [24]; «пасля вячэры дзеўкі становяцца каля *сцяны* проціў лучыны й прыглядаюцца на свой цень. Калі ён мае ясныя рысы – та дзеўка хутка пойдзе замуж, і яе жытка будзе добрая, а калі цень расплываецца, то гэта суліць ліхую долю» [17, с. 139]; «кветкі «купалкі» бяруць па адной нераспушчанай галінцы, накіраванай для кожнага з жыхароў хаты і жывёл, і ў шчыліны сцен у хаце ўтыраюць. Чыя галінка расцвіце, той на працягу года будзе здаровы і вясёлы, а чыя звяне – той будзе хварэць і памрэ» [20, с. 108]; «варожачы, дзяўчаты выцягваюць зубамі саломінкі з *новай страхі*, і чыя саломінка акажацца даўжэйшая – тая хутчэй пойдзе замуж» [9, с. 52]. Невыпадкава, што найбольш дзейсным у варожбах і іншых абрадавых і магічных практыках з’яўляецца менавіта **«контур»** хаты – сцены, вокны, парог, дзверы, страхы, бо для носьбіта міфапаэтычнай свядомасці яны ўвасаблялі першы, максімальна набліжаны да чалавека, радыус у складанай сістэме межаў паміж «сваім» і «тым» светам. Паказальна, што ў беларускім фальклоры дзвюхці ў лёсе чалавека (напрыклад, рэкруцкі набор) апісваюцца як разбурэнне цэльнасці (гвалтоўнае парушэнне мяжы) ягонага хаты і прымусовае выдаленне яго са свайго жылля: «Чуець, чуець мая доля: / Не быць малайцу ў доме, / Быць малайцу ў няволі, / У салдацкім наборы, / У някруцкім жа прыёме. / Бел малойчык дагадаўся, / Ў нову горанку схаваўся. / Злыя людзі ўвадалі, / Камандзершчыку казалі. / Кругом горанкі аступілі, / *Кругом дзверы прапалілі*, / Бел малойчыка злавілі, / Бодры ножачкі скавалі, / Назад ручанькі звязалі» [25].

Аднак, у сітуацыі, калі чалавек апелюе да звышнатуральных рэсурсаў «таго» свету, звяртаецца па іх дапамогу, што найбольш выяўна прасочваецца ў замоўнай практыцы, ён ужо з уласнай ініцыятывы пакідае сваю хату як прастору падкрэслена чалавечую. Пры гэтым вельмі часта віртуальнае падарожжа суб’екта замовы мае канчатковай мэтай ізноў-такі хату, якая, у адрозненне ад «свайго», «роднай», выступае ўжо як *Цэнтр іншасвету*: «Стану я, раба (імя), благаслаўлюся, пайду перахрышчуся, з *хаты* ў дзверы, з дзвярэй на двор, з двара ў вароты, выйду ў чыстае поле ў падусходнюю сторону. У падусходняй старане стаіць *хата*, пасярод хаты ляжыць дашка, пад дашкой таска» [26]. Такім чынам, выкарыстоўваецца прынцып люстраной сіметрычнасці, калі «ўпарадкаванне «свайго» і «чужога» свету (ці то «падземны», «нябесны», «лясны», «падводны» ці проста «варожы») у прынцыпе застаецца аднолькавым – тут мы сустракаем тыя ж самыя элементы, выкарыстаныя, аднак, з «супрацьлеглым знакам» [27].

Вобраз хаты, што маркіруе цэнтр «таго» свету (як правіла, «Божага» яго сегмента), і дзе чалавек пазбаўляецца ад хваробы, набывае здароўе, максімальна набліжаны да міфалагічнага вобраза ідэальнай хаты (сядзібы) калядных і валачобных песняў: «Узыйду я на крутую гару і гляну пад красную зару – там стаіць медны дом, і залатая аграда, і сярэбраныя вароты»; «на моры-амары, на сінім камені стаяў дуб, на том дубу дванаццаць какатоў, на тых какатах стаяў дом, а ў том доме сам Гасподзь жыў і Прачыстая» [26, с. 108, 149]. Калі ж размова ішла пра рэальную выправу чалавека, якая характарызавалася працягласцю і патэнцыйнай небяспечнасцю, з тым, каб засцерагчы падарожнага ад магчымай бяды ў вонкавай, «чужой» адносна хаты прасторы, прадпрымаліся наступныя дзеянні: «У той час, калі «някрут» (рэкрут) пераступае апошні раз парог роднага дома, хтосьці з блізкіх родных жанчын паспешліва пераварочвае ў хаце ўсе рэчы: абразы да сцяны і дагары нагамі, стол і лавы, вілкі, памяло і нават жорны таксама...» [9, с. 87]. І хоць народнае тлумачэнне гэтых дзеянняў было даволі празрыстым («каб адпраўлены з дому «павараціўся» назад»), няцяжка заўважыць больш глыбокі сімвалічны сэнс. Пасродкам такіх маніпуляцый хата як бы выварочвалася

на вонкі, праецыравалася на знешнюю, патэнцыйна небяспечную прастору і, такім чынам, абараняла чалавека, які яе пакінуў.

Як нараджэнне, так і смерць чалавека ў ідэале суадносіліся з яго «роднай хатай»: «Той, хто памірае ў чужой хаце, ніколі не атрымае даравання грахоў» [9, с. 286]. Пры гэтым смерць у акцыянальным аспекце ўяўлялася *перасяленнем* памерлага чалавека ў «новую хатку» – дамавіну (прыгадай: у сне «дом новы бачыць – нябожчык будзе: дамавіну строй» [28]), якая ўбірала ў сябе базавыя характарыстыкі свету памерлых: статычнасць (адсутнасць дзвярэй як прыцыповая немагчымасць выйсці з яе), цемра (адсутнасць вокнаў), поўная цішыня, холад. Пазначаныя якасці «новай хаткі» нябожчыка выразна адлюстраваны ў беларускіх галашэннях: «Збудаваці табе, мой татачка, новую хатачку харошанькую, толькі цесненькую, нявідненькую да халодненькую»; «мамка мая дарагая, ты любіла сонейка, а табе зрабілі домік без акон і дзвярэй, там будзе цёмна...» [29]. Але, нягледзячы на пазначаныя характарыстыкі, дамавіна, як і хата пры жыцці, павінна была мець, па народных перакананнях, рэчы, неабходныя чалавеку для жыцця на «тым» свеце: «Каб дагадзіць нябожчыку, трэба пакласці яму ў кішэню «піпку з капшуком», калі ён курыў пры жыцці, і табакерку, калі нюхаў тытунь, а таксама прывязаць да пояса на кашулі кашалёк з некалькімі манетамі, грабянец і звычайны нож у скураным чохле, а за пазуху пакласці хустку. Гэтыя рэчы могуць на тым свеце спатрэбіцца, і нябожчык кожны раз з удзячнасцю ўспомніць пра родных» [9, с. 286].

У традыцыйнай супольнасці «доля» асобнага чалавека заўсёды была цесна знітаная з быццём калектыву і выступала неад'емнай часткай долі ўсяго роду, які ў сінхронным вымярэнні прадстаўлены сям'ёй. Адсюль і хата з'яўлялася ўвасабленнем не толькі асабістых, але, адначасова, і сямейных жыццёвых патэнцый. Так, яшчэ на «закладзінах» хаты, калі складаўся першы яе вянец, цяпер мог «запраграмаваць» дом на пагібель усёй сям'і. «На пабудове хаты імкнуцца ўсяляк дагаджаць цеслярам і гавораць: «Трэба майстру дагаджаці, бо ён можа загубіць цэлы род наш» [8, с. 334].

Гвалтоўнае выдаленне (выгнанне) з хаты аднаго з сямейных (асабліва бацькоў, якія ўвасаблялі міжпакаленнюю пераемнасць роду) прыводзіць да трагічных наступстваў для ўсёй сям'і. Так, сын, выгнаўшы з хаты састарэлую маці, праз некаторы час вымушаны шукаць яе, шчыра шкадуючы аб сваім учынку: «А ў нядзелю ранюсенька / Ідзе сыноч, гукаючы. / Ідзе сыноч гукаючы, / Сваю мамку шукаючы: / – Ідзі, мамка, дадомачку, / Ў мяне дома бяда стала. / Ў мяне дома бяда стала: / Жонка сына ды прыспала. / Яшчэ к таму і другая: / Да на стайне канёк упаў» [3, с. 308–309]. Невыпадкова і тое, што менавіта хата з'яўляецца прасторай сімвалічнай кансалідацыі роду ў рытуальна напружаныя моманты быцця. Асабліва гэта праяўлялася на Дзяды, калі пацвярджалася і ўмацоўвалася не толькі сінхронная еднасць сям'і, але і яе дыяхронная повязь з продкамі – сакралізаванымі гарантамі стабільнасці і добрапарадку: «У дзень Дзядоў кола хатніх ці сям'я павінны быць усе дома...» [29, с. 172]. Гэтае ж патрабаванне датычылася і Калядаў, калі ў хаце адбывалася рытуальнае аднаўленне калектывнай долі: «От як толькі зайдзе сонейка, дак ўся сям'я пачне збірацца ў хату на вялікую вячэру – Куццю. К гэтай вячэры ўсімі сіламі стараюцца даграбіцца да гасподы й тыя з сям'і, хто дзе-небудзь служыў ці быў на рабоце. Вельмі гаруюць тыя, каму ніякім правам нельга дабрацца да гасподы на Куццю» [17, с. 136].

Такім чынам, аналіз этнаграфічных і фальклорных матэрыялаў паказвае, што ў традыцыйным светапоглядзе беларусаў сядзіба і хата ўвасаблялі цэнтр не толькі «сваёй» (засвоенай, акультуранай) прасторы, але і светабудовы ў цэлым. Структура сядзібы і хаты ў сітуацыях рытуальнага плана сімвалічна рэалізоўвала мадэль Сусвету, што абумовіла іх цэнтральнае месца ў абрадавых практыках беларусаў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Лотман, Ю.** Семиосфера / Ю. Лотман. – СПб., 2001. – С. 531.
2. **Карські, Я.** Беларусы / Я. Карські. – Мінск, 2001. – С. 220–221.
3. **Беларускі фальклор у сучасных запісах:** Традыцыйныя жанры: Мінская вобласць. – Мінск, 1995. – С. 30.
4. **Топоров, В.Н.** Круг // Мифы народов мира: энциклопедия / В.Н. Топоров, М.Б. Мейлах. – М., 1991. – Т. 2. – С. 18.
5. **Паззія беларускага земляробчага календара.** – Мінск, 1992. – С. 124, 162.
6. **Топоров В.Н.** Металлы // Мифы народов мира: энциклопедия / В.Н. Топоров. – М., 1991. – Т. 2. – С. 147.
7. **Ліс, А.С.** Валачобныя песні / А.С. Ліс. – Мінск, 1989. – С. 10.
8. **Шейн, П.В.** Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П.В. Шейн. – СПб., 1902. – Т. 3. – С. 378–379.
9. **Добровольский, В.Н.** Смоленский этнографический сборник / В.Н. Добровольский. – СПб., 1894. – Т. XXIII. – Вып. 2. – С. 17.
10. **Ненадавец, А.М.** Сілаю слова. Чорная і белая магія / А.М. Ненадавец. – Мінск, 2002. – С. 122.
11. **Цивьян, Т.В.** Лингвистические основы балканской модели мира / Т.В. Цивьян. – М., 1990. – С. 10.
12. **Байбурын, А.К.** Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурын. – СПб., 1993. – С. 154.
13. **Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі.** – Мінск, 1990. – Т. 1. – С. 79.
14. **Байбурын, А.К.** Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А.К. Байбурын. – Л., 1983. – С. 76.
15. **Никифоровский, Н.Я.** Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи... Витебской Белоруссии / Н.Я. Никифоровский. – Витебск, 1897. – С. 134.
16. **Federowski, M.** Lud białoruski na Rusi Litewskiej / M. Federowski. – Kraków, 1897. – Т. 1. – С. 361.
17. **Сержпудоўскі, А.К.** Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А.К. Сержпудоўскі. – Мінск, 1998. – С. 89.
18. **Pietkiewicz, Cz.** Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego. Materiały etnograficzne / Cz. Pietkiewicz. – Warszawa, 1938. – S. 68.
19. **Жыццця адвечны лад:** Бел. народ. прыкметы і павер'і. – Мінск, 1998. – Кн. 2. – С. 93.
20. **Werenko, F.** Przyczynek do lecznictwa ludowego / F. Werenko // Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. – 1896. – Т. 1. – S. 128.
21. **Шейн, П.В.** Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П.В. Шейн. – СПб., 1887. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 41.
22. **Берман, И.** Календарь по народным преданиям в Воложинском приходе Виленской губ. Ошмянского у. / И. Берман // Записки императорского Русского географического общества. – СПб., 1873. – Т. V. – С. 19.
23. **Крачковский, Ю.Ф.** Быт западно-русского селянина / Ю.Ф. Крачковский. – М., 1874. – С. 165.
24. **Зямная дарога ў вырай:** Беларускія народныя прыкметы і павер'і. – Мінск, 1999. – Кн. 3. – С. 31.
25. **Сацыяльна-бытавыя песні.** – Мінск, 1987. – С. 59.
26. **Замовы** / уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г.А. Барташэвіч. – Мінск, 1992. – С. 373.
27. **Неклюдов, С.Ю.** Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора / С.Ю. Неклюдов // Типологические исследования по фольклору: сб. статей памяти В.Я. Проппа / сост.: Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. – М., 1975. – С. 184.
28. **Ляцкий, Е.** Материалы для народного снотолкования / Е. Ляцкий // Этнографическое обозрение. – 1898. – № 1. – С. 147.
29. **Пахаванні. Памінкі. Галашэнні** / рэдкал.: А.С. Фядосік (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1986. – С. 209, 268.

S U M M A R Y

In the article symbolic status and ritual functions of traditional Belarusian house and farm land are investigated.

Поступила в редакцию 12.06.2008

Понятие предмета, методов и принципов науки таможенного права

По результатам анализа изданных в последние годы учебников, учебных пособий и монографий по таможенному праву можно сделать вывод, что предмет этой правовой науки трактуется разными авторами неодинаково. Более того, существуют различные подходы к пониманию таможенного права, рассматривающие его и как отрасль современного законодательства; и как новую комплексную отрасль современного права в рамках всей системы правовых наук; а также как подотрасль *административного* права или институт административного права [1–6].

Все это актуализирует рассмотрение понятия и предмета науки таможенного право в условиях современного развития белорусского общества.

Однако, чтобы выяснить предмет науки таможенного права, необходимо установить, что является объектом ее исследования, каков круг вопросов, которые в ней рассматриваются, каковы место, значение и роль таможенного права в общей системе наук.

Таможенное право – это формирующаяся отраслевая юридическая наука, которая изучает совокупность норм права (законов и иных правовых актов), регулирующих таможенные отношения в современном обществе и содержащих предписания, относящиеся ко всем направлениям таможенной деятельности. Причем данные правовые нормы устанавливают правовое положение таможенных органов и лиц, регламентирующих перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу, взимание таможенных платежей, организацию таможенного контроля, а также производство при этом на основе юридических предписаний и норм таможенного оформления, правоохранительной деятельности таможенных органов. В этом и состоит сущность таможенного права как формирующейся отрасли правовых знаний.

При определении содержания таможенного права необходимо, прежде всего, определить совокупность юридических норм, регулирующих таможенные отношения в обществе. Одновременно здесь важно учитывать и современные тенденции правового регулирования социально-экономических отношений в условиях глобализации и информатизации.

В ходе исследования предмета и особенностей таможенного права на сегодняшнем этапе указанные тенденции не всегда учитываются, а от этого порой страдает таможенное дело. Так, например, в процессе изучения организационной и управленческой деятельности ряда таможен Беларуси установлено, что в настоящее время сотруднику таможни приходится использовать в своей повседневной работе около двух с половиной тысяч законов и иных нормативных юридических актов, помимо всяких руководящих и второстепенных документов. Используемая в повседневной работе совокупность правовых норм представляет собой еще плохо систематизированный порядок юридических предписаний, положений, статей, пунктов и т.д. в области таможен-

ного дела, а отсюда естественно, возникают проблемы со знанием и использованием такого огромного количества норм и правил. При этом данные нормы охватывают своим регулирующим воздействием разнообразные аспекты общественных отношений, в соответствии с которыми и может строиться вся система норм таможенного права, и те отрасли права и разделы законодательства, с которыми связаны участники таможенных правоотношений.

Нормы таможенного права, действующие на территории Беларуси, выступают не всегда в чистом виде. Многие из них связаны с конкретными отраслями права: административного, уголовного, гражданского, финансового, гражданско-процессуального и других. Эта связь необходима, прочна и играет существенную роль в правовом регулировании таможенных отношений. Например, Уголовный кодекс Республики Беларусь устанавливает состав таможенного преступления – контрабанда (ст. 228) и т.д. Прослеживается эта связь с нормами гражданского и гражданско-процессуального права, а также положениями административного, налогового и финансового права Республики Беларусь, которые касаются деятельности таможенных органов.

В этом и заключается особенность таможенного права, состоящая, прежде всего, в ее комплексности: никогда до этого таможенное право не вбирало в себя столько частных нормативных механизмов из других отраслей права. Одновременно с этим рассматриваемая отрасль права включает и такие положения и понятия, которые присущи только этой, а никакой-либо иной отрасли. К числу таких положений и понятий относятся, в частности: понятие таможенного органа, категория физического лица, положения о товарах, таможенной границе, перемещении транспортных средств через таможенную границу, таможенном контроле и др.

Содержание и сущность таможенного права характеризует и специфическая таможенная деятельность (работа сотрудников таможенных органов). Эта деятельность с правовой точки зрения является совокупностью организационных, документальных или оперативных действий, совершаемых определенными субъектами и требуемых таможенным законодательством. У этих действий есть конкретная юридическая цель, без констатации которой они теряют свое содержание. На практике таможенная деятельность связана с таможенным досмотром, проверкой таможенными органами документов, учетом товаров и транспортных средств, с проверкой таможенных платежей, дознанием по уголовным преступлениям и таможенным правонарушениям и т.д.

Таможенное право занимает определенное место как среди юридических наук, так и среди дисциплин, которые в той или иной мере изучают проблемы взаимодействия таможенных органов, права, законодательства, предприятий, коммерческих структур, банков и т.д. Чтобы правильно определить место таможенного права среди других юридических наук, необходимо обратиться к выработанной в теории права и государства системе правовых наук. В частности, при характеристике основ правового регулирования таможенных отношений в обществе с точки зрения права можно выделить четыре группы юридических наук.

Общетеоретические юридические науки: теория государства и права, наука конституционного права и др. Например, с точки зрения теории государства и права на базе новейших достижений обществоведения изучаются теоретические проблемы права и государства, необходимые для всех юридических наук, в том числе и для таможенного права. При этом в рамках данной фундаментальной отрасли правоведения освещаются некоторые теоретические аспекты работы правовой системы, государственно-правового регулирования и права в обществе, в том числе и применительно к таможенной деятельности.

Отраслевые юридические науки: гражданское право, административное право, финансовое право, земельное право, уголовное право, налоговое право и др. Все эти отраслевые юридические науки в той или иной степени занимаются конкретными содержательными вопросами правового регулирования общественных отношений, использованием своих специфических средств и методов исследования. Каждая из отраслевых юридических наук представляет собой определенную содержательную систему знаний о совокупности тех или иных норм права, о регулировании с помощью этих норм права конкретных общественных отношений. Отраслевая юридическая наука изучает только свою, отведенную ей систему правовых норм и регулируемых этими нормами отношений: гражданское право – систему гражданско-правовых норм, регулирующих имущественные и личные неимущественные отношения в обществе (сюда включаются и некоторые имущественные и личные неимущественные таможенные отношения, которые используются в области таможенного права); административное право – административно-правовые нормы и отношения в различных областях государственного управления (сюда, как мы уже отмечали, включаются и некоторые нормы таможенного права с административным содержанием); уголовное право – систему уголовно-правовых норм и их реализацию в борьбе с преступностью (например, сюда входят нормы о преступлениях в сфере таможенного дела, которые рассматриваются в рамках таможенного права); собственно таможенное право – всю совокупность таможенно-правовых норм, регулирующих таможенные отношения в обществе (включая и нормы из других отраслей права, например, финансового, налогового права) и т.п.

Комплексные юридические науки – науки, которые исследуют как правовые, так и иные методы и средства анализа юридических явлений и процессов. К таким комплексным юридическим наукам можно отнести криминалистику, криминологию, информационное право и др. (они тоже находят применение в таможенной сфере).

Прикладные юридические науки – науки, обслуживающие различные сферы юридической деятельности в определенных аспектах, включая таможенную. К ним можно отнести судебную статистику, судебную медицину, судебную психиатрию.

Приведенная классификация наук, изучающих разные аспекты права, государства и деятельности механизмов правового регулирования, в определенной мере носит условный характер. Она позволяет показать место таможенного права в системе отраслевых юридических наук и установить, что все юридические науки, соединяясь, образуют некий замкнутый круг правового воздействия на общественные отношения, контур функционирования разработанных норм права с использованием информации.

Вместе с тем, таможенное право (и неважно, что какие-то его нормы используются в других отраслях права, а оно использует их нормы) рассматривает и изучает лишь свою совокупность юридических норм, актов, законов, приказов, регулирующих таможенные отношения в обществе. При этом данная отрасль права не претендует на «чужие» нормы и не собирается их «забирать» из других отраслевых юридических наук, кодексов и актов. Таможенное право, имея свой собственный кодекс и свои нормативные акты, существует и развивается в тесной связи с последними и способствует совершенствованию отраслевых механизмов правового воздействия на общественные отношения.

Следовательно, таможенное право, имея свои исходные начала в теории государства и права и будучи тесно связанным с отраслевыми юридическими науками, и прежде всего административным, налоговым и финансовым правом, подходит к предмету и объекту своего исследования с самостоятельных позиций, отличающихся от подхода, который характерен для других юриди-

ческих наук. Оно изучает всю совокупность норм права, регулирующих таможенные отношения в обществе, и практику их применения, включая современные научно-технические средства и методы. При этом предметом таможенного права являются общественные таможенные отношения, имеющие свое социально-правовое содержание, а специфика данных отношений обусловлена объективными особенностями самого таможенного дела в обществе.

Любая наука не существует без собственных методов исследования и «чем совершеннее методы изучения явлений и чем больше таких методов, тем шире возможности науки» [6]. Поэтому таможенное право как наука придает первостепенное значение совершенствованию и обогащению совокупности используемых ею методов. Выделяются и исследуются самые разнообразные методы, а именно: императивный метод, диспозитивный метод, разные способы правового регулирования (предписания, дозволения, запрещения), принципы демократизма таможенного права, законности, эффективности, учета международно-правового сотрудничества и т.д.

Методы таможенного права включают средства, приемы и способы изучения соответствующих таможенно-правовых норм, правовых явлений и процессов. Они отвечают на вопрос, как, каким путем таможенное право изучает, исследует свой предмет.

Методы таможенного права должны подразделяться на общие, распространяемые на многие указанные выше юридические науки и все направления самого таможенного права (исторический метод, сравнительный подход (метод), метод типологии, математический метод, метод актуализма, системный подход, синтез), и частные, используемые для изучения разнообразных аспектов и сторон таможенного законодательства и таможенного права в целом.

Остановимся подробнее на частных методах. Таможенное право сегодня использует частные научные способы воздействия своих норм на поведение людей, на регулируемые этой отраслью таможенные отношения. К числу данных методов относятся прежде всего так называемые *разрешительный и ограничительно-запретительный методы*, каждый из которых имеет свои черты и особенности применения.

Разрешительный метод правового регулирования таможенных отношений предполагает такой характер таможенной деятельности рассматриваемых участников правоотношений, при котором им предоставляется свобода (собственное усмотрение) в реализации своих прав, целей и задач. Например, всем лицам на равных основаниях предоставляется право на ввоз в Республику Беларусь и вывоз из нее товаров и транспортных средств, в том числе при осуществлении внешнеэкономической деятельности, в порядке, предусмотренном ТК. При этом в процессе реализации указанного разрешительного метода могут использоваться и иные методы воздействия на поведение участников таможенных правоотношений, а именно: делегирующий, рекомендательный и санкционирующий.

Делегирующий метод правового регулирования – это такой способ, при котором законодатель, соответствующий таможенный орган или должностное лицо предоставляет конкретные права и свободы участникам таможенных правоотношений в рамках конкретного раздела таможенного законодательства.

Рекомендательный метод правового регулирования таможенных отношений выражается в том, что законодатель предоставляет участникам этих правоотношений самим выбирать те или иные варианты своего поведения. То есть, он рекомендует, задает некую программу таможенной деятельности. Все это делает указанные отношения более гибкими и подвижными.

Санкционирующий метод правового регулирования таможенных отношений – это такой способ, при котором законодатель предусматривает тому или

иному участнику таможенных отношений право самому принимать решение по интересующим его проблемам, но данные решения в то же время должны быть санкционированы в установленном законом порядке.

Ограничительно-запретительный метод правового регулирования таможенных отношений состоит в регламентации и установлении объектов рассматриваемых правоотношений и определении закрепительных мер, которые подлежат исполнению на практике. Речь идет о регламентации и установлении обязанностей субъектов таможенно-правовых отношений, которые занимают значительное место в содержании норм таможенного права. На ввоз в Республику Беларусь и вывоз из нее товаров и транспортных средств могут устанавливаться ограничения или запрет, исходя из соображений экономической политики, выполнения международных обязательств Беларуси, защиты экономической основы суверенитета, защиты внутреннего потребительского рынка. Введение в таможенном законодательстве обязанностей для субъектов таможенных правоотношений исключает всевозможные неправомерные действия, правонарушения и преступления.

Рамки должного поведения регламентируются с той целью, чтобы общественно полезная деятельность субъектов таможенных отношений достигла своих целей, но вместе с тем она не должна приводить к серьезным правонарушениям и преступлениям. В противном случае начинает жестко действовать закон и следует соответствующее наказание.

Определение методов таможенного права предполагает комплексное рассмотрение и принципов этой формирующейся отрасли знаний.

Принципы таможенного права – это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования этой формирующейся отрасли права.

Принципы таможенного права выражают главное, основное в праве, тенденции его развития, то, на что таможенное право должно быть ориентировано, устремлено.

Одним из главных принципов таможенного права является *принцип верховенства* Конституции Республики Беларусь, а также законов над иными нормативными правовыми актами (и прежде всего над актами таможенных органов).

Таможенное право в Беларуси строится и функционирует на принципах законности, гласности и учета общественного мнения. Они составляют общеконцептуальную основу как Таможенного кодекса, так и таможенного законодательства. *Принципом законности* здесь пронизаны все статьи, касающиеся ответственности за преступления в сфере таможенного дела, а также за нарушения таможенных правил. При этом с принципом законности сосуществует принцип гуманности, который предусматривает обстоятельства, смягчающие ответственность за нарушение таможенных правил, возможность назначения более мягкой меры взыскания, освобождение от ответственности за нарушение таможенных правил.

Основным принципом таможенного права является также *принцип приоритетности интересов государства* в определении всей таможенной политики в современных условиях.

Важным принципом таможенного права является *принцип единства системы таможенной службы и центра управления ее деятельностью*, т.е. непосредственного осуществления таможенного дела, которое выполняют таможенные органы Республики Беларусь, являющиеся правоохранительными органами и составляющие единую систему, в которую входят ГТК и таможни. При этом общее управление таможенным делом осуществляет Президент Республики Беларусь, а республиканским органом государственного

управления, осуществляющим непосредственное руководство таможенным делом в республике, является ГТК.

С принципом единства таможенной системы непосредственно связан и *принцип строгого соблюдения прав и свобод граждан* – обжалование действий или бездействия любых должностных лиц в судебном порядке является конституционным правом граждан нашей страны. Таможенные органы Республики Беларусь и их должностные лица, допустившие неправомерные действия в отношении граждан, предприятий, организаций и учреждений, несут ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Важное значение имеет *принцип равенства граждан перед законом* в случае совершения любых противоправных действий в сфере таможенного дела. Любое лицо, независимо от пола, возраста, национальности, должности и т.д., совершившее правонарушение либо преступление в таможенной сфере, несет ответственность перед обществом в установленном законом порядке.

В системе принципов таможенного права играют большое значение *положения гласности и общедоступности сведений* об актах в области таможенного права. Вопросы гласности и общедоступности информации о действующих правовых актах, а также учета общественного мнения отражены в Таможенном кодексе и в Комментарии к нему.

Таможенное право является единой, цельной наукой. Оно дает ответ на основные, коренные вопросы таможенного дела, применяя положения всех общественных (а где необходимо, и естественных) наук к изучению и объяснению таможенного права и таможенного дела.

Объединяя в концептуальном отношении все отрасли наших знаний о таможенном праве, данные которых она строго учитывает и научно обобщает, таможенное право способствует повышению теоретического уровня практической, научной и педагогической работы сотрудников таможенных и иных государственных органов, хозяйствующих субъектов, преподавателей, студентов и всех интересующихся таможенным делом.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Козырин, А.Н.** Таможенное право России. Общая часть / А.Н. Козырин. – М., 1994. – С. 9.
2. **Воробьев, Ю.А.** Основы таможенного дела / Ю.А. Воробьев. – М.: ПТА, 1995. – С. 12.
3. **Таможенное право** / под ред. Б.Н. Габричидзе. – М., 1997. – С. 68–69.
4. **Таможенное право** / под ред. А.Ф. Ноздрачева. – М., 1998. – С. 46–47.
5. **Игнатюк, А.З.** Таможенное право Республики Беларусь / А.З. Игнатюк. – Минск: Амалфея, 2002. – С. 39.
6. **Таможенное право** / под ред. М.М. Рассолова, Н.Д. Эриашвили. – М., 2007.

S U M M A R Y

Customs Law is an unified, integrated science. It gives the answer to the basic questions of the customs activity applying principles of all social (and when it is necessary natural) sciences to the learning and explanation of the Customs Law and the customs activity.

Generalizing all our theoretical knowledge about the Customs Law, the data of which are strictly taken into consideration and scientifically summarized, the Customs Law leads to the increase of theoretical level of practical, scientific and teaching work of customs officer and other members of state and economic establishments, instructors, students and all other people who are interested in the customs activity.

Поступила в редакцию 10.02.2009

О структуре института сложных обязательств

В настоящее время в различных отраслях права, обслуживающих экономические отношения, за основу формирования институтов обязательств взяты однозвенные модели экономического поведения [1], регламентированные, прежде всего, в особенной части ГК [2–3] и НК [4] Республики Беларусь.

Однако в реальной экономической действительности, подобно технической формуле изобретений [5], обязательства могут быть не только однозвенными, но и **многозвенными**. Соответственно, вне правовой регламентации оказались различные сочетания институтов обязательств, а имеющиеся научные работы по данному направлению в основном рассматривают задачу с позиции создания т.н. «непоименованных» («нетипичных») обязательств [6–8], решая проблему сочетания условий различных обязательств, а не институтов. Что же касается обязательств **различных отраслей права**, то проблема сочетаний осталась за «бортом» научных исследований.

Если представить «идеальное» рыночное законодательство, в котором все первичные институты экономических обязательств получили бы должную правовую регламентацию, то на уровне их сочетаний проблемы останутся неразрешенными до тех пор, пока не будут созданы соответствующие межотраслевые институты.

Сочетаниями различных моделей обязательств обычно занимаются экономисты-управленцы [9], поскольку для них обязательства рассматриваются как экономические методы, посредством которых добиваются решения экономических программ и задач. Но их исследования ограничиваются только экономической стороной, т.е. заканчиваются исследованием на уровне имущественного интереса. Что же касается юридической стороны, то она выпадает из поля зрения и, как ни странно, больше интересует представителей уголовного и налогового права в рамках экономических составов правонарушений [10]. Уголовно-административная сторона исследования данной проблемы имеет свои негативные последствия – вне системы регулятивных правоотношений, предполагающих первооснову для формирования охранительных норм, появляются «резиновые» нормы охранительных законов (УК и КоАП Республики Беларусь), криминализируются не только «мошеннические» схемы, в основе которых манипуляции институтами обязательств, но и экономические схемы, направленные на максимизацию выгоды, минимизацию предпринимательского риска и т.п. Причина – **отсутствие** в хозяйственном праве **теории сложных обязательств**.

В правовой науке категория «сложное обязательство» не имеет точного определения и понимается как синоним «смешанного обязательства» [11] либо как «совокупность прав и обязанностей», в противовес простому обязательству, представляющему собой «только одну правовую связь» [11, с. 87]. В настоящей же работе предлагается использование термина «сложное обязательство» как сочетания различных институтов.

Определим признаки, позволяющие выделить сложное обязательство в самостоятельный межотраслевой институт, закрепляющий закономерности сочетаний институтов обязательств.

Для этого необходимо обратиться к гражданско-правовым институтам первичных обязательств, которые в свое время фактически были созданы на базе сложных обязательств. В частности, для института коммерческой концессии, получившей закрепление в ст. 910 ГК Республики Беларусь, участвуют две стороны (правообладатель и пользователь), между которыми распределяются все права и обязанности, вытекающие из различных моделей обязательств (патентного, авторского и других видов договорных обязательств); а для лизинга, регламентированного ст. 636 ГК Республики Беларусь, соответствующие права и обязанности, вытекающие из входящих в лизинг первичных обязательств аренды, займа и купли-продажи, распределены между тремя участниками: лизингодателем, лизингополучателем и продавцом.

В приведенных моделях экономических отношений наличие признака «устойчивости смешивания» отношений привело к самостоятельному виду договора [7], т.е. **сложное обязательство получило самостоятельную правовую регламентацию** на уровне отдельного института законодательства. В приведенных примерах сложные отношения **перешли в разряд сформированных институтов обязательств**, поскольку детальная правовая регламентация, учитывающая моменты согласования различных обязательств, исключает возможность манипулирования различными моделями экономического поведения, согласованными в рамках одного института. С этих позиций вполне можно согласиться с теми, кто считает, что формирование подобных институтов образует одно из направлений развития права договорных обязательств, в частности, в случаях, когда все «интегрируются в один комплексный объект», поскольку «в таких договорах исключается применение норм, относящихся не к данному интегрированному договору» [12].

Указанные выше примеры также позволяют усмотреть главный признак отличия сложного обязательства от последовательности не связанных первичных обязательств – **«единый имущественный интерес»**.

Но одного указанного признака еще не достаточно для того, чтобы экономическая схема образовывала сложное обязательство. Например, для генерального подряда (ст. 656 и ст. 660 ГК Республики Беларусь), где, с одной стороны, обязательства связаны заказчик и генподрядчик, а с другой стороны – подрядчик и субподрядчики. В приведенном примере несмотря на то, что для генподрядчика очевидна экономическая схема (все обязательства связаны его имущественным интересом), в ней не переплетаются основные права и обязанности субподрядчиков и заказчика. Подобная ситуация возникает для спекулянта-посредника, поскольку права и обязанности продавца (продающего товар спекулянту) и покупателя (приобретающего товар у спекулянта) не переплетаются, а для спекулянта все обязательства связаны единым имущественным интересом. С указанных позиций необходимы **дополнительные критерии** сложного обязательства. По нашему мнению, такими критериями выступают: во-первых, **критерий единства сторон** по нескольким последовательным обязательствам; во-вторых, **критерий замкнутости основных прав и обязанностей** между определенным кругом лиц, что указывает на взаимосвязанный встречный имущественный интерес участников соответствующих отношений.

Приведенные рассуждения позволяют сформулировать определение «сложного обязательства», которым следует считать **«два или более обязательств, объединенных имущественным интересом и соответствующих необходимым критериям»**, что указывает на необходимость анализа «сложного обязательства» с учетом «всего комплекса прав и обязанностей, взятых вместе, а не в их разрозненном, единичном виде» [8]. Что же касается **имущественного интереса, выходящего за рамки парт-**

нерских отношений, например, отношения с третьими лицами в рамках собственного имущественного интереса только одной стороны, в таких **случаях сложное обязательство отсутствует**, поскольку экономическую схему хозяйствующий субъект выбирает самостоятельно, неся риск ответственности, в частности, за действие третьих лиц. Тем не менее, **исключение** из указанного положения, по нашему мнению, должны составлять случаи, когда в едином договоре (либо в соответствующих договорах), **все стороны поставлены в известность** о том, что их **обязательства направлены на обеспечение единства или обычая делового оборота**, поскольку в данном случае можно вести речь о признаке общей замкнутости основных прав и обязанностей.

Наиболее распространенным примером сложного обязательства являются экономические схемы, предлагаемые государством с целью влияния на имущественный интерес хозяйствующих субъектов **через налоговые льготы и государственную поддержку (субсидии)**, которые широко распространены в белорусской экономике. Например, в п. 1.3 Указа Президента Республики Беларусь от 28 марта 2006 г. № 182 «О совершенствовании правового регулирования порядка оказания государственной поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям» [13] среди прочих предусмотрены такие меры оказания государственной поддержки, как предоставление из республиканского бюджета субсидий и (или) средств на финансирование капитальных вложений; предоставление бюджетных займов; возмещение части процентов за пользование банковскими кредитами; понижение цен (тарифов) на природный газ, электрическую и тепловую энергию, бензин и дизельное топливо и т.д. – приведенная совокупность экономических обязательств, кроме основного договора, содержит государственные субсидии, которые влияют на формирование окончательной цены. При заключении соответствующих договоров имущественный интерес хозяйствующего субъекта учитывает предоставляемые ему государством льготы и субсидии, что образует сложное обязательство («договор» плюс «налоговая льгота»; «договор» плюс «субсидия»), соответственно государство предлагает льготу или субсидию только под определенные виды договорных обязательств. Это дает возможность говорить об очередном **«критерии наличия льготы или субсидии»**, указывающем на сложное обязательство.

Указанные выше рассуждения позволяют сделать вывод о том, что **критерии сложного обязательства нуждаются в законодательном закреплении на уровне соответствующего обобщенного института**, – в таком случае на основании данных критериев можно ставить вопрос о признании группы обязательств сложным обязательством, разумеется, при условии, что законодательство двинется в направлении правового признания института сложных обязательств.

Решению проблемы может способствовать существующая в договорном праве **«доктрина приоритета "существа над формой"»**, которая сводится к тому, что юридические последствия сделки определяются ее существом, а не формой, т.е. все элементы отношений рассматриваются в совокупности с учетом их наличия «насколько это возможно» [14].

В качестве отправной точки правовой регламентации института сложных обязательств следует взять следующее положение: **«К сложному обязательству следует применять общие положения об обязательствах и сделках, где условия первичных обязательств, входящих в состав сложного обязательства, рассматриваются как единые условия сложного обязательства, если законом или обычаями делового оборота не предусмотрено иное»**.

Определению закономерностей правовой регламентации может способствовать **классификация сложных обязательств** на основе сочетаний в различных вариантах институтов договорных обязательств, налоговых обязательств и обязательств государственной поддержки. С этой точки зрения любое сложное обязательство в конечном итоге можно разложить на указанные.

М.И. Козырь, значительная часть работ которого посвящена обязательствам государственной поддержки, особо обращает внимание на отсутствие требуемой правовой регламентации сочетания **договора и метода государственной поддержки** [15]. Однако выход ученый видит в том, что «специального обсуждения заслуживает вопрос о целесообразности включения в ГК самостоятельных статей о договорах в сфере государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей и, в частности, по частичному государственному субсидированию поставок селу средств химизации» [15, с. 49].

С указанным выводом можно согласиться в той части, что подобные отношения нуждаются в правовой регламентации. Однако внесение данного института в ГК вызывает возражения, поскольку сложно представить, как можно договариваться о том, больше или меньше необходимо предоставить государственной помощи – это задача межотраслевая. Нельзя также не отметить проблему отсутствия правовой регламентации институтов государственной поддержки (субсидии), которые являются составной частью обязательств (в данной статье этот аспект не рассматривается).

Первичные обязательства, входящие в состав сложного обязательства, по нашему мнению, могут быть **равнозначными**, не имеющими приоритета друг над другом и в рамках имущественного интереса сложного обязательства обладающими относительной самостоятельностью, а также **неравнозначными**, когда одно обязательство является дополнением второго.

Совокупное обязательство «договор плюс субсидия» (равно «договор и налоговая льгота») относится к неравнозначным обязательствам, поскольку субсидия, являясь дополнительным обязательством, без договора – основного обязательства – существовать не может. Вместе с тем, дополнительное обязательство отличается от акцессорного обязательства, последнее имеет «страховочный» характер и вступает в действие лишь при неисполнении основного обязательства. Кроме того, необходимо отличать дополнительное обязательство от производного (налогового, кроме налоговой льготы) обязательства, поскольку прекращение или изменение последнего (например, устранение налога либо увеличение налогового бремени) не влияет на судьбу основного, и при выборе модели основного обязательства налог не может приниматься во внимание в рамках единого имущественного интереса (хотя нельзя сказать, что стороны при заключении, например, договора, не учитывают влияния налогов).

Следует отметить, что значительная часть экономических методов государственного регулирования хозяйственной деятельности, в том числе вытекающих из ст. 9 Закона Республики Беларусь «О поставках товаров для государственных нужд» [16], являются сложными неравнозначными обязательствами: это и государственная закупка товаров и услуг (договор поставки плюс прямая субсидия либо налоговая льгота), и кредиты, субсидируемые государством или предоставляемые под низкий процент (договор кредита плюс прямая субсидия либо снижение процента), и налоговые льготы (договор плюс налоговая льгота), и экспортная субсидия (договор плюс субсидия либо таможенная льгота), – во всех приведенных случаях государственная поддержка не имеет самостоятельного характера, т.е. не возникает без договора, и, вместе с тем, вкупе с основным обязательством образует единый

имущественный интерес. В рамках указанного взгляда ст. 43 НК «налоговые льготы» под определенные виды договоров именуется «видами государственной поддержки», что абсолютно точно отражает экономическую сущность явления.

Сопоставление неравнозначных обязательств позволяет обозначить следующие положения института сложных обязательств: во-первых, **«дополнительное обязательство следует судьбе основного обязательства»**, во-вторых, **«прекращение основного обязательства, кроме надлежащего исполнения, влечет прекращение дополнительного обязательства»**, наконец, в-третьих, **«ответственность за неисполнение сложного обязательства определяется ответственностью за неисполнение основного обязательства»**.

В то же время и основное, и дополнительное обязательства образуют единый имущественный интерес, поскольку первое (основное обязательство) в рыночных отношениях возникает лишь потому, что предлагается второе (дополнительное обязательство), **в противном случае существенно искажается имущественный интерес сложного обязательства**. Соответственно, справедливым, с нашей точки зрения, является следующее очередное положение предлагаемого института: **«прекращение дополнительного обязательства, кроме надлежащего исполнения, дает право заинтересованной стороне прекратить основное обязательство»**.

Возможны ситуации, когда одна из сторон может и не знать о существовании, например, субсидии или налоговой льготы, поскольку льготу или субсидию принимают в расчет только одна сторона договорного обязательства и государство (один из хозяйствующих субъектов, который по предложению государства заключает договор под предоставляемую ему льготу или субсидию, и государство, поскольку оно тем самым регулирует экономические отношения). Поэтому прекратить основное обязательство – значит нанести необоснованный ущерб второй стороне по договору, которая к дополнительному обязательству отношения не имеет. В таком случае **альтернативой** прекращению отношений могут выступить: либо **1) сохранение действия дополнительного обязательства до полного исполнения основного обязательства**; либо **2) возмещение имущественного ущерба лицом, принявшим решение об отмене или изменении дополнительного обязательства**, – с экономических позиций последнее положение менее предпочтительно для государства.

Приведенные положения являются только частью института сложных обязательств, разработка которого позволит создать определенность в правовом регулировании экономических отношений в случае, когда сочетаются различные обязательства, в т.ч. обязательства различных отраслей права.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Веленто, И.И.** Теория экономического права: курс лекций / И.И. Веленто, В.С. Елисеев. – Гродно: ГрГУ, 2004. – С. 121–122.
2. **Гражданский кодекс Республики Беларусь**, 7 дек. 1998 г., № 218-З // Ведомости Нац. собр. Респ. Беларусь. – 1999. – № 7–9. – Ст. 101.
3. **Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь**. – 2000. – № 69. – 2/190; 2001. – № 46. – 2/750; 2002. – № 7. – 2/828; № 62. – 2/853; № 75. – 2/862; № 84. – 2/877; № 128. – 2/897; 2003. – № 1. – 2/908; № 8. – 2/932; № 74. – 2/960; 2004. – № 4. – 2/1016; № 137. – 2/1065; 2005. – № 73. – 2/1106; № 122. – 2/1141; 2006. – № 6. – 2/1173.

4. **Налоговый кодекс Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З.** Общая часть. // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 4. – 2/920; № 85. – 2/977; 2004. – № 4. – 1/1009; № 123. – 2/1058; № 174. – 2/1068; № 189. – 2/1087; 2006. – № 6. – 2/1177; № 78. – 2/1207; № 107. – 2/1235. Особенная часть НК еще не принята и в этой части необходимо руководствоваться законодательством об отдельных видах налоговых обязательств.
5. **Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции** (утв. Административным советом Евразийской патентной организации на втором (первом очередном) заседании 1 декабря 1995 г.) // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». – М., 2007.
6. **Брагинский, М.И.** Договорное право. Книга первая: Общие положения. Издание доп., стереотип. (5-й завод) / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: «Статут», 2002. – С. 403–416.
7. **Садиков, О.Н.** Нетипичные институты в советском гражданском праве / О.Н. Садиков // Сов. государство и право. – 1979. – № 2. – С. 36.
8. **Жушман, В.П.** Виды хозяйственных обязательств / В.П. Жушман // Хозяйственное право: учебник / В.К. Мамутов [и др.]; под ред. В.К. Мамутова. – Киев: Юринком Интер, 2002. – С. 567.
9. **Абалкин, Л.И.** Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики / Л.И. Абалкин // Вопросы экономики. – 1997. – № 6. – С. 4–12.
10. **Сатин, Д.** «Обманный» кредит грозит тюрьмой / Д. Сатин // Расчет. – 2005. – № 5.
11. **Функ, Я.И.** Курс бизнес-права: гражданско-правовые основы предпринимательской деятельности: в 3 кн. Кн. 2: Договорные формы организации предпринимательской деятельности / Я.И. Функ. – Минск: Амалфея, 2005. – С. 13–15.
12. **Ойгензихт, В.А.** Нетипичные договорные отношения в гражданском праве / В.А. Ойгензихт. – Душанбе, 1984. – С. 7.
13. **О совершенствовании правового регулирования порядка оказания государственной поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям:** Указ Президента Республики Беларусь, 28 марта 2006 г., № 182 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 53. – 1/7392; № 127. – 1/7811; 2007. – № 30. – 1/8311.
14. **Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей** / Т.Е. Абова [и др.]; под ред. Т.Е. Абовой, М.М. Богуславского, А.Г. Светланова. – М.: Юрайт-Издат, 2004. – Ст. 121, п. 9К.
15. **Козырь, М.И.** Договоры в сфере обеспечения минеральными удобрениями и химическими средствами защиты растений / М.И. Козырь // Договорные отношения сельскохозяйственных товаропроизводителей. – М.: «КолосС», 2003. – С. 47–48.
16. **О поставках товаров для государственных нужд:** Закон Республики Беларусь, 24 нояб. 1993 г., № 2588-XII // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1993. – № 33. – Ст. 432.

S U M M A R Y

The article is devoted to a new direction in the development of the obligations relations legal regulation. In it the author suggests to fix legislatively the inter-branch institute of the complex obligations uniting the economic obligations of the various branches of the law. The author proves the most significant positions of a legal regulation of the complex obligation, its attributes and the separate positions reflecting more general tendency of legal regulation of the obligations relations. In particular, the attributes of the complex obligation offer to consider the uniform property interest uniting some institutes of obligations, under condition of conformity to its criteria of the complex obligation. In the article the laws of combination of equivalent and inadequate obligations and other questions concerning this problem are considered.

Поступила в редакцию 4.04.2008

К вопросу о влиянии экономического и финансового кризиса на криминогенную ситуацию

Вопрос о влиянии кризисных явлений в экономике на состояние преступности является дискуссионным.

Так, Дэвид Лонсбери\David Lounsbury, криминолог из Университета Флоридского Залива\Florida Gulf Coast University, обращает внимание на то, что любое преступление основано на трех причинах – на жадности, вожделении и нужде. Жадность и вожделение существуют вне зависимости от состояния экономики, однако нужда увеличивается во времена кризисов [1]. Следовательно, в ближайшее время шансы на рост числа преступлений вполне реальны.

Существует популярная теория, согласно которой преступник всегда взвешивает риски и возможные приобретения в результате совершения преступления: то есть, если потенциальный доход ниже определенного уровня, он может отказаться от нарушения закона. Согласно этой логике, чем больше бедности, тем больше шансов на то, что ранее законопослушный гражданин соблазнится какими-то материальными благами и станет вором или налетчиком.

Брюс Вейнберг\Bruce Weinberg из Университета Огайо\Ohio State University полагает, что кризисы сильнее всего бьют по наименее обеспеченным слоям общества, которые и порождают преступников, совершающих львиную долю преступлений. На основании изучения криминальной статистики США за период с 1979 по 1997 год, он сделал вывод, что потенциальный уровень преступности возможно спрогнозировать на основании одного фактора – уровня безработицы среди малообразованных мужчин [1].

Этот вывод подтверждается исследованиями Джеффа Гроггера\Jeff Grogger, профессора Калифорнийского Университета в Лос-Анджелесе\University of California, Los Angeles, который опубликовал книгу «Падение преступности в Америке»\The Crime Drop in America. В ней доказывается, что преступность вырастает там и тогда, когда сокращаются размеры зарплат для молодых низкоквалифицированных работников. В этом случае преступный промысел становится привлекательной альтернативой честной бедности [1].

Экономист Саймон Хаким\Simon Hakim, работающий в Университете Темпл\Temple University, также считает, что зарплаты и преступность взаимосвязаны. Однако, по его мнению, состояние экономики оказывает на темпы развития преступности лишь краткосрочный и достаточно ограниченный эффект. Например, во время кризисов резко увеличивается число имущественных преступлений, но в то же время несколько снижается количество изнасилований.

Центр Исследований Криминальной Юстиции\Center for Criminal Justice Research (действует в составе Университета Индианы\Indiana University) опубликовал несколько исследований, авторы которых доказывают, что уровень преступности напрямую не зависит от экономических кризисов. Влияние косвенное – под давлением финансовых проблем государство, муниципалитеты, бизнес-структуры и отдельные граждане вынуждены сокращать «бюджеты безопасности», то есть меньше тратить на полицию, системы защиты и охраны и пр. В результате преступники получают больше свободы действий.

Наконец, Северо-Западный Университет\College of Criminal Justice at Northeastern University провел ряд исследований, авторы которых пришли к выводу, что преступлений совершается больше не в плохие, а наоборот, в хорошие времена. Логика здесь следующая: когда экономика развивается успешно, у людей оказывается больше свободных денег и больше дорогих вещей, на которые могут претендовать уличные преступники. Во времена «бума» больше людей выходит на улицы, они чаще посещают магазины, снимают деньги из банкоматов, паркуют дорогие автомобили и пр., то есть становятся потенциальными жертвами преступлений [1].

Следует отметить, кроме этого, что в обусловленности преступного поведения решающим является не сам по себе уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей, а степень различий («разрыв») в возможности их удовлетворения для разных социальных групп. В свое время К. Маркс заметил: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах все более неуютно, все более неудовлетворенно, все более принижено» [2].

Социальная неудовлетворенность (а следовательно, и попытки ее преодолеть, в том числе преступным способом) порождается не столько «абсолютными», сколько относительными (по сравнению с другими представителями своей социальной группы, а также других социальных групп) возможностями удовлетворить свои потребности. Неудивительно поэтому, что когда в условиях кризиса имущественное положение различных слоев населения существенно ухудшается и поляризируется, усиливается контрастность (коэффициент разрыва) в уровне материальной обеспеченности отдельных социальных групп, это неизбежно сказывается на количественно-качественных показателях преступности и обуславливает их изменения.

Как полагает российский криминолог Ю.М. Антонян, человек совершает преступление потому, что он постоянно испытывает тревожность и беспокойство из-за своего положения в мире, огромном и бескрайнем, близком и микросредовом, из-за того, что он не знает самого себя, вседремлющих в нем разрушительных сил, которые он обычно проецирует в психологическое поле в виде врагов или демонов, ведьм, сатаны и т.д. В связи с этим его переживания имманентны, спонтанны, диффузны, по большей части они протекают бессознательно, это – экзистенциальный страх не состояться, быть униженным и страдать, быть уничтоженным [3].

Самый высокий уровень тревожности, когда ощущается угроза (реальная или мнимая) жизни или здоровью, может порождать совершение насильственных преступных действий, психологически носящих характер защиты. Паранойяльные черты (подозрительность, мнительность, ригидность) в сочетании с отчужденностью наблюдаются, как показали конкретные исследования, именно среди насильственных преступников. Более низкий уровень тревожности, в основном относительно своих социальных статусов, социальных состояний, получения удовольствия, а также связанный с переживаниями угрозы острой материальной нужды и бедности, способен приводить к совершению корыстных преступлений [3, с. 28].

Поскольку все эти психические фобии в условиях кризиса резко обостряются, логично предположить рост преступлений, порождаемый и данным феноменом.

Анализ динамики и состояния преступности в Республике Беларусь показывает, что связь между экономическими пертурбациями и преступностью существует, но она не столь однозначна.

Так, объем и уровень преступности (рис. 1) относительно равномерно и устойчиво росли в республике с пятидесятых по конец 1980-х годов (в условиях стабильного советского времени).

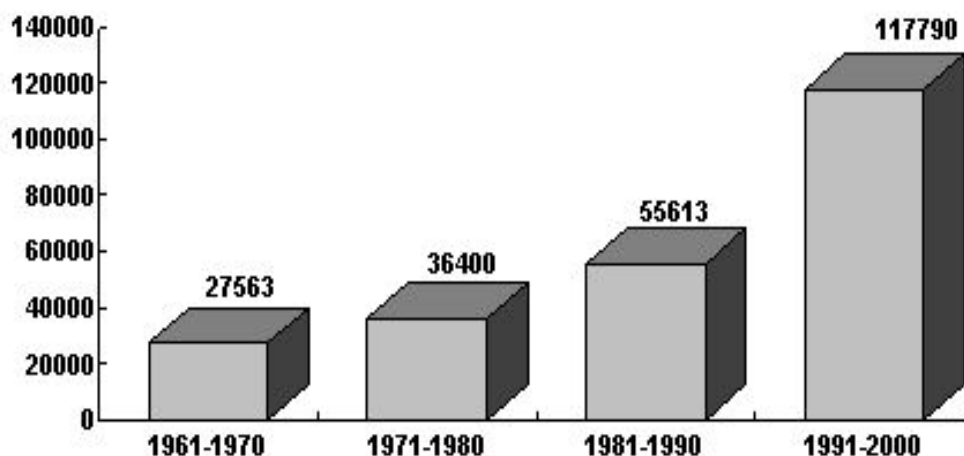

Рис. 1. Среднегодовое количество преступлений, регистрируемых в Республике Беларусь за период 1961–2000 гг. (по десятилетиям) [4].

В первой половине 1990-х годов, которые можно считать отличной иллюстрацией теории «социальной дезорганизации» Э. Дюркгейма, в условиях политического и экономического кризиса происходит скачок количественных и качественных показателей преступности: рост объема и уровня преступности – в 1,5 раза; среднегодовой рост – почти 113%; умышленные убийства – рост в 2 раза (с 546 до 1117); грабежи – рост в 1,5 раза; кражи – рост в 2 раза.

Именно в это время начинает набирать силу организованная преступность: так, в 1992 году в Гомельской области появляются преступные организации «Пожарники» и «Морозовская», которые на протяжении последующих 14 лет будут держать в страхе местных предпринимателей.

Вторая половина десятилетия (1996–2000 гг.) характеризуется совершенно иначе. Укрепление государственной власти после завершения периода «двоевластия» (1994–1996 гг.), предпринятые усилия государства как во внутренней, так и во внешней политике, а также в рамках Союзного государства Беларуси и России, привели к стабилизации показателей преступности. Среднегодовой темп ее роста снизился до 101,6%. Показатели 2000 года были ниже показателей 1996 года.

В рассматриваемое десятилетие (1991–2000) по отношению к предыдущему периоду произошел не просто рост, а бурный всплеск общего количества зарегистрированных преступлений и характерных видов, относящихся к категории тяжких и особо тяжких.

В целом же качественные показатели преступности в течение 1990-х годов существенно ухудшились (рис. 2). Например, если в 1991 году совершалось только 14,2% тяжких преступлений в числе всех зарегистрированных, то в 2000 году их было уже 54,5% (среди несовершеннолетних – 70,0%). Коэффициент преступности (на 100 тыс. населения) в 1991 году составлял 795 (тяжких 112) преступлений, а в 2000 году он возрос до 1357 (тяжких 739) преступ-

лений. В 2001 году он составил 1127 преступлений, а доля тяжких преступлений – 43,0%. При этом следует отметить, что пик преступных проявлений приходится на более поздний период – 2000 год, т.е. проявляется с определенным временным инерционным интервалом.

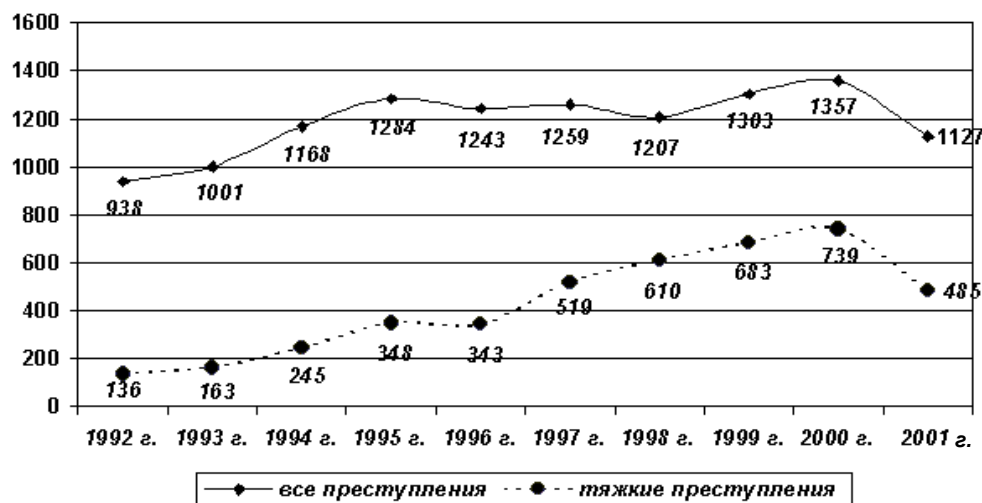

Рис. 2. Коэффициент преступности на 100 тыс. населения Республики Беларусь (1992–2001 гг.) [4].

Если в 1991 году Беларусь занимала по уровню преступности 4-е место после России, Казахстана и Молдовы, то в 1995 году она вышла на 2-е место после России с коэффициентом преступности 1284 преступления на 100 тыс. жителей. Положение это сохраняется все последующие годы: по уровню преступности, а следовательно, и криминализации общества, Беларусь приближается к России, занимая после нее второе место и опережая все другие государства СНГ [5].

До 1994 года рост преступности хотя и опережал рост населения Беларуси, но оно все-таки медленно увеличивалось. Однако уже в 1993 году смертность превысила рождаемость и с 1994 года численность населения неуклонно снижается: в 1995 году рождаемость снизилась до 9,8 на 1000 населения, смертность возросла до 12,9; если в 1987 году средняя продолжительность жизни населения Беларуси составляла 72 года, то в 1995 году – 68,9 лет.

Наряду с коэффициентами качественную составляющую характеризуют и другие показатели преступности. Так, в исследуемом десятилетии значительно повысилась опасность совершаемых преступлений. Характерными признаками их стали дерзость, вооруженность, изощренность способов совершения, что повлияло на общее состояние безопасности человека в обществе.

Структура преступности претерпела изменения: активно проявляет себя коррупция, организованная и профессиональная преступность, незаконный оборот наркотических средств, экономическая преступность и ее разновидности в финансовой и банковской сферах, в предпринимательской деятельности, легализация преступных доходов и прочее. Происходят опасные процессы сращивания экономической и общеуголовной преступности.

Резко, в разы увеличилась к середине 1990-х годов преступность несовершеннолетних. Пик этого роста приходится на 1995 год, когда было зарегистрировано 10.706 преступлений несовершеннолетних, что составляло 8% всех преступлений (для сравнения: 2008 год – зарегистрировано 5.957 пре-

ступлений несовершеннолетних, что составляет около 4% всех зафиксированных преступлений).

Следующий период – 2001–2008 гг. – был достаточно неоднозначным (табл.).

С одной стороны, экономическая и социальная стабилизация, постепенный рост доходов населения, вступление в силу нового УК 1999 года, с другой – усиление темпов роста показателей преступности в сравнении со второй половиной 1990-х годов. Объем преступности увеличился с 112.200 преступлений в 2001 году до 192.506 преступлений в 2005 году; уровень преступности – с 1125 до 1950, т.е. почти в 1,8 раза. Особенно заметным было увеличение объема и уровня преступности в 2005 году.

В 2006–2008 гг. количественные показатели свидетельствуют о новой тенденции в динамике преступности. Отличительной ее особенностью стало существенное снижение показателей объема и уровня преступности.

Таблица

Динамика развития преступности в Республике Беларусь (2001–2008 гг.)

Годы	Число преступлений
2001	121189
2002	132867
2003	151172
2004	166061
2005	192506
2006	191468
2007	180427
2008	158506

Вместе с тем, следует отметить то обстоятельство, что речь идет, главным образом, о снижении *количественных* показателей преступности. *Состояние* преступности в целом продолжает оставаться тяжелым.

Это проявляется, в частности, в том, что риск стать жертвой преступления в стране по-прежнему велик. Уровень воздействия последствий преступной деятельности на население, т.н. *уровень виктимности* (на 10 тыс. человек), за последние годы непрерывно возрастал: 2000 год – 71,3 чел.; 2001 – 75,6; 2002 – 89,9; 2003 – 113,6; 2004 – 122,4; 2005 – 162; 2006 – 165; и только в 2007 году произошло снижение уровня виктимности до 148 человек, а в 2008 г. – до 122 человек [6–7].

Для Беларуси уровень преступности и уровень криминализации общества, сложившиеся в 90-е годы прошлого века, т.е. в тот период развития Республики Беларусь, который наиболее ярко характеризовался кризисными явлениями во всех сферах жизни, и продолжающиеся увеличиваться вплоть до 2006 года, когда наметилось некоторое снижение количественно-качественных показателей преступности, являются, по оценке О. Бажанова, «неприемлемыми ни с правовой, ни с культурной, ни с нравственной точки зрения» [4].

Можно, видимо, согласиться с точкой зрения американского социолога Ричарда Розенфелда\Richard Rosenfeld (Университет Миссури\University of Missouri-St. Louis), утверждающего, что связь между кризисами и всплесками преступности существует, однако взаимозависимость эта достаточно сложная. Уровень преступности начинает расти примерно через год после начала финансового кризиса и останавливается примерно через два года после его окончания [1].

Таким образом, уровень преступности – инерционный показатель. Очевидно, что прямой и непосредственной взаимосвязи между общественной ситуацией и криминальной обстановкой нет, связь эта носит опосредованный внутренними закономерностями преступности характер.

Следует ожидать роста преступности, прежде всего корыстной, в течение ближайших лет.

Понятно, что рост этот будет определяться целым рядом детерминант, включая и тяжесть последствий финансового и экономического кризиса, и их отражение в социальной сфере, и адекватность государственной политики в данных условиях.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Двусмысленная связь: преступность и экономический кризис** // Сайт Международного информационно-аналитического агентства Washington ProFile <http://www.washprofile.org/ru/node/8127>. – Дата доступа 12.04.2009.
2. **Маркс К.** Сочинения: в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Гос. издательство политической литературы, 1957. – Т. 6. – С. 446.
3. **Антонян, Ю.М.** Концепция причин преступности и причины преступности в России / Ю.М. Антонян // Российский следователь. – 2004. – № 8. – С. 27.
4. **Бажанов, О.** Состояние преступности в Республике Беларусь и проблемы совершенствования уголовной политики / О. Бажанов // Юстиция Беларуси. – 2002. – № 6. – С. 21–26.
5. **Басецкий, И.** Преступность: опыт изучения и координации противодействия / И. Басецкий // Юстиция Беларуси. – 2002. – № 5. – С. 25–32.
6. **Концепция статуса жертвы преступления в Республике Беларусь и предупреждения виктимизации населения от тяжких насильственных преступлений** // Юстиция Беларуси. – 2002. – № 3. – С. 69–75.
7. **Сведения о лицах, потерпевших в результате совершения преступлений в Республике Беларусь** / Информационно-аналитическое управление МВД Республики Беларусь. – 2009.

S U M M A R Y

The problem of economic and financial crisis influence on criminogenic situation is a burning issue nowadays. The majority of the specialists see the direct connection between the worsening of social-economic rates, the deterioration of the state of living and the increase of criminal indices.

The analysis of the state of the delinquency in the Republic of Belarus shows that there is an ambiguous link between the economic process and the state of crime.

The state of delinquency is a changing indicator. It is obvious that the connection between social situation and criminal rate has a mediated character. In the nearest future there will be an increase in mercenary crime.

This increase will be determinated by a great number of indicators such is: the consequences of financial and economic crisis, the influence of these consequences on social sphere and the sufficiency of the state policy.

Поступила в редакцию 23.01.2009

УДК 378.13

В.И. Турковский, Е.В. Терещенко

Профессиональное развитие как содержательная и процессуальная основа становления научно-педагогической компетентности учителя

Стратегическая цель системы образования – формирование инновационной направленности личности школьника и специалиста, что выступает главной движущей силой динамичного развития государства и общества. Необходимо теоретико-методическое осмысление сущности процессов становления готовности учителя к реализации столь важной цели, выступающей социальным заказом системе образования. Его осуществление становится реальным, если развитие готовности учителя к творческой педагогической деятельности и владение исследовательским подходом к учебно-воспитательной работе являются основой формирования научно-педагогической компетентности. Широкое распространение ученической науки и развитие студенческих педагогических исследований способствуют становлению научной компетентности учителя. Но важен поиск новых, более эффективных подходов в подготовке учителя к исследовательской деятельности, выступающей необходимым условием и сущностным результатом формирования его готовности к инновациям. Для решения этих задач следует выявить системообразующий фактор развития научно-педагогической компетентности учителя, определить источники, механизмы и этапы ее становления. В результате будут выявлены условия для целенаправленного формирования у учителей готовности к инновационной деятельности как на этапе обучения в университете, так и на этапах профессиональной подготовки и переподготовки, а также в самобразовании.

Готовность к творческой педагогической деятельности, овладение исследовательским подходом и основами научной компетентности формируются в ходе непрерывного профессионального развития учителя, выступающего во взаимодействии с его личностным развитием. В то же время личностно-профессиональное развитие является лишь одним из важных условий становления педагога-исследователя, что обусловлено сущностными различиями между научно-педагогическим познанием ученого и профессионально-педагогической деятельностью учителя.

Необходимо выявить теоретико-методологические основания личностно-профессионального развития учителя. Анализ и обобщение научных работ по психологии [1–3] показали, что личностно-профессиональное развитие учителя определяют следующие взаимосвязанные факторы: профессиональное развитие субъекта труда; формирование индивидуального стиля трудовой деятельности; развитие профессионального самосознания. Изучая проблемы психологизации, Л.М. Митина [4] выдвинула концепцию профессионального

развития учителя. Она предложила концептуальную схему труда учителя, компонентами которой выступают структуры педагогической деятельности и педагогического общения, а также структурно-иерархическая модель личности учителя. Выявлены факторы профессионального развития учителя, в качестве которых выступают педагогическая направленность, педагогическая компетентность и педагогическая гибкость.

Для выявления сущности профессионального развития учителя важная роль принадлежит исследованиям Н.В. Кузьминой и И.Ф. Харламова [5–6]. Так, Н.В. Кузьмина вычленяет пять уровней результативности труда учителя (репродуктивный, адаптивный, локально-моделирующий уровень, системно-моделирующий деятельность и поведение). И.Ф. Харламов выделяет следующие ступени профессионального роста учителя: педагогическая умелость, мастерство, творчество и новаторство.

Уровень профессионального развития учителя получает отражение в продуктивности процесса обучения школьников. И.П. Подласый определил четыре уровня продуктивности обучения (знакомства, репродукции, полноценного знания, трансформации), выступающих дидактической характеристикой обучения. Психологической же характеристикой, указывающей на пути достижения продукта обучения, выступает познавательная активность учащихся. Выделены четыре уровня познавательной активности учащихся: репродуктивный; проблемный; эвристический; исследовательский [7].

Динамику профессионального роста учителя проявляют и достигаемые школьниками уровни развития обязательных компонентов современного обучения – самостоятельной работы и самообразования, выступающие составной частью непрерывного образования. В педагогике рассматривают три ступени самостоятельной учебной деятельности учащихся (репродуктивная, репродуктивно-практическая, критически-творческая), осуществляемой школьниками на уроках и в ходе выполнения домашних заданий. А.К. Громцева выделяет три уровня самообразовательной деятельности и раскрывает содержание готовности школьников к самообразованию. Уровни сформированности ее компонентов (мотивационный, целеполагающий, процессуальный, организационный, энергетический, оценочный) выступают в роли критериев определенного уровня вышеуказанной готовности [8].

Обучение как вид педагогической деятельности органично связано с воспитательной деятельностью, что обусловлено единством их целей, механизмов и принципов. Поэтому оценка результативности воспитательной деятельности, реализуемая во взаимосвязи с деятельностью обучения, позволяет более объективно и целостно раскрыть уровни и динамику профессионального роста учителя. И.А. Колесникова и В.А. Сластенин выявили критерии результативности воспитательной деятельности (динамика проявлений ценностно значимых качеств, обогащение личного опыта учащихся, социально успешное содержание и продуктивность их деятельности) и ориентиры успешности данной деятельности (критерии и показатели личностного роста, проявление качества результата воспитательной деятельности, динамика характера) [9].

Непрерывный профессиональный рост учителя обуславливает развитие его научно-педагогической компетентности, выступающей как личностно-профессиональное новообразование. Важно раскрыть сущностную основу данных процессов, что может быть осуществлено на базе системного подхода.

Систему понимают как упорядоченное, дифференцированно-интегративное множество взаимосвязанных элементов и их взаимодействий. Наряду с такими принципами функционирования системы, как структурность и интегративность, важны принципы оптимальности (соответствие определенным условиям и задачам) и функциональности (регулирование отношений и связей в системе). Сущностными признаками системы выступают: системообразующий фактор, общее природное качество, единство, целостность.

Педагогические системы характеризуются определенной специфичностью. Так, педагогический объект выступает компонентом нескольких целостных и разнородных систем, которые можно рассматривать на макро-, мезо- и микроуровнях. Педагогические системы – это динамические системы, отношения между компонентами которых постоянно изменяются, что может приводить к качественному преобразованию системы. Они обладают значительным эвристическим потенциалом и способны к эффективному преобразованию. Существенное влияние на педагогическую систему оказывает окружающая ее среда, включающая социально-экономические, биологические и природные факторы. Педагогической системой является и образовательная среда учебного учреждения, города, региона и страны.

Целостной динамической системой выступает педагогический процесс. Его системообразующий фактор – цели образования. Основные свойства педагогического процесса: целенаправленность, двусторонность, целостность. Педагогический процесс функционирует и развивается в рамках определенной воспитательной системы. При этом взаимодействие учителя и воспитанников реализует движение от целей к результатам и приводит к преобразованию личностных качеств воспитанников, к социально-профессиональному развитию и самосовершенствованию учителей, повышению их педагогической компетентности.

Более широким понятием, чем «педагогический процесс», является понятие «педагогическая деятельность». Вышеуказанные существенные признаки педагогических систем позволяют характеризовать педагогическую деятельность как системный объект. Структура педагогической деятельности включает следующие компоненты: целевой, мотивационный, содержательно-конструктивный. Педагогическую деятельность отличают целенаправленность, мотивационность, предметность, результативность. Она носит коллективный и поисково-творческий характер. Следует подчеркнуть, что на развитие учащихся и социально-профессиональное развитие учителей оказывает влияние совокупный субъект педагогической деятельности (школьный класс, педагогический коллектив, родители, общественность).

Профессиональный рост учителя обусловлен непрерывным повышением эффективности его педагогической деятельности. Для этого она должна быть результативной, продуктивной, «правильной» (адекватной задаваемому образцу-норме), «чистой» (отсутствие непродуманных последствий и ненужных включений), надежной (приемы деятельности позволяют достигать намеченного результата), последовательной [10].

Соответствие педагогической деятельности данным критериям может быть достигнуто при условии ее развития как системы. Это обусловлено, прежде всего, фундаментальной ролью системного подхода в теоретическом изучении и практическом преобразовании педагогических систем, а также в «построении» (возникновении, становлении, формировании системы как целого) педагогических систем. Следует также учитывать разноплановость вышеуказанных критериев эффективности и специфику педагогической деятельности (многофакторность, противоречивость, субъект-субъектные отношения, отсроченность результатов и др.).

Анализ философских работ [5; 11] позволил выявить методологические установки (цели, факторы, условия) развития системы. Так, развитие системы определяется ее организационным совершенствованием, отграниченностью от среды, определенной завершенностью, оригинальностью и своеобразием. В итоге система «движется» от одного качественного уровня развития к другому, более высокому. Формируется целостность системы, что проявляется в ее зрелости, прочности связей и полном самоуправлении.

Представленные критерии эффективной деятельности и методологические установки получают воплощение в следующих показателях повседневной работы учителя, достигающего высоких уровней профессионального роста:

- постановка и реализация все более сложных и значимых для личностно-профессионального развития задач;
- высокая результативность учебно-воспитательной, внеклассной и внешкольной работы с учащимися;
- высокий уровень сформированности у учителя педагогического сознания и мировоззрения, а также методологического мышления;
- устойчивая направленность сознания, эмоциональной сферы и деятельности учителя на ценности самообразования и самосовершенствования.

В педагогической деятельности, как отмечают Н.В. Кузьмина, В.А. Сластенин, А.И. Щербаков, реализуются следующие взаимосвязанные виды деятельности (функции): диагностическая; ориентационно-прогностическая; конструктивно-проектировочная; организаторская; информационно-объяснительная; коммуникативно-стимулирующая; аналитико-оценочная; исследовательско-творческая.

Непрерывный профессиональный рост учителя приводит к доминированию в его педагогической деятельности исследовательско-творческого вида. Усиление этого вида обусловлено не только направленностью непрерывного развития внутреннего мира личности профессионала на становление научной компетентности. Значительное влияние оказывают и внешние факторы: высокие темпы изменений в современном мире, адекватно отвечать на которые и прогнозировать их возможно лишь на научной основе; все возрастающая роль науки в духовной жизни и материальном производстве; усиление требований общества и государства к системе образования по формированию у взрослеющей личности творческого потенциала.

Данный вид деятельности выступает важным условием и значимым результатом становления научно-педагогической компетентности учителя, развитие которой предполагает овладение учителем определенными компетенциями. К ним относятся:

1. Знание сущностных черт понятия «методология». Умение раскрыть в проводимой исследовательской работе значение методологии как системы принципов и способов построения теоретической и практической деятельности.
2. Знание состава методологического знания и оснований для отнесения определенных групп знаний именно к методологическим знаниям. Умение вычленив в проводимом исследовании различные компоненты методологического знания и использовать их.
3. Умение раскрыть роль методологии в процессе выработки новых исследовательских средств и в использовании типовых программ деятельности, что способствует повышению эффективности проводимых исследований.
4. Знание сущностных черт понятий «методологическая культура ученого», «методологическая культура учителя». Умение диагностировать свой уровень их сформированности и разработать программу дальнейшего развития данных видов культуры.
5. Знание основных функций методологии научного исследования и качественной определенности каждой из функций, знание характера их взаимодействий, обеспечивающих целостность методологии и проводимого исследования.
6. Знание содержания и роли философского, общенаучного, конкретно-научного и технологического уровней методологии и умений их конкретного применения в проводимом исследовании.
7. Знание сущностных особенностей взаимодействия уровней методологии как целостной системы. Знание характера движения методологического знания от философского уровня к общенаучному, далее к конкретно-

научному и технологическому уровням. Умение применить механизм влияния вышележащего уровня на нижележащий и его обратное воздействие на вышележащий уровень.

8. Знание научных методик и техник исследования (завершающий уровень методологического обеспечения исследования) в системе взаимодействий с другими уровнями методологии: философским, общенаучным, конкретно-научным (педагогическим).
9. Знание факторов и условий, определяющих эффективность методики исследования. Умение достаточно полно и эффективно их использовать в проведении исследований.

Весьма важный фактор становления научно-педагогической компетентности учителя – организация им ученической науки. В многоплановой работе учителя по развитию учебно-исследовательской деятельности школьников, на наш взгляд, следует выделить три основных компонента: организационно-педагогический; дидактико-методический; психолого-педагогический. В каждом из этих компонентов проявляются такие функции, как нормативная, проектировочная, конструктивная, рефлексивная. Но в то же время реализация каждого из трех вышеуказанных компонентов характеризуется определенной спецификой. Так, реализация организационно-педагогического компонента включает: постановку целей и задач; определение содержания рассматриваемой деятельности, а также последовательности и характера выполняемых учебно-исследовательских проектов и работ; применение продуктивных методик и технологий; подведение промежуточных итогов; системный итоговый анализ; программно-целевое прогнозирование.

Организационно-педагогическая деятельность тесно связана с дидактико-методической деятельностью, которая направлена на реализацию следующих важных задач.

Так, развитие учебной деятельности школьников базируется на формировании – во взаимосвязи – внешних и внутренних мотивов учения, прежде всего мотивов долга и интереса. При этом непрерывное овладение учащимися умениями и навыками учебной работы, организации умственного труда и успешность познавательного-интеллектуального труда, признаваемая общественным мнением класса и школы, способствуют развитию познавательных потребностей индивида.

Важно формировать познавательную активность, самостоятельность и творческое отношение к явлениям окружающей действительности, что предполагает развитие у учащихся морально-ценностных установок и научного мировоззрения.

Основой психолого-педагогического компонента работы учителя по учебно-воспитательной деятельности школьников выступает развитие их научного сознания и мышления. Становление и развитие научного сознания осуществляется в ходе длительного развития интеллекта личности и опирается на научные понятия, включенные в модели, теории и концепции.

В динамике становления у индивида научного сознания выделяют три стадии [12]. Первая из них (в возрасте 5–10 лет) связана с развитием познавательного интереса, ориентированного на выявление сущностных признаков изучаемых явлений. Формируются любознательность и пытливость, воображение, общелогические и рефлексивные умения. На второй стадии (11–17 лет) школьники овладевают общеучебными, общемыслительными, общеинтеллектуальными умениями и навыками. В своей совокупности эти умения выступают основой становления первоначальных умений исследовательской деятельности. На третьей стадии (вузовское обучение) у будущих специалистов формируется теоретическая и практическая готовность к про-

фессиональной деятельности. В ходе выполнения курсовых и дипломных работ и участия в исследовательских проектах у студентов развиваются основы методологической культуры и исследовательские умения и навыки.

Развитию мышления школьников и студентов способствует умение реализовать две основные цели: накопление знаний и овладение способами оперирования ими. Значимым фактором их умственного развития является продуктивное мышление. Оно формируется в ходе относительно самостоятельного решения новых для них проблем, в процессе глубокого усвоения знаний, быстрого темпа овладения ими и при ведущей роли теоретических знаний.

Таким образом, непрерывное профессиональное развитие является системообразующим фактором становления научно-педагогической компетентности учителя. Она выступает закономерным результатом эффективной педагогической деятельности, интегрирует и интенсифицирует процессы личностно-профессионального развития учителя и предупреждает формирование профессионально-педагогических деформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Климов, Е.А.** Введение в психологию труда: учебник / Е.А. Климов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Московского университета; Издательский центр «Академия», 2004. – 336 с.
2. **Маркова, А.К.** Формирование мотивации в учении: книга для учителя / А.К. Маркова. – М.: Просвещение, 1990. – 65 с.
3. **Пряжников, Н.С.** Психология труда и человеческого достоинства: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.С. Пряжников, Е.Ю. Пряжникова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 489 с.
4. **Митина, Л.М.** Психология труда и профессионального развития: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 320 с.
5. **Кузьмина, Н.В.** Педагогическое мастерство учителя как фактор развития способностей учащихся / Н.В. Кузьмина // Вопросы психологии. – 1984. – № 1.
6. **Харламов, И.Ф.** Педагогика: учебник / И.Ф. Харламов. – 7-е изд. – Минск: Университетское, 2002. – 560 с.
7. **Подласый, И.П.** Педагогика: Новый курс: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 кн. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Кн. 1: Общие основы. Процесс обучения. – С. 312.
8. **Громцева, А.К.** Формирование у школьников готовности к самообразованию: учеб. пособие по спецкурсу для студ. пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1983. – С. 21–27.
9. **Воспитательная деятельность педагога:** учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под общ. ред. В.А. Сластенина и И.А. Колесникова. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – С. 211–212.
10. **Новейший философский словарь.** – 3-е изд., испр. – Минск: Книжный дом, 2003. – С. 794.
11. **Аверьянов А.Н.** Системное познание мира: методологические проблемы. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.
12. **Самоненко Ю.А.** Психология и педагогика: учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – С. 18–21.

S U M M A R Y

The article describes purposes, factors and conditions of professional development of teachers' scientific competence. The criteria of professional-pedagogical growth are revealed. Informative components of teachers' scientific competence are shown.

Поступила в редакцию 16.01.2009

Информационные технологии как предмет изучения и средство обучения в вузе

Прежде чем рассмотреть информационные технологии как предмет изучения и средство обучения в вузе, необходимо обозначить проблему неоднозначности трактовок этого понятия в учебных пособиях и научных публикациях по информатике, педагогике и методике. Эта неоднозначность обусловлена широкой сферой применения информационных технологий в деятельности человека. Трактовка И.Г. Захаровой в большей степени отвечает исходному значению слова «технология» (гр. *techné* – искусство, мастерство, ремесло + *logos* – наука, понятие, учение, слово): «система научных и инженерных знаний, а также методов и средств, которая используется для создания, сбора, хранения и обработки информации в предметной области» [1]. Если предметной областью является обучение и образование в целом, то следует рассматривать информационные технологии обучения, а также связанные с этим понятием термин «технологии обучения» и категорию «педагогические технологии» или «образовательные технологии». Здесь возникает новая проблема неоднозначности трактовки понятия. Научную трактовку и дискуссионные аспекты этого понятия и категории «педагогические технологии» предлагает Р.С. Пионова [2].

Мы разделяем точку зрения И.Г. Захаровой в том, что информационную технологию обучения следует понимать как *приложение информационных технологий для создания новых возможностей передачи знаний* (деятельности педагога), *восприятия знаний* (деятельности обучаемого), *оценки качества обучения* и, безусловно, *всестороннего развития личности* обучаемого в ходе учебно-воспитательного процесса [1, с. 22].

Понятие «технологии обучения» используется в литературе как общая научная основа построения процесса обучения, как научная педагогическая технология обучения, определяющая применение тех или иных методов и разнообразных частных методик, обеспечивающих достижение дидактических целей – результата обучения [3].

А.Н. Щукиным термин *технологии обучения* «используется для обозначения совокупности приемов работы учителя (способов его научной организации труда), с помощью которых обеспечивается достижение поставленных на уроке целей обучения с наибольшей эффективностью за минимально возможный для их достижения период времени» [4].

Термин «технологии обучения» получил широкое распространение в литературе 60-х годов XX ст. в связи с развитием программированного обучения и первоначально применялся для обозначения обучения с использованием компьютера и других технических средств.

В 70-е гг. XX ст. термин применялся как для обозначения обучения с использованием ТСО, так и для рационально-организованного обучения в целом. Таким образом, в понятие «технологии обучения» стали включать все основные проблемы дидактики, связанные с совершенствованием учебного процесса и повышением эффективности и качества его организации.

А.Н. Щукин [4, с. 259] отмечает, что в наши дни произошла дифференциация двух составляющих содержание термина и, как следствие, появление

двух различных понятий: Технология обучения (Technology of Teaching) и Технология в обучении (Technology in Teaching).

Технологии обучения – приемы научной организации труда педагога, с помощью которых наилучшим образом достигаются поставленные цели обучения.

Технологии в обучении – использование в учебном процессе технических средств обучения.

Наряду с терминами «технологии обучения» и «педагогические технологии» для трактовки «приемы научной организации труда учителя, с помощью которых наилучшим образом достигаются поставленные цели обучения» большинством исследователей используют термин «образовательные технологии». Соответственно одному и тому же понятию «технологии в обучении» соответствует термин «технологии в образовании».

Г.К. Селевко предлагает следующие классификации образовательных технологий обучения [5]:

1. По преобладающему (доминирующему) методу: развивающие технологии; проблемные (поисковые) технологии; игровые технологии; технологии программированного обучения; информационные (компьютерные) технологии.

2. По направлению модернизации существующей традиционной системы: технологии активизации и интенсификации познавательной деятельности учащихся; технологии усовершенствования и дидактического реконструирования учебного материала; технологии управленческой деятельности; технологии организации учебного процесса; частнопредметные технологии и авторские технологии.

3. По подходу к ребенку: личностно ориентированные технологии; технологии сотрудничества и т.д.

Такое деление условно, так как, например, технологии организации учебного процесса требуют определенных изменений как в технологиях активизации познавательной деятельности учащихся, так и в частнопредметных технологиях и наоборот [6].

В педагогике высшей школы, в учебных пособиях по методике преподавания иностранных языков, в педагогической печати не наблюдается единомыслия по поводу компьютерных технологий обучения.

Одни исследователи относят компьютерные технологии обучения к технологиям организации учебного процесса (В.П. Беспалько), другие – к технологиям активизации и интенсификации познавательной деятельности учащихся (Р.С. Пионова), третьи – в отдельный класс (Г.К. Селевко). И те, и другие, и третьи будут правы.

Так как технологии в обучении – это использование в учебном процессе технических средств обучения, то студентам филологического факультета на занятиях по дисциплине «Основы информационных технологий» предлагается рассмотреть современные средства обучения иностранным языкам и обратить внимание на классификацию средств обучения иностранным языкам, в основу которых положены признаки, существенные для учебного процесса.

Далее студенты изучают классификацию мультимедийных программ обучения иностранным языкам по следующим признакам.

По типу пользователей различают программы:

- для детей;
- для молодежи и взрослых;
- для бизнес-применений;
- специализированные программы.

По назначению такие программы делят на виды:

- для обучения на основе игровой технологии;
- для начального обучения языку;

- для совершенствования знаний языка;
- для сдачи экзаменов;
- для работы с деловыми текстами.

Обучение языкам, как любое обучение, – задача комплексная, требующая учета данных психологии и педагогики, методики и особых свойств изучаемого предмета.

Каждый преподаватель вуза или учитель, готовясь к занятиям, моделирует учебный процесс или фрагмент (часть) его. Разрабатывая педагогическую модель учебного процесса, он руководствуется целями и задачами, отбирает содержание учебного материала по конкретной теме, опирается на принципы и функции обучения, определяет организационные формы, методы, технологии и средства обучения, прогнозирует результат.

Цель обучения какой-либо учебной задаче – понятие довольно нечеткое, допускающее различные толкования. Чаще всего под целью обучения какой-либо задаче принято понимать описание состояния знаний, навыков, умений и других характеристик обучаемого, которое должно быть достигнуто в результате работы обучаемого с соответствующей обучающей программой. Нередко цель обучения с помощью компьютера представляется в виде двух списков: списка усваиваемых понятий и списка усваиваемых умений. Предполагается, что после работы с компьютерной программой обучаемый будет знать понятия, перечисленные в первом списке, и уметь делать то, что записано во втором [7].

На занятиях по дисциплине «Основы информационных технологий» студентам филологического факультета предлагается раздел «Информационные технологии в образовании», т.е. предметом изучения являются информационные технологии в обучении и информационные технологии обучения. Сформированные на занятиях по этой теме у студентов знания, умения и навыки, а также приобретенный опыт творческой деятельности в решении дидактических задач необходимы в их будущей профессиональной деятельности в качестве преподавателей английского и немецкого языков.

В учебных планах рассматриваемых специальностей дисциплина «Основы информационных технологий» относится к блоку общенаучных и общепрофессиональных дисциплин и изучается студентами на первых двух курсах. Одновременно с информационными технологиями студенты изучают педагогику и психологию. Межпредметная связь повышает мотивацию в изучении предметов и способствует лучшему усвоению материала.

Таким образом, студенты специальностей «Английский язык. Немецкий язык» и «Немецкий язык. Английский язык» на занятиях по теме «Применение компьютерных программ в обучении иностранным языкам» в рамках дисциплины «Основы информационных технологий» должны научиться:

- 1) легко ориентироваться в большом количестве обучающих компьютерных программ по иностранному языку, знать их возможности и иметь представление об их разработчиках;
- 2) уметь отбирать программы в соответствии с темой урока и дидактическими задачами;
- 3) иметь навыки работы с этими программами и уметь объяснять принципы работы с ними своим ученикам;
- 4) создавать дидактический материал для уроков: мультимедийные обучающие презентации, кроссворды, проверочные задания и тесты.

Мы рассмотрели информационные технологии в аспекте создания, сбора, хранения и обработки информации в предметной области и в качестве конкретной предметной области знаний взяли обучение иностранным языкам.

Если рассматривать информационные технологии в аспекте создания, сбора, хранения и обработки информации, то следует начать с классификации информационных технологий по типу (виду) обрабатываемой информации:

- ИТ обработки *данных*, ориентированные на системы управления базами данных (СУБД), издательские системы, табличные процессоры,
- ИТ обработки *текста*, ориентированные на ИС автоматического (машинного) перевода, статистического анализа, автоматического реферирования и аннотирования, стилистического и фоносемантического анализа текста на естественном языке, электронного распознавания текста и речи, компьютерного синтеза речи,
- ИТ обработки *графики* (информационные технологии коммерческой, иллюстративной и научной графики),
- ИТ обработки *знаний*, ориентированные на экспертные системы,
- ИТ обработки *объектов реального мира*, ориентированные на системы мультимедиа, и др.

Предложенное выделение условное, так как большинство технологий позволяет поддерживать и другие виды информации. Так, в ИТ обработки данных предусмотрена возможность выполнения вычислений и обработки числовой, табличной, текстовой и графической информации. Однако каждая из этих технологий в полном объеме сосредоточена на обработке информации определенного типа.

В этой классификации предметом изучения мы выбираем информационные технологии обработки текста и предлагаем их студентам филологического факультета на занятиях по дисциплине «Основы информационных технологий» как раздел «Информационные технологии обработки текста на естественном языке».

Задачи изучения темы:

- формирование представлений о технологиях компьютерного распознавания и синтеза речи, о применении информационных технологий в гуманитарных науках и при решении лингвистических задач;
- усвоение знаний статистической обработки текста, построения и оформления аннотации и рефератов письменных текстов на родном и иностранном языках;
- приобретение знаний и умений в области машинного перевода, навыков редактирования иностранных текстов и создания служебных документов;
- овладение умениями электронного распознавания, компьютерного фоносемантического анализа текста и семантического поиска в Internet.

Сформированные во время занятий по теме «Информационные технологии обработки текста на естественном языке» представления, знания, умения и навыки необходимы студентам специальностей «Английский язык. Немецкий язык» и «Немецкий язык. Английский язык» для успешного применения в процессе изучения цикла специальных дисциплин.

Преподаватели дисциплины «Основы информационных технологий» должны не только подготовить выпускников филологического факультета к использованию компьютера в процессе работы с текстовой информацией и обучения иностранному языку, но и сформировать или развить у студентов специальностей «Английский язык. Немецкий язык» и «Немецкий язык. Английский язык» алгоритмический стиль мышления и профессиональное мировоззрение. Немаловажным является также воспитание эмоционально-ценностного отношения студентов к учебной деятельности с использованием компьютера и к полученным знаниям.

При определении содержания дисциплины «Основы информационных технологий» для студентов филологического факультета, профессионально

изучающих иностранные языки, необходимо учитывать еще один аспект, обусловленный самой сущностью понятия информационной технологии. Упомянутые в трактовке информационной технологии И.Г. Захаровой средства составляют инструментарий (набор процедур и операций), позволяющий представить решение сложной задачи предметной области в виде последовательности взаимосвязанных процедур и операций. Эту последовательность можно считать алгоритмом, если она удовлетворяет следующим свойствам: дискретности, понятности, определенности, массовости и результативности.

Между задачей и ее алгоритмом соответствие неоднозначное. Очень мало задач имеют только один алгоритм решения [7, с. 16]. Например, задача реферирования текста имеет несколько алгоритмов решения, так как алгоритм всегда рассчитан на конкретного исполнителя. Один алгоритм выполняется компьютером, другой – человеком, третий – человеком с помощью компьютерной программы. В то же время есть задачи, алгоритм решения которых до сих пор не известен. Нет точных предписаний для человека, как писать стихи, повесть или научную статью, переводить текст с одного языка на другой и т.д. Можно предложить исполнителю-человеку алгоритмы перевода иноязычного текста с помощью компьютерного переводчика и электронного словаря [8].

Алгоритмы решения задач реализации информационных технологий позволяют специалистам различных областей решать профессиональные задачи в оптимально подходящей для этого программе.

Таким образом, выделение алгоритмов в задачах реализации информационных технологий, правила построения алгоритмов решения лингвистических задач и определение их свойств должны найти свое отражение в содержании дисциплины «Информационные технологии» [8, с. 119].

Алгоритмической и методической подготовке учителей информатики посвящены работы Ю.А. Быкадорова, А.Т. Кузнецова, А.И. Павловского, В.К. Пономаренко и В.В. Панкрат.

Ю.А. Быкадоров и А.Т. Кузнецов считают, что «падрыхтоўка будучых настаўнікаў да работы па фарміраванні алгарытмічнага стылю мыслення вучняў не павінна канцэнтраватца толькі ў задачах на алгарытмізацыю і праграмаванне. Больш важным з'яўляюцца спосабы алгарытмізацыі ў задачах рэалізацыі інфармацыйных тэхналогій» [9].

О применении алгоритмического обучения как типа обучения, т.е. одного из подходов к организации процесса обучения студентов, в методике преподавания математических и лингвистических дисциплин можно найти в работе Р.С. Пионовой. «Изучение математики, физики, электронно-вычислительной техники сопряжено с опорой на множество алгоритмов; ... морфологический разбор слова или грамматический разбор предложения по частям речи – не что иное, как лингвистические алгоритмы» [2, с. 167]. Данный тип обучения способствует эффективности учебного процесса и содействует развитию у студентов логического и алгоритмического стиля мышления.

В высшей школе осуществляется подготовка студентов, в прошлом выпускников школ, лицеев, гимназий, которые на уроках информатики изучали разделы «Алгоритмизация», «Моделирование» и использовали информационные технологии для обработки информации разных видов. Поэтому с опорой на базовый курс информатики средней школы и с учетом специфики будущей профессиональной деятельности студентов на занятиях по дисциплине «Основы информационных технологий» особое внимание следует уделять именно задачам реализации информационных технологий. Умения и навыки в решении данного типа задач способствуют формированию и развитию у студентов алгоритмического стиля мышления. Согласно точке зрения академика А.П. Ершова, «алгоритмический стиль мышления характеризуется

умением планировать структуру действий, необходимых для достижения заданной цели, при помощи фиксированного набора средств» [8, с. 120]. Ю.А. Быкадоров и А.Т. Кузнецов под алгоритмическим стилем мышления понимают «здольность вучня пабудоваць рашэнне канкрэтнай задачы на аснове рашэння шэрага тыпавых для прапанаваных умоў задач» [9, с. 24].

Поэтому студентам специальностей «Английский язык. Немецкий язык» и «Немецкий язык. Английский язык» мы предлагаем решать каждую задачу реализации информационной технологии с помощью как минимум двух программных средств. Главное условие, чтобы у программного средства были функциональные возможности реализации этой задачи. Так, например, для задачи реализации технологии автоматического реферирования и аннотирования текста – программой Аннотатор, ОРФО и MS Word (сервисная возможность «автореферат») [9, с. 121].

Алгоритмический стиль мышления студентов филологического факультета, профессионально изучающих иностранные языки, – это другой взгляд на свою профессиональную деятельность, осознание ценности и значимости приобретаемых знаний в области информационных технологий, восприятие современных информационных технологий как средства организации учебного процесса и собственной учебной деятельности. В связи с этим развитие алгоритмического стиля мышления и формирование профессионального мировоззрения следует считать одной из целей дисциплины «Информационные технологии» при составлении учебной программы [9, с. 120]. Для реализации поставленной цели в содержание дисциплины мы включили раздел «Алгоритм решения задачи», в который входят темы «Задачи реализации информационных технологий и их классификация» и «Примеры алгоритмов решения лингвистических задач».

Изучение этого раздела будет способствовать развитию у студентов алгоритмического стиля мышления, становление которого началось еще в общеобразовательной школе на уроках информатики. Знакомство же с алгоритмами решения лингвистических задач будет полезно студентам для будущей профессиональной деятельности в качестве преподавателя филологических дисциплин, лингвиста и переводчика.

Таким образом, в настоящей работе проанализированы и определены существующие информационные технологии с позиции целесообразности их изучения студентами филологического факультета.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Захарова, И.Г.** Информационные технологии в образовании: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 183.
2. **Пионова, Р.С.** Педагогика высшей школы: учеб. пособие / Р.С. Пионова. – Минск: Выш. шк., 2005. – С. 139–146.
3. **Трофимова, З.П.** Основы методологии и методики построения педагогических тестов: учеб.-метод. пособие / З.П. Трофимова; под ред. А.В. Макарова. – Минск: РИВШ, 2005. – С. 19.
4. **Щукин, А.Н.** Обучение иностранным языкам: Теория и практика: учеб. пособие для препод. и студ. / А.Н. Щукин. – М.: Филоматис, 2004. – С. 258.
5. **Селевко, Г.К.** Современные образовательные технологии: учеб. пособие / Г.К. Селевко. – М.: Народное образование, 1998. – С. 26–27.
6. **Современные образовательные технологии.** Основные понятия и обзор / авт.-сост. Г.Н. Петровский. – Минск: НИО, 2000. – С. 12.
7. **Зубов, А.В.** Информационные технологии в лингвистике: учеб. пособие для студ. лингв. фак-тов высш. учеб. заведений / А.В. Зубов, И.И. Зубова. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – С. 119.

8. **Оганджян, О.П.** Развитие алгоритмического стиля мышления у студентов отделения иностранных языков филологического факультета / О.П. Оганджян, В.К. Пономаренко // Методология и технологии образования в XXI веке: математика, информатика, физика [текст]: мат. междунар. науч. конф., Минск, 17–18 ноября 2005 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; отв. ред. И.С. Ташлыков, В.В. Шлыков. – Минск, 2006. – С. 119–123.
9. **Быкадораў, Ю.А.** Алгарытмічныя структуры ў метадычнай падрыхтоўцы будучых настаўнікаў інфарматыкі / Ю.А. Быкадораў, А.Ц. Кузняцоў // Весці БДПУ. – 2005. – № 1. – Сер. 3. – С. 24.

S U M M A R Y

Having researched information technologies as a subject of studying and a means of education at a higher educational establishment the author has come up with the contents of the course «The Basis of Information Technologies» for students mastering the specialty «The English Language. The German Language».

Поступила в редакцию 27.11.2008

УДК 371:37.026.7:37.026.9:37.03

С.В. Прилуцкая

Формирование умственной самостоятельности учащихся как актуальная педагогическая проблема

На современном этапе экономическое, экологическое, политическое и социальное будущее человеческого общества связывается с переходом на путь устойчивого развития. В связи с этим общество предъявляет серьезные требования к качеству образования, так как ему отводится основная роль при переходе к устойчивому развитию. Рекомендуется перенести обучение на объективную основу с установкой на саморазвитие учащихся, в связи с чем на первый план выдвигаются педагогические технологии с использованием основ развивающего и личностно-деятельностного принципов обучения с опорой на активную самостоятельную деятельность учеников. Система образования для устойчивого развития «должна предусматривать активное вовлечение учащихся в процесс самостоятельного учения на основе перспектив и ценностей, мотивирующих поведение людей в современных условиях» [1].

Растущему человеку важно уметь адаптироваться в изменяющихся условиях существования, раскрыть свой потенциал. Задача педагога – создать условия для самореализации личности ребенка, овладения им разнообразной деятельностью, опытом познания и самопознания, подготовить к осознанному и ответственному выбору профессионального пути. Самостоятельность как объективная необходимость должна стать одной из главных черт личности у подрастающего поколения. Мы согласны с мнением Л.В. Жаровой, которая отмечает, что самостоятельность – это «важнейшее условие самореализации личности, ее творческих возможностей» [2]. На роль самостоятельности как важного качества личности указывали многие педагоги и психологи – С.Л. Рубинштейн, В.А. Сухомлинский, М.А. Данилов, Д.Н. Богоявленский, А.М. Матюшкин, И.Я. Лернер, Н.А. Менчинская, Г.К. Селевко и другие.

В педагогической литературе последних десятилетий проблема самостоятельности личности обучающегося исследуется в его познавательной деятельности, самообразовании и общении с окружающим миром. Самостоятельность представляется как «системное многоуровневое явление, обладающее устойчивой совокупностью ведущих признаков и включающее такие проявления, как сознательность, мотивационная и ценностная ориентации, самоорганизация и саморегуляция» [3].

В педагогической реальности самостоятельность ученика всегда связывается с инициативой и обязательным наличием самостоятельности мысли, с поиском различных путей решения задач, встающих перед ним, без помощи со стороны. Только приобретенные осмысленно и самостоятельно знания имеют ценность, вызывают у учеников самоуважение и веру в свои силы. Поэтому стремление к самостоятельному познанию должно всемерно поощряться во всех системах образования, поскольку главное – научить человека самостоятельно мыслить. В противном случае, как писал А. Швейцер, индивид будучи не в состоянии ассимилировать объем знаний, возрастающий с каждым днем, «утрачивает доверие к самому себе... и испытывает соблазн признать недостаточной свою способность суждения и в делах мысли» [4].

Ученик должен быть активно мыслящим, преодолевающим жизненные трудности, уверенным в своих творческих возможностях. Важнейшее искусство учителя – внушить ученику, что он способен к творчеству, не взирая на уровень его интеллектуальных возможностей. Еще в XIX веке немецкий педагог Дистервег в работе «Руководство к образованию немецких учителей» отмечал, что «ум наполнить ничем нельзя», «он должен самостоятельно все охватить, усвоить и переработать», и далее он замечал, что «...плохой учитель преподносит истину, хороший учит ее находить» [5]. Творческой личностью считают человека, склонного к постановке оригинальных задач и поиску новых решений. Отличительная черта такой личности – самостоятельный выбор целей своей деятельности, что основано на процессе осознания собственных потребностей либо потребностей общества в целом. В свое время К.Д. Ушинский также акцентировал внимание на том, чтобы учащиеся «по возможности трудились самостоятельно, а учитель руководил этим самостоятельным трудом и давал для него материал. Тогда и без учителя, обладая такой умственной силой, человек будет учиться всю жизнь, что, конечно, и составляет одну из главнейших задач всякого школьного обучения» [5].

В связи с этим в рамки современной образовательной парадигмы и формирующейся концепции «Образование в интересах устойчивого развития» гармонично вписывается деятельность педагога по формированию умственной самостоятельности учащихся, которая выступает важнейшим психологическим условием успешного овладения знаниями, поскольку с ней связано развитие познавательных возможностей и интересов учащихся.

Исследованию различных аспектов проблемы формирования умственной самостоятельности учащихся посвящены работы И.Ю. Алексашиной, В.В. Архипова, Д.Н. Богоявленского, Н.З. Демидовой, Н.В. Кухарева, Ю.Н. Кулюткина, О.О. Макарычевой. В ходе нашего педагогического исследования, тема которого «Моделирование как средство формирования умственной самостоятельности учащихся общеобразовательных школ», мы стремимся на примере преподавания географии проверить гипотезу, что систематическая, планомерная и целенаправленная деятельность педагога по активизации умственных способностей учащихся приведет к формированию их умственной самостоятельности, которая проявится в умениях: самостоятельно формулировать вопросы к изучаемому материалу в связи с его осмыслением на уроках или при работе с разного рода источниками информации; решать определен-

ные познавательные задачи путем создания графических наглядных пособий, содержащих логические операции; самостоятельно ориентироваться в новой ситуации; высказывать и обосновывать собственную точку зрения. Проблема исследования заключается в том, чтобы на общей интеллектуальной основе сформировать у каждого учащегося экспериментального класса самостоятельность в решении учебных географических задач, умение самостоятельно применять на практике полученные теоретические знания, а также подготовить к самообразованию, вооружив основами учебного моделирования как одним из рациональных методов учебного познания.

Умственная самостоятельность, согласно трактовке Н.В. Кухарева, на которую мы опираемся в своей работе, рассматривается как «способность учащегося владеть общими умениями и навыками для познания реальной действительности, приобретения знаний и творческого их применения в незнакомой ситуации» и как «способность педагога к отражению и прогнозированию деятельности учащихся, к педагогическому анализу и творчеству» [6]. Она носит двусторонний характер: обращена к учащимся и учителю. Поэтому значительная роль отводится мастерству педагога. К ведущим признакам умственной самостоятельности Н.В. Кухарев относит: осознание учеником степени важности проблемы; выдвижение гипотезы; самостоятельную разработку плана поиска; соотнесение результатов работы с изученными явлениями и проверка их достоверности, умение применять полученные знания в жизни. «Чтобы сформировать умственную самостоятельность у учащихся, педагогу самому необходимо владеть соответствующими умениями» [6]. Учителю благодаря своим творческим способностям и искусству педагогического перевоплощения моделирует деятельность учащихся на уроке в соответствии с изучаемым материалом, дидактическими целями и познавательными возможностями учеников. Работа учителя включает использование ряда приемов по организации различных видов самостоятельной работы учащихся, которые постепенно усложняются в процессе обучения, однако при этом соблюдается их преемственность. В ходе педагогического эксперимента, осуществляемого на базе СОШ № 32 г. Гомеля, на уроках географии мы стремимся оптимизировать взаимодействие педагога и учащихся: организуем постепенный переход от работы под руководством учителя к самостоятельным действиям учеников, т.е. от воспроизводящей к творческой деятельности школьников.

Так как умственная самостоятельность представляет собой интегрированное качество личности, в основе которого лежат психологические механизмы, общие для различных видов мыслительной деятельности, то она формируется во всевозможной деятельности человека, в процессе его возрастного и интеллектуального развития. В связи с этим на первый план в процессе обучения выступают приемы активизации умственных способностей учащихся и способы стимуляции их успешной деятельности, опирающиеся на мотивационную сферу личности. Так, особое внимание стоит уделять обучению учеников умению задавать вопросы. Например, при комментировании ответа одноклассника учащиеся подмечают недочеты, но не исправляют их, а задают наводящие вопросы отвечающему. А при фронтальной письменной проверке домашнего задания ученики с большим интересом составляют проверочный тест по пройденной теме, чем отвечают на заранее заготовленный учителем.

Умственная самостоятельность формируется и путем обучения учащихся системе рациональных приемов умственной деятельности, руководствуясь принципами проблемного подхода к обучению, при котором познавательная деятельность учащихся носит творческо-поисковый характер. География в этой связи является уникальным школьным предметом, так как предоставляет возможность решать множество проблемных ситуаций в системе взаимо-

отношений «природная среда – общество – человек». Важно помнить, что в умственной деятельности раскрываются индивидуальные различия обучаемых, поэтому на основе принципа личностно ориентированного обучения педагог организует познавательную самостоятельную работу учащихся разного уровня сложности и посильности.

При усвоении учебных понятий в ходе познавательной деятельности много внимания уделяется новой информации, ее осмыслению. Этому способствует акцентирование внимания учащихся на узловых, опорных и специфических свойствах и качествах объекта или явления восприятия путем наглядного обучения. Велика роль в этом учебного моделирования. Согласно А. Рашидову, моделирование, которое в настоящее время является «одним из основных методов научного познания,... как средство наглядности в наибольшей степени способствует глубокому, осознанному и прочному усвоению учебного материала, формированию теоретического типа мышления» [7].

В связи с этим на уроках географии целесообразной оказывается деятельность учащихся по созданию графических учебных моделей: структурно-логических схем и рисунков, таблиц, картосхем и картоидов, графиков и различного вида диаграмм. Построение модели формирует у учащихся представление об изучаемом предмете, улучшает запоминание и системность восприятия географической информации, развивает ассоциативность мышления, показывает предметы в сравнении, ведет к их анализу, повышает познавательный интерес, создает ситуацию успеха, развивает творческие черты личности, и, как следствие, способствует формированию умственной самостоятельности учащихся [8]. Причем, обучая приемам учебного моделирования, надлежит недолго пользоваться репродуктивным методом, который предполагает действие по образцу, так как это сковывает процесс творчества учащихся.

Современный мир отличается насыщенным информационным полем, которое обрушивает на человека огромный объем информации, порой противоречивой, спорной и даже ненужной. Поэтому в процессе образования растущему человеку следует научиться самостоятельно работать с информацией, осмысленно отбирать необходимое и достаточное ее количество для решения стоящих перед ним задач. География, являясь одной из динамичных наук, предоставляет в связи с этим обширное поле деятельности для развития самостоятельности как важнейшего показателя «гармонии человека с окружающей средой» и определяющего «весь образ его жизни» [9]. Итак, на основании вышесказанного следует, что проблема формирования умственной самостоятельности учащихся общеобразовательных школ на уроках географии является актуальной в современном учебно-воспитательном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Красновская, В.А.** Роль школьного образования в обеспечении устойчивого развития / В.А. Красновская // География: проблемы выкладки. – 2006. – № 1. – С. 22.
2. **Жарова, Л.В.** Учить самостоятельности: книга для учителя: учебник для пед. вузов / Л.В. Жарова. – М.: Просвещение, 1993. – С. 3.
3. **Демидова, Н.З.** Рефлексивный анализ решения учебных задач как средство развития умственной самостоятельности учащихся: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Н.З. Демидова. – СПб., 2005. – С. 17.
4. **Авсиевич, М.Т.** Философско-педагогические основы гармонизации современного образования / М.Т. Авсиевич // Наука, образование, культура: состояние и перспективы инновационного развития: материалы междунар. науч.-практ. конф., Мозырь, 27–28 марта 2008 г. / Мозырь. гос. пед. ун-т им. И.П. Шамякина; редкол.: В.В. Валетов (гл. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2008. – Ч. 1. – С. 5.

5. **Кухарев, Н.В.** Формирование умственной самостоятельности / Н.В. Кухарев. – Минск: Народная асвета, 1972. – С. 6–7.
6. **Кухарев, Н.В.** Педагог-мастер – педагог-исследователь: пособие для учителей и руководителей общеобразоват. учреждений / Н.В. Кухарев. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2003. – С. 171.
7. **Рашидов, А.** Педагогические основы использования моделирования как средства наглядности в обучении: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / А. Рашидов. – Душанбе, 1990. – С. 2–3.
8. **Прилуцкая, С.В.** Самостоятельность – главная черта личности учащихся // Учитель. – 2006. – № 5. – С. 80.
9. **Селевко, Г.К.** Технология саморазвития личности школьников / Г.К. Селевко // Школьные технологии. – 1999. – № 6. – С. 18.

S U M M A R Y

Mental independence is the ability of a pupil to possess general skills for obtaining knowledge and their creative use in new situations. The main features of mental independence of pupils are comprehension problem and independent development of the plan, logical retelling and ability to make conclusions. The aim of the research is to clear up how in the process of pedagogical activity (on example of geography lessons) to develop mental independence of secondary school pupils.

Поступила в редакцию 22.01.2007

УДК 911:37.017.92

А.А. Фоменко

Использование художественного краеведения в формировании духовных ценностей школьников

Наше исследование свидетельствует о том, что потенциал художественного краеведения в формировании духовных ценностей подростков в современной школе используется недостаточно. На наш взгляд, основными причинами этого являются: «мероприятийный» подход к организации различных воспитательных дел; использование традиционных форм и методов, не отвечающих потребностям и возможностям подростков. Процесс общения с духовным наследием строится зачастую на субъектно-объектной основе, когда культура рассматривается как объект, «предмет среди предметов», т.е. вне содержательного диалога, порождающего у подростка чувства, переживания, собственные оценочные суждения, потребность в творческом самовыражении.

Преодолению указанных выше недостатков могут способствовать альтернативные способы освоения культурного наследия, активизирующие внутриличностные механизмы духовного становления личности, «наращивание» субъективного опыта и интерпретации и оценку ценностей художественной культуры родного края.

Анализ и обобщение опыта исследуемой проблемы в образовательных системах России и Беларуси позволил обнаружить целый педагогический арсенал в рамках культурологического подхода. При таком подходе взаимодействие воспитанника с миром культуры направлено не на познание предметов и вещей, а на общение, взаимопонимание, вчувствование в духовный мир «Дру-

гого» (автора), сопереживание его чувствам и мыслям, поиск ответа на вопрос о том, каким образом культура взаимодействует с человеком [1–2].

Так, в России воспитательный процесс, связанный со средствами художественного краеведения, основывается на Концепциях школьного краеведческого образования Санкт-Петербурга и Москвы. Ведущие положения названных Концепций отражаются в учебных и внеучебных программах, краеведческих движениях, музейных проектах.

В частности, в рамках широко распространенных краеведческих движений «Юные за возрождение Петербурга», «Отечество» ежегодно проводится конкурс «Лучший юный экскурсовод». В ходе исследовательской деятельности ребята занимаются сбором информации о наиболее значимых достопримечательностях своего города, разрабатывают тексты экскурсий, подбирают фотографии, открытки с изображением изучаемого объекта культуры, создают мультимедийные презентации.

Интересен опыт создания буклетов «Мой музей». В рамках проекта «Школьные музеи в Интернете» при поддержке Музея современной истории России и Детского Открытого Музея (ДОМ) в Москве проводится конкурс таких буклетов. В буклетах вкратце должны быть описаны история музея и цели его создания. Создавая буклеты, ребята используют различную информацию, подкрепленную красочными иллюстрациями, которая привлекает внимание сверстников из других школ.

Кроме конкурсов широко используется игра. Использование в ней образно-эмоциональных приемов «погружения» в прошлое, эмпатии, драматизации, театрализации, персонификации помогает раскрыть особенности художественного образа объектов культуры.

Созданию интерактивной, ассоциативной, игровой среды способствует и Проект Детской передвижной музейно-образовательной выставки «Сказка в сундучке». Ребята получают возможность познакомиться не просто с творчеством великих русских поэтов, а на примере предложенных произведений с помощью их ролевого прочтения творчески приобщиться к определенным источникам народной культуры. Некоторые сказочные персонажи предлагаются детям (с помощью взрослых) через задание выполнить в технике русской тряпичной игрушки, одетой в традиционный русский народный костюм. Кульминацией проекта является участие детей в музейном спектакле-празднике с использованием самодельно изготовленных ими сказочных персонажей.

На базе Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи» (Карелия) традиционным проектом стало проведение различных праздников (например, игра-путешествие «Музейный марафон»). Основными задачами марафона являются научить ребенка воспринимать предметный мир культуры Карелии, сформировать у него ценностное отношение к нему, способности бережно относиться к наследию родного края. В этом празднике участвуют 14 музеев Петрозаводска. Участникам марафона предлагается посетить музеи города (не менее четырех). Начиная марафон, каждая семья получает карту игры-путешествия и дневник путешественника, которые помогают сориентироваться в музейном пространстве города и дают всю необходимую информацию о музеях. Во время посещения музеев дети и их родители знакомятся с экспозициями и выставками, заносят в дневник путевые заметки, собственные отзывы о музеях. В ходе экскурсий по музейным экспозициям в каждом из них детям дается три творческих задания. По итогам посещения участники представляют свой творческий отчет в виде рисунков, эссе, фотографий, видеосюжетов, мультимедийных презентаций и т.д. Подведение итогов марафона проводится жюри, в состав которого входят ведущие специалисты

музеев. Победители награждаются дипломами, а наиболее интересные работы публикуются в республиканских газетах.

Республиканский детский музейный праздник «Возвращение к истокам» обращен, прежде всего, к семье, семейным ценностям и традициям, ориентирован на усиление семейного общения и активизацию роли семьи в истории и культуре современной жизни родного края. В рамках подготовки и проведения праздника объявляются конкурсы: «Моя родословная» (исследовательский конкурс по созданию семейных родословных), «Традиции моего народа» (семейный конкурс), «Живая старина» (конкурс этнографических заметок), «Наследие в руках молодых» (конкурс по созданию историко-культурного атласа «малой родины»), «Кижская радуга» (конкурс детского изобразительного творчества).

Так, в частности, совместное участие детей и родителей в конкурсе «Традиции моего народа» способствует созданию условий для диалога с культурами и эпохами, погружению в историю своего рода. Сформированные на этнической основе «семьи» (русские, карелы, вепсы, финны) представляют обычаи и традиции своего народа. Условиями конкурса стали представление особенностей собственной этнической семьи через исполнение народных песен, пословиц, поговорок, прибауток или потешек, театрализацию сказок. Непременное условие конкурса – демонстрация умений владения каким-либо традиционным ремеслом. Участникам конкурса «Наследие в руках молодых» необходимо создать творческий иллюстративный путеводитель по своему дому, деревне, улице, городу или району. Участие в конкурсе позволило ребятам «оживить» историю своей «малой родины», осознать себя хранителем исторической памяти и одновременно познать и «открыть» самого себя и свое личностное отношение к окружающим ценностям культуры.

Основным направлением работы «Детского Открытого Музея» является внедрение новых методик музейного образования (в том числе и интерактивных). В частности, проект «Возможно быть другим» предусматривает внедрение в педагогическую практику интегративной настольной экспозиции (Музей в чемодане), раскрывающей механизм формирования негативного отношения подрастающего поколения к объектам культуры и национальной традиции. Проект имеет «провокационный» характер, ибо требует усилий ума, игры воображения, отказа от первоначального мнения о значении культуры в жизни человека. Это выставка-диалог, требующая сопереживания и соучастия, размышления и действия. Материалы экспозиции помогают детям осознать богатство, скрытое в художественной культуре родного края. Настольная экспозиция представляет собой раскладывающиеся стенды (с рисунками, текстами и игровыми заданиями), которые умещаются в компактном чемоданчике «предрассудков». Экскурсия здесь заменяется работой подростков с путеводителем, а задачей музейных педагогов является организация самостоятельной работы детей. Наиболее притягательным экспонатом выставки является кодовый замок, который может быть открыт лишь тем, кто сумел избавиться от предрассудков в отношении к культуре родного края.

В системе образования Республики Беларусь также накоплен значительный опыт воспитания духовных ценностей средствами художественного краеведения. Однако, по сравнению с опытом России, он имеет свои специфические проявления.

Так, в рамках Государственной программы развития образования г. Минска до 2010 года в школах города вводятся факультативы для начальной школы – «Минсковедение», «Мая Айчына», «Спадчына», для учащихся 7 классов – «Храмы, замкі і палацы Беларусі».

В частности, программа по гражданско-патриотическому воспитанию «Мая Айчына» (авторы В.В. Буткевич, Г.Г. Ванина, О.В. Толкачева) состоит из

4 разделов: «Рэспубліка Беларусь» – I класс; «Мінск – сталіца Беларусі» – II класс; «Сям’я – аснова дзяржавы» – III класс; «Мы – грамадзяне Рэспублікі Беларусь» – IV класс. Задачами программы является расширение знаний о Минске, его истории и культуре; воспитание эмоционально-ценностного отношения к родине, ее традициям, людям, труду; воспитание гражданственности и патриотизма. Авторами разработаны разнообразные формы приобщения школьников к истории и культуре родного края: беседы (о государственных символах Республики Беларусь, Конституции, об этнических особенностях белорусов), конкурсы (рисунков, стихов, белорусских поговорок, пословиц и др.), проекты (оформление альбома «Мая Айчына», проект «Мои права и обязанности», коллективная работа над созданием панорамы древнего города Минска, сбор фотографий улиц Минска, проект «Традиции моей семьи» и др.), игры (инсценировка сказок, викторины), праздники (инсценировка «Запрашаем у госці» и др.), выставки (оформление классного стенда «Мая Айчына Беларусь», посещение фотовыставки) и экскурсии (Музей истории Великой Отечественной войны, Национальный художественный музей, Мір – Нясвіж и др.). Данные формы и методы позволяют «погрузить» младших школьников в атмосферу родного города, активно воспринимать окружающую действительность. Включение детей в различные виды краеведческой деятельности способствует развитию у них нравственных чувств, и в первую очередь – чувства со-переживания; воспитывается живой интерес к познанию местных памятников истории и культуры, народным традициям родного края.

Основным принципом программы по интересам «Спадчына» (авторы Н.Л. Буйнова, Е.А. Краско и др.) является принцип интеграции со всеми предметами начальной школы. Через изучение народных легенд, баллад и песен, через участие в играх и хороводах, театрализованных праздниках, изготовление игрушек, кукол, свистелок ребята приобщаются к культурным традициям своего народа. С раннего детства народное творчество входит в жизнь детей, формирует их художественные вкусы, дает представление об окружающей действительности, учит познавать добро и зло.

Программа «Храмы, замкі і палацы Беларусі» для 7 классов (авторы В.А. Орлов и др.) знакомит подростков с памятниками архитектуры родного края. Разделами программы являются темы: «Замкі Беларусі», «Славутыя храмы Беларусі розных часоў», «Палацава-паркавыя ансамблі Беларусі». Вовлечение учащихся в краеведческую деятельность по их изучению способствует познанию ими социальных условий жизни белорусов в определенную эпоху; обогащению знаний об основных чертах замкового зодчества, системе выразительных и изобразительных средств готики, ренессанса, классицизма и т.д. В ходе выполнения краеведческих заданий подростки выясняют историю создания того или иного памятника архитектуры; уровень влияния на ее формы местных природных условий; прослеживают особенности и роль деталей, мотивов в создании структуры художественного образа; насколько прочувствованы природные свойства местных строительных материалов. Это позволит им осознать связь памятников архитектуры с жизнью, увидеть ту среду, те факты и явления, которые послужили материалом для творчества автора.

В школах Беларуси постепенно стали внедряться такие курсы, как «Гродноведение», «Брестоведение», «Могилевоведение», «Оршеведение» и др. Так, в школах Гродно с 2005 года на базе Государственного историко-археологического музея и исторических мест города введена музейная программа «Гродноведение» (автор Н.А. Труханович). Сотрудниками музея занятия проводятся в форме игры, театрализации, творческих заданий. Например, при изучении темы «Цацкі і гульні маленікіх гродзенцаў у старажыт-

насці» дети вместе с сотрудниками музея, учителями и родителями принимают активное участие в играх того времени. В процессе ознакомления с темой «Жыццё старажытных людзей у нашым краі» дети самостоятельно лепят горшки, занимаются вышивкой, плетением. В помощь учителям создан учебник по курсу для 6–8 классов.

Сегодня в школах Республики Беларусь создаются условия для приобщения учащихся к культуре родного края средствами народных традиций. Так, коллектив Дулебской школы Березинского района работает на основе единой программы «Воспитание школьников на народных традициях родного края». В учебный план введены такие курсы, как «Краеведение», «Наследие моего края», «Фольклор – душа народа». Все это позволило педагогическому коллективу систематизировать освоение учащимися культурного наследия Родины. В средних классах школьники знакомятся с устным народным творчеством, обрядами, декоративно-прикладным искусством. С пятого класса начинается знакомство с керамикой и резьбой по дереву, в шестом – осваивается техника вышивания, в восьмом – гончарного искусства и т.д. Завершает комплексную работу кружков по направлениям и учебным предметам всех циклов праздник. У школы уже сложилась традиция по его проведению. Вначале – песня-приглашение в исполнении коллектива «Дулебка», затем экскурсия по школе для гостей. Экскурсия включает в себя просмотры классов, оформленных в народном стиле, этнографический музей, где представлены экспонаты, самостоятельно изготовленные народными умельцами и самими детьми. Кульминацией праздника является концертная программа, в которой звучат песни, исполняются танцы, народные игры. Такой подход дает возможность осознать историю своего края через собственное активное участие в культурно-исторических событиях школы, через произведения писателей и художников-земляков.

В школах № 89 Минска, Сенницкой средней школе имени Я. Купалы Минского района в процессе воспитания учащихся широко используются народные культурные традиции Беларуси. Освоение культурных ценностей родного края происходит за счет введения в воспитательную среду игр, считалок, сказок, присказок, детских песен, танцев, ремесел, которые бытуют рядом с ними, бережно передаются из поколения в поколение.

Одним из средств воспитания у учащихся познавательного интереса к народному творчеству, желания сохранять и развивать культурные традиции края являются праздники народного творчества. В частности, в средней школе № 1 г. Кареличи Гродненской области система воспитания подрастающего поколения построена на народных праздниках: «Купалле», «Дажынкі», «Багач», «Каляды», «Масленіца», «Саракі». Народные праздники «калядного» цикла являются составной частью духовной культуры, выступают в качестве важного фактора возрождения этнотрадиций, развития народного творчества. Для развития познавательного интереса к народным традициям и формирования потребности активного участия в художественно-краеведческой деятельности учителями применяются игровые, театрализованные формы, фольклорные экспедиции, различные конкурсы. Например, «Пакроўскія ігрышчы», праздник «У нас сёння Каляда», фольклорная экспедиция по Нарочанскому краю и др. Такие виды художественно-краеведческой деятельности, по мнению учителей и учеников школы, способствуют формированию любви к родной природе, чувства сопричастности и единства со своим родным краем, добрых отношений к людям, возможности проявить свою фантазию, развить театральные-драматические способности.

Ребята из школы № 37 г. Минска также принимают активное участие в постановке театрализованных представлений: «Калядкі», «Вяснянка», «Масленіца» с песнями, хороводами, стихотворениями. В постановке задействован и школьный ансамбль, который имеет богатый и разнообразный, основанный на белорусском фольклоре, репертуар. Задачей ансамбля является популяризация и пропаганда отечественного фольклора через концертную деятельность в школе, детских садах района, школе-интернате для инвалидов в поселке Новинки.

Подобный опыт проведения театральных представлений «Каляда», «Вячоркі», «Гуканне вясны», «Дажынкі» и др. имеется и в других школах столицы (СШ № 139, 142, гимназии № 4, 25 и др.). Так, например, фольклорный ансамбль «Спадчына» гимназии № 25 является постановщиком различных композиций, обрядов, комедии Я. Купалы «Павлінка», белорусской народной сказки «Солнце свети» и др.

Непосредственное участие школьников в календарно-обрядовых праздниках, разучивание песенного и танцевального фольклора, народных игр погружают их в мир культуры, способствуют познанию, оценке и переоценке своего образа жизни на народных традициях.

Иным опытом использования художественного краеведения является участие детей в поисково-исследовательской деятельности, создании выставок, презентаций объектов культуры. Эти виды художественно-краеведческой деятельности создают условия для становления личности учащихся как носителей исторической памяти, формирования навыков поисково-исследовательской деятельности, умений художественного анализа и нравственно-эстетической оценки произведений культуры родного края.

Интересен опыт туристско-краеведческого клуба «Азимут» средней школы № 18 г. Барани Оршанской области. Работа клуба основана на комплексной целевой программе «Познай свой край». Учащиеся школы совершают различные пешеходные, водные, велосипедные походы, посещают различные города республики. Результатом таких экспедиций является сбор пословиц, поговорок, легенд, сказок и др. В ходе сбора фольклорной информации они общаются с местными жителями, бережно хранящими и развивающими культурную традицию края, ведут наблюдение, фото- и видеосъемку природного ландшафта данной местности. Собранные материалы пополняют фонды школьного музея, популяризируются через различные формы воспитательной работы в школе. В рамках экспедиции школа ежегодно участвует в городском конкурсе школьных музеев, оршеведческих чтениях, городской краеведческой олимпиаде «Страницы военной истории нашего города» и др.

Школьники из художественного лицея № 26 г. Минска ежегодно участвуют в организации выставки «Достопримечательности Отечества». Изучая историю и культуру Беларуси, памятники архитектуры и градостроительства, традиции и обычаи славян, они обогащают свой художественный кругозор, знания в области художественной культуры определенного региона; формируют исследовательские навыки работы с литературой, творческие способности.

Учитель информатики столичной средней школы № 36 И.С. Далидович вместе со старшими школьниками разработал более 50 мультимедийных презентаций по художественной культуре родного края. «Путеводитель по городу Минску» представляет собой слайды с фотографиями, текстовым материалом. Такая форма приобщения к культурным ценностям повышает интерес к родному городу, усиливает познавательную активность, помогает познать историю «малой родины».

Воспитанию подрастающего поколения средствами художественной культуры родного края содействуют различные музеи Беларуси. Своей целью сотрудники музеев ставят воспитание учащихся как субъектов национальной культуры с заинтересованным, осознанным и активно-творческим отношением к духовно-культурному пространству; формирование их эстетического вкуса и творческих способностей, бережного отношения к культурно-историческому наследию и потребности в его охране.

На базе Национального художественного музея создана детская творческая студия, где ребята получают возможность для творческого самовыражения в процессе выполнения ряда практических заданий, участия в различных конкурсах, таких, как детского рисунка «Я люблю», «Цветочная планета». Работники музея разрабатывают новые экскурсии, стараясь в доступной форме познакомить детей с музейными ценностями: 1–5 классы «Первые встречи с искусством» (знакомство с музеем, чудесным миром), 3–6 классы «Реальный мир и художественный образ» (знакомство с иконописью, различными жанрами изобразительного искусства), 7–11 классы «Белорусское и мировое искусство в экспозиции музея». Для младших школьников в качестве основы общения избирается язык сказок, легенд, мифов, игры-путешествия, для подростков – занимательные вопросы, головоломки. Национальным художественным музеем в 2006 году был объявлен конкурс на дизайнерское решение входного билета в музей. На конкурс принимались произведения детей до

12 лет. Такая форма работы выявляет творчески одаренных, способных в художественном плане детей, формирует возможности создавать гармонию и красоту, передавать в меру своих сил то прекрасное, доброе, что создает мир культуры вокруг нас.

Научными сотрудниками Государственного литературного музея Янки Купалы разработан для детей младшего школьного и дошкольного возраста целый ряд музейно-педагогических занятий, которые проводятся в музее, школах, детских садах («Як на свет радзіўся Янка», «Ясь і кніжкі», «Ясь і музыка», «Янка Купала – дзецям» и др.). Изданы буклеты, иллюстративные альбомы, сборники избранных произведений поэта, воспоминания о нем.

В Могилевском областном краеведческом музее им. Е.Р. Романова ежегодно проводится конкурс детского рисунка «Мир музея», посвященный Международному дню музеев. После обзорной экскурсии для юных художников по экспозиционным залам музея им в течение 2 часов предлагается отобразить на бумаге свои впечатления от общения с музеем. Одновременно с подведением итогов участникам конкурса предлагается концертная программа юных музыкантов г. Могилева. Победители награждаются памятными призами, а всем участникам вручаются пригласительные билеты на посещение музея в течение года. Конкурс «Мир музея» завершается мини-выставкой детских рисунков.

Совместно с детьми сотрудники Чашникского исторического музея проводят фольклорные экспедиции по изучению легенд, сказок, преданий, песен, баллад и других видов народного творчества. Впоследствии богатейший фольклорный материал обрабатывается, систематизируется и включается в сборники устного народного творчества.

Таким образом, как показал анализ опыта использования художественного краеведения в процессе формирования духовных ценностей школьников, условием перехода от «мероприятийного» воспитательного дела, «обезличенного» общения с культурными ценностями является событийный характер постижения ценностей культуры. Такой подход активизирует внутриличност-

ные механизмы духовного становления и позволяет выстроить процесс общения с национальными ценностями культуры по схеме «прочувствовал – осознал – раскрыл и опредметил свое отношение». В этом случае объект художественной культуры родного края будет непосредственно пережит субъектом, станет его конкретным внутренним опытом, и из общечеловеческой ценности превратиться в личностную ценность.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Ермолаева, Л.К.** Система краеведческого образования в школах. Программы учебных курсов / Л.К. Ермолаева. – СПб.: Институт Петербурга, 1997. – 183 с.
2. **Махинько Л.Н.** Проблема краеведения и возможности ее решения / Л.Н. Махинько. – СПб., 1993. – С. 79–81.

S U M M A R Y

In the article the actual problem of formation of cultural wealth of teenagers means of art culture of native edge rises. The subject of the detailed analysis selects the Belarus and Russian pedagogical experience of use of art study of local lore in the given process. Principal causes of insufficient use of educational potential of art study of local lore at modern school are analyzed.

The detailed analysis of the organization of educational process by means of art study of local lore from a position of qualitatively other approach is presented. The methodical toolkit allowing on a practice to realize the given approach is described.

Поступила в редакцию 17.02.2009

УДК 75.02.322

Е.Ю. Антонычева

Теоретические основы пленэрной живописи

Социокультурное развитие современного общества определяет тенденцию активного развития художественного образования, что обуславливает необходимость усиления внимания к формированию профессиональных качеств студентов художественных специальностей высших учебных заведений. Одним из направлений совершенствования живописного мастерства, формирования художественного аконстантного видения, образного мышления, памяти, творческого, осмысленного подхода к изображению у будущих художников-педагогов является работа на пленэре.

Пленэр как летняя учебная практика на открытом воздухе представляет собой продолжение учебного процесса по композиции, живописи, рисунку и входит составной частью в систему специальной подготовки художника-педагога. Множество разнообразных рефлексов, большая удаленность объектов пейзажа от наблюдателя, многоплановость, обилие света, смена освещенности в зависимости от состояния погоды и времени года – все это новые и непривычные условия, которые усложняют работу с натуры.

Пленэр как учебно-воспитательный процесс рассматривался в трудах Н.Я. Маслова, Г.Б. Смирнова, А.А. Унковского, А.П. Яшухина. Основные теоретические положения цветовой гармонии восприятия цвета и его свойства освещались в работах Р. Арнхейма, А.С. Зайцева, О.В. Мироновой. Отдельные вопросы, связанные с развитием цветового и колористического видения,

нашли отражение в диссертационных исследованиях Г.В. Беды, А.И. Масляникова, В.А. Басманова, А.С. Рындина. Большой вклад в разработку теории колорита внесли русские и советские художники, теоретики искусства: С. Петрушевский, Н.Н. Волков, С.Е. Алексеев, П.П. Ревякин, К.Ф. Юон, Б.В. Йогансон. Вопросы композиции пейзажа наиболее полно рассматривались в трудах Г.В. Беды, А.А. Васильева, Е.В. Шорохова, В.Н. Стасевича, А.А. Федорова-Давыдова.

Анализ специальной и методической литературы позволил выделить основные понятия, составляющие специфику пленэрной живописи: цвет, свет, световая среда, освещение, рефлекс, воздушная и световая перспектива, колорит, цветовые отношения, композиция, активно влияющие на эффективность работы студентов на открытом воздухе.

Одним из основных выразительных средств в живописи является цвет. Цвет в живописном произведении никогда не выступает изолированно. Он способствует выражению многих изобразительных качеств: объема, материала, пространства, состояния освещенности. Изображение предметного мира, разнообразия и особенностей природы в живописи передается посредством отношений цвета и цветовых оттенков. К основным качествам цвета относятся: цветовой тон, светлота, насыщенность.

Условный, лишенный оттенков цвет, свойственный данному предмету, принято называть собственным или локальным. Умение точно подобрать локальный цвет предмета и передать его зрителю – одно из основных требований реалистической живописи. Сохраняя относительное постоянство, собственный цвет предметов и объектов в природе изменяется под воздействием разнообразных факторов.

Рассматривая вопросы специфики пленэрной живописи, можно выделить ряд основных факторов, влияющих на изменения локального цвета, а это:

- контрастное взаимовлияние соседних цветов;
- свойства рассматриваемого предмета и его поверхности;
- воздушная среда и расстояния;
- сила спектрального состава прямого и отраженного цвета [1].

Влияние этих факторов превращает собственный цвет предмета и объекта в цвет обусловленный. На начальных этапах обучения студенты обычно не замечают изменения собственного цвета. Так, например, цвет в пейзаже на переднем и дальних планах кажется одинаково зеленым, хотя цвет дальнего плана претерпевает изменения и по тону, и по светлоте, и по насыщенности.

Цвет на пленэре при первом впечатлении воспринимается гармонично, как определенное состояние. Однако в ходе работы над этюдом глаз адаптируется, яркость первого впечатления пропадает, при раздельном восприятии элементов пейзажа тональные и цветовые отношения начинают сближаться, что становится причиной возникновения ошибок. Это проявляется в дробности изображения, многочисленных повторях цветовых пятен одинаковой светлоты и насыщенности, однообразной проработке формы, отсутствии ведущих пластических и цветовых акцентов. Серьезным затруднением на пути к определению обусловленного цвета выступает константность восприятия, характеризующаяся тем, что зрительные восприятия человека основываются не только на ощущениях глаза в данный момент, но и на предшествующем опыте познания действительности. В данной ситуации предметный цвет воспринимается независимо от изменяющихся условий освещения, его силы и спектрального состава. Таким образом, для поддержания остроты зрительного восприятия цветовая среда должна быть изменчивой, динамичной, а с другой – необходимо достаточно устойчивое цветовое состояние мотива.

Цвет предмета, объекта и явления природы может выглядеть измененным и в зависимости от психофизиологии зрительного восприятия, так как зрительные впечатления определяются отношениями яркостей, что способствует распознаванию окружающих объектов и при изменяющихся условиях освещенности. Физиологическую основу указанной выше особенности зрительного восприятия И.П. Павлов объяснял «рефлексом на отношения», при котором сигнальное значение для восприятия светлоты имеет не качество раздражителей, а отношения между ними [2].

Проведение цветового анализа природы, предполагающего исследование видимого цвета, ее поверхностей по их свойствам поглощения и отражения, является одним из наиболее сложных моментов овладения живописью на пленэре [3]. Цветовой анализ окружающей среды считается в практике важным этапом процесса восприятия природы и ее изображения, требующим длительных тренировок и наблюдений.

Цветовые искания в работе над этюдом в условиях пленэра всегда связаны со светом, а живописные эффекты построены на светотеневых отношениях. Глубокое знание свойств света как важного фактора среды необходимо для изучения живописи, как в условиях мастерской, так и на открытом воздухе. Исходя из физической природы света, можно объяснить ряд явлений, которые наблюдаются в процессе работы над пленэрным этюдом. В течение суток уровень природного освещения меняется в широких пределах. Движение облаков, изменение высоты солнца над горизонтом, запыленность, влажность воздуха и т.д. — все это влияет на характер световой среды. Из всего многообразия природных состояний выделяют наиболее характерные:

- солнечное освещение при безоблачном небе;
- солнечное освещение при облачном небе;
- пасмурный день;
- утреннее и вечернее освещение;
- сумерки [4].

Кроме силы общего освещения, от которого зависит тоновое и цветовое состояние природы, следует иметь в виду то объединяющее цветовое влияние, которое производит на все предметы и объекты цвет освещения. Он всегда является составной частью цвета в природе. Как бы ни были разнообразны цветовые качества природы, цвет освещения всегда присутствует на всех частях и деталях, доминирует, влияет на окраску предметов, объединяет в колористическом единстве.

Необходимость передачи цветовых отношений объектов природы с учетом общего тонового и цветового состояния освещенности является одной из главных составляющих живописи пейзажа, на основе которых строятся конкретные отношения между деталями пейзажа и определяется эмоциональное значение этюда.

Важную роль в пленэрной пейзажной живописи играют рефлекс, которые составляют ее цветовое богатство. Благодаря рефлексам мы различаем в тени рельефность, а сами тени воспринимаем прозрачными, воздушными, насыщенными цветовыми пятнами. Отраженный от освещенной части предмета свет, падая на теневую часть другого предмета, образует рефлекс, качественно влияющий на цвет собственной тени. Верно переданные рефлекс помогают выявить объем, форму, показать цветовую взаимосвязь между предметами в световоздушной среде. Пренебрежение рефлексом приводит к плоскостному, декоративному изображению, лишает его пластики.

Рефлекс различаются по светлоте и цвету. Чем насыщеннее отражающая поверхность, тем красочнее рефлекс. На силу рефлекса влияет сила ис-

точника света и расстояние до него: чем ближе отражающая поверхность от источника, тем рефлекс сильнее.

На пленэре в полную силу проявляется воздушная и световая перспектива, которая имеет существенное значение в передаче глубины изображения, пространственных планов, объемно-пластических, светотеневых, цветовых, материальных особенностей натуры, организации колористического строя этюда. Воздушный слой «размывает» четкость и ясность контуров, которые приобретают расплывчатый характер. На изменение очертаний предметов влияет насыщенность воздуха парами влаги, пылью, дымом и т.д. Эта закономерность природы лежит в основе воздушной перспективы. С увеличением расстояния от наблюдателя изменяются светотеневые и цветотонные контрасты. Предметы на большом расстоянии теряют объемность, рельефность, приобретают силуэтный, плоскостной характер, снижается выразительность контрастов, скрадываются мелкие детали, массы предметов становятся более обобщенными. Под воздействием воздушной перспективы локальный цвет предметов по мере их удаления претерпевает существенные изменения, цвет с расстоянием светлеет и теряет насыщенность.

Расстояние предмета от источника света и положение предмета по отношению к нему характеризует световая перспектива, проявление которой можно наблюдать при восходе луны и закате солнца – утром предметы к востоку светлеют, вечером постепенно темнеют. За счет перспективных изменений света и использования эффектов освещения достигается впечатление глубины изображаемого пространства.

Сила источника света и цвет общего освещения оказывают огромное влияние на тоновое и цветовое состояние натуры, создавая естественную цветовую объединенность красок, что является основой создания гармоничного цветового строя, единой колористической гаммы этюда или картины. Колорит и единство колористической гаммы этюда определяется:

- богатством и разнообразием цветных рефлексов при передаче объемной формы и пространства;
- выдержанностью пропорциональных натуре основных цветовых отношений с учетом общего тонового и цветового состояния освещенности;
- передачей влияния цвета освещения, объединяющего цвета натуры, делающего их соподчиненными и родственными [5].

Характер колорита является своеобразным проявлением цветового богатства окружающего мира и определяется как своеобразная система цветовых сочетаний, помогающая раскрытию образа, эмоционально воздействующего на зрителя. Ключевым моментом создания колористической гаммы пленэрного этюда является определение общего тонового и цветового состояния освещенности натуры. Определение отношений предметов по светлоте, цветовому тону, насыщенности является важнейшим условием организации гармоничной тонально-цветовой гаммы в работе, созданием основы, определяющей эмоциональное звучание этюда.

Как известно, правдивое живописное изображение в этюде основано на построении его цветового строя, пропорционального цветовым отношениям натуры, поэтому правильное определение основных цветовых отношений между главными объектами пейзажа (небом, землей, водой, планами) облегчает дальнейшее цветовое построение и проработку деталей. Практика показывает, что этот момент является решающим для дальнейшей организации работы над пейзажным этюдом.

Определение цветовых отношений осуществляется сравнением объектов пейзажа при цельном видении, одновременном охвате взглядом всей натуры. Только в результате цельного зрительного восприятия можно правильно

определить пропорции предметов, тоновые и цветовые отношения и добиться целостности изображения. Поэтому в самом начале работы на пленэре важно направить внимание на единое обобщенное восприятие всего мотива в целом. Однако в условиях работы на открытом воздухе цельное видение всех объектов затруднено, так как одновременно они не попадают в поле зрения. При раздельном видении возникают как хроматические, так и ахроматические контрасты. Хроматический контраст представляет собой изменение цветового тона и насыщенности под влиянием окружающих цветов (одновременный контраст) или под влиянием цветов, наблюдавшихся предварительно. Последовательные контрасты обычно возникают в форме предыдущего цветового пятна и делятся в зависимости от продолжительности и силы раздражения сетчатки глаза предшествующим цветом [6]. Это создает помеху в процессе сравнения изображаемых объектов между собой по цвету и силе тона. Важно выработать способность одновременного восприятия нескольких объектов, когда чувствительность глаза не меняется и последовательные контрасты не возникают.

Развиваемый реалистической школой изобразительного искусства принцип работы отношениями предохраняет живопись с натуры от всевозможных предметных упрощений и вульгаризации. При этом принцип касается не только цветового восприятия натуры, но и соотношения правильных пропорций, пластических и пространственных качеств, главного и второстепенного и других сторон, составляющих целостность изобразительной формы [7].

Следует отметить, что выбор мотива, композиционное решение пейзажного этюда также имеют свои специфические особенности. Для пейзажей характерна большая или меньшая пространственная протяженность, отсюда – задача построения пространственных планов, передачи глубины изображения. Приступая к компоновке пейзажного мотива, следует иметь в виду:

- необходимость соответствия размера и формата изображения данному сюжету;
- характер размещения основных масс пейзажа с целью максимального выражения темы и сюжета, построения изображения с учетом архитектоники и ритма;
- смысловое, композиционное значение составных элементов пейзажа.

Основными средствами построения пейзажа на картинной плоскости являются: ритм, симметрия, асимметрия, контраст, нюанс, масштабность, пропорциональность, пространство [8]. При этом пространство является основным фактором образования структуры композиции. Соотношение двух основных определяющих элементов – земли и неба – чрезвычайно важно для композиции пейзажа. Каждая из этих частей играет определенную роль в общем звучании этюда, может иметь то или иное смысловое, пластическое значение, представляя тем самым интерес для композиции. Однако часто недооценивается значение композиции в пейзажном жанре, главная роль отводится живописи, колориту. Но и на этапе работы с цветом задачи композиции остаются ведущими, выступая в качестве специфических вопросов, связанных с цветом.

Анализ теоретических основ пленэрной живописи, выявление ее специфики позволяют определить ряд задач, стоящих перед студентами художественно-графических факультетов педвузов в процессе обучения пейзажной живописи в условиях пленэра. А это:

- развитие художественно-образного мышления, творческого воображения и активности, зрительной памяти, способности создавать выразительные композиционно-цветовые решения в этюдах с натуры;
- усвоение теоретических знаний: законов композиции, тональных и цветовых отношений, световоздушной перспективы, элементов цветоведения и

практических умений использования их в процессе работы над пейзажем в условиях пленэра;

- наблюдение и изучение природы во всех ее проявлениях, постоянное развитие и накопление запаса наблюдений и представлений о ней;
- развитие способности всесторонне анализировать различные явления, объекты, детали, элементы пейзажа, как по отдельности, так и во взаимодействии с окружающими предметами, освещением, средой;
- развитие широкой пространственной ориентации, способности воспринимать натуру в крупномасштабном трехмерном пространстве;
- формирование и развитие целостного восприятия тонально-цветового единства натуры, способности решать задачи объемно-пластического цветового построения формы в зависимости от освещения, условий окружения, пространства;
- обучение навыку вести работу последовательно, от возникновения замысла до его воплощения.

Сознательный, целенаправленный, последовательный и систематический подход к решению вышеперечисленных задач способствует успешному формированию профессиональных качеств у студентов, что требует дальнейшего совершенствования процесса обучения живописи в условиях пленэра в работе художественно-графических факультетов. Успешное решение этой проблемы опирается на необходимость ее научного обоснования, ориентации на целостность, структурную и содержательную направленность всего учебного процесса, практическую реализацию пленэрных занятий на новом, более высоком уровне.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Яшухин, А.Г.** Живопись / А.Г. Яшухин. – М.: Просвещение, 1986. – С. 12.
2. **Беда, Г.В.** Основы изобразительной грамоты / Г.В. Беда. – М.: Просвещение, 1981. – С. 109–110.
3. **Маслов, Н.Я.** Пленэр / Н.Я. Маслов. – М.: Просвещение, 1984. – С. 48.
4. **Рындин, А.С.** Основы теории и практики пленэрной живописи / А.С. Рындин // Изобразительное искусство в системе образования: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 7–8 декабря 2006 г. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2006. – С. 146.
5. **Визер, В.В.** Живописная грамота. Основы искусства изображения / В.В. Визер. – СПб.: Питер, 2006. – С. 144–146.
6. **Унковский, А.А.** Живопись. Вопросы колорита / А.А. Унковский. – М.: Просвещение, 1980. – С. 43.
7. **Богустаў, А.П.** Пленэр у мастацкай школе / А.П. Богустаў. – Гродна: УА «Гродзенскі дзяржаўны ун-т імя Янкі Купалы», 2005. – С. 62–63.
8. **Шорохов, Е.В.** Композиция / Е.В. Шорохов. – М.: Просвещение, 1986. – С. 209–213.

S U M M A R Y

An open-air work is one of the principal conditions of painting skills perfection, development of flexible art vision, creative, sensible approach to the picture. The analysis of the theoretical basis of open-air painting, the identification of its specificity make it possible to determine a number of tasks that are given to the students of art-graphic faculties of pedagogical universities in the process of training a landscape painting in open-air conditions.

Поступила в редакцию 4.09.2008

Активные динамические процессы в антропонимиконе г. Витебска на протяжении XVII–XX вв.

Значительное число современных антропонимических исследований выполняется в русле регионально-исторического направления: для определения основных тенденций развития любой национальной антропонимной системы необходимо рассматривать историю составляющих ее компонентов по отдельным регионам. Фундамент исторической антропонимики как науки заложили исследования Н.В. Бирилло, С.И. Зинина, А.Н. Мирославской, В.А. Никонова, А.М. Селищева, А.В. Суперанской, О.Н. Трубачева, А.А. Угрюмова, Б.А. Успенского, Л.М. Щетинина и др. Активизация антропонимических исследований в северо-восточных регионах Беларуси связана с научной деятельностью А.М. Мезенко, О.М. Ляшкевич, Е.Ю. Муратовой, Г.К. Семенковой, И.Я. Кураш.

Цель настоящей работы – сопоставительный анализ особенностей динамических процессов, характерных для антропонимикона г. Витебска в XVII–XX вв.

Наиболее ранним из документов, в котором нашел достаточно полное отражение антропонимикон г. Витебска, является «Инвентарь целого города Его Королевской Милости Витебска с принадлежащими ему некоторыми доходами Ярошем Маскевичем Дворянином Его Королевской Милости при даровании права Магдебургского списанный в году 1641 7 дня». Составленный на старобелорусском языке и изложенный на латинице, он хранится в рукописном отделе библиотеки Академии наук Литвы и до настоящего времени целиком ни где не опубликован. Детальное описание антропонимного поля «Инвентаря...» в контексте формирования общерусской и белорусской систем именования впервые было осуществлено А.М. Мезенко [1–2]. Сведения о развитии антропонимикона жителей Витебщины в XIX в. получены путем анализа системы личных имен «Памятной книжки Витебской губернии на 1861 год» [3], хранящейся в краеведческом отделе Витебской областной библиотеки им. В.И. Ленина. В качестве материала для изучения ситуации именаречения во второй половине XX в. использовались актовые записи о рождении по Железнодорожному, Первомайскому и Октябрьскому районам г. Витебска за 1941–44–1994 гг., собранные на шести хронологических срезах с интервалом в десять лет.

Сопоставление количественных показателей динамики системы личных имен горожан на протяжении трех столетий свидетельствует о значительном сужении границ современного мужского именника. Количество мужских именований, зарегистрированных в 1641 г. (114 [2, с. 33]), почти в два раза превышает показатель 1994 г. (77 именований), максимальный в XX в., и приближается к сумме личных антропонимов за всю вторую половину XX в. (147 единиц). Общими для именословных систем XVII и XX вв. являются

45 имен: Адам, Александр, Алексей (XVII в. – Аляксей, Алёшка), Андрей (XVII в. – Андрэй, Андрэйка), Антон, Артём, Афанасий (XVII в. – Апанас), Василий (XVII в. – Васіль, Васька, Васка, Базыль), Владимир, Григорий (XVII в. – Грыгорый, Рыгор, Грышка), Давыд (XVII в. – Давід), Даниил, Денис (XVII в. – Дзяніска), Дмитрий, Ермолай (XVII в. – Ярмола), Захар (XVII в. – Захар, Захарка), Иван/Ян (XVII в. – также Иванка, Янка), Илья, Исаак, Кирилл (XVII в. – Кірыл, Курыла), Лаврентий (XVII в. – Лаўрын), Леон (XVII в. – Лявон), Марк, Матвей, Михаил (XVII в. – Міхаіл, Міхал, Міхалка, Мішка), Никита (XVII в. – Мікіта), Николай (XVII в. – Мікалай, Мікола), Никон, Овсей (XVII в. – Аўсей), Осиф (XVII в. – Восіп), Павел, Пётр, Прокофий (XVII в. – Пракоп), Роман, Самуил, Семён, Сергей, Станислав (XVII в. – Стас, Стась), Степан (XVII в. – Сцяпан, Стэфан, Стафан), Тимофей (XVII в. – Цімафей, Цімох), Устин, Фёдор (XVII в. – Фёдар, Федзя, Ходзька), Юрий (XVII в. – Юрый, Юрка, Юрко), Яков (XVII в. – Якаў, Яшка, Якуб, Яцак), Ярослав (XVII в. – Яраш). Таким образом, во второй половине XX в. (1941–44–1994 гг.) городской антропонимикон качественно обновился на **69,39%**.

Мужской именник жителей Витебской губернии XIX в. включает в себя **227** антропонимов.

Наблюдение за изменением популярности десяти мужских личных имен, наиболее употребительных в г. Витебске в середине XVII, XIX и конце XX в. (1994 г.), позволяет выделить конкретные именованья, проявляющие сходные фреквентативные показатели на широком хронологическом срезе: лидирующие десятки XVII–XX вв. совпадают только в **одном** имени (Андрей XVII в. – **3** / XIX в. – **9** / XX в. – **3** ранг), XVII и XIX – в **четырёх** (Иван – абсолютный лидер, Василий – абсолютное 6-е место, Андрей XVII в. – **3** / XIX в. – **9**, Михаил – **7/14**), XIX и XX – в **трех** (Андрей; Александр XIX в. – **3** / XX в. – **1**, Антон – **5/10** ранг). В десятку самых популярных мужских имен витеблян в 1641 г. вошли антропонимы Иван, Фёдор, Андрей, Григорий, Богдан, Василий, Михаил, Семён, Степан, Яков; в 1861 г. – Иван, Николай, Александр, Иосиф, Антон, Василий, Пётр, Игнатий, Андрей, Станислав; в 1994 г. – Александр, Дмитрий, Андрей, Евгений, Сергей, Алексей, Владислав, Артём, Павел, Игорь, Антон. Однако главный вывод кроется не в формальном совпадении цифр, а в том, что из всех личных именованных с повышенной частотностью, зафиксированных в XVII и XIX вв., в именослове XX в. не отмечены только **два** (Иосиф, Богдан) и наоборот: всего **3** антропонима, общих для XIX и XX вв., не представлены в «Инвентаре...» 1641 г. (Владислав, Евгений, Игнатий). Это является ключевым подтверждением стабильности и преемственности именника жителей г. Витебска в диахронии.

СКО (**средний коэффициент одноименности**, вычисляется по методике В.Д. Бондалетова путем деления числа новорожденных на количество имен конкретного хронологического среза [4]) на протяжении XVII в. – 70-х гг. XX в. проявляет тенденцию к увеличению, однако если за период 1641–1861 гг. усиление номинативной нагрузки на каждое имя составило всего **2,7** единицы (в 1641 г. СКО равен **3,4**, а в 1861 г. – **6,1**), то за период 40–70-х гг. XX в. углубление концентрации именослова происходит в четыре раза быстрее (рост СКО составляет уже **29** единиц). Резкий, социально-исторически обусловленный перелом направленности концентрации в сторону ее сокращения начинается лишь с 80-х гг. XX в., не достигая тем не менее рекордно низкого для 2-й половины XX в. уровня 1941–44 гг.

«Инвентарь...» 1641 г., равно как и «Памятная книжка... на 1861 год», фиксирующие разные способы именованья жителей города и губернии, отражают сосуществование в XVII–XIX вв. двух канонических именных систем – православной, или византийско-греческой, и католической, или римской, что объясняется географическим и историческим своеобразием региона. Как известно,

2-я половина XVI – 1-я половина XVII в. на белорусских землях после объединения Великого княжества Литовского с Польшей в Речь Посполитую (в соответствии с Люблинской унией 1569 г.) проходят под знаком активизации католицизма и его борьбы с православными братствами, выступающими против ополячивания, окатоличивания, национального гнета. И все же в Витебске, исконно православной части Великого княжества Литовского, римско-католический именовослов не получил широкого распространения: из 114 именований 3 соотносятся только с именами католических святых и не имеют соответствия в православных месяцесловах (*Геранім; Зенка ← Зянон; Стас, Стась ← Станіслаў*). «Те же, которые канонизированы как православной, так и католической церквами, чаще употребляются в форме, соответствующей византийско-греческой системе именования мужчин» [2, с. 37].

Число специфических католических имен в XIX в. растет, достигая уже 46 единиц (имена приводятся в орфографии источника): *Адольфъ, Альфонсъ, Артуръ, Бернардъ, Болеславъ, Брониславъ, Бургардъ, Вацлавъ, Витольдъ, Вольдемаръ, Генрихъ, Гervасій, Граціанъ, Густавъ, Доминикъ, Іосафатъ, Казиміръ, Клеовасъ, Ксаверій, Леонардъ, Леопольдъ, Людвикъ, Мамертъ, Марцелій, Наполеонъ, Норбертъ, Оттонъ, Раймондъ, Ричардъ, Робертъ, Розалій, Ромуальдъ, Рудольфъ, Селивонъ, Сигизмундъ, Станиславъ, Фелиціанъ, Фердинандъ, Флорентинъ, Флоріанъ, Францъ, Цезарій* (гиперкорректная форма имени *Цезарь*, оформленная финалью по православному образцу), *Эдмундъ, Эдуардъ, Эмилиѳ, Янь*. 7 личных именований в противовес восточной (православной) традиции имянаречения являются двойными: *Людвигъ-Вардоломей, Людвигъ-Іосиф, Модестъ-Генрихъ, Платонъ-Александръ, Романъ-Викторъ, Фридрихъ-Августъ, Яковъ-Аполлинарій*. Вероятнее всего, наблюдаемое расширение употребительности католических именований связано со спецификой анализируемого документа, охватывающего «рописание чиновъ» всей Витебской губернии. Исследователи-краеведы, в том числе филологи, неоднократно указывали на различие в образе мышления и стереотипах поведения «белорусов-литвинов», исторически проживавших в западных частях Великого княжества Литовского, в большинстве своем католиков, и этнически инертных «белорусов-русинов», обитавших в переходной зоне между литвинским и великорусским этническими ареалами, в восточной части Великого княжества и западных районах России [5]. Воссоединение ряда белорусских земель с Российской империей в результате трех разделов Речи Посполитой создало благоприятную почву для проявления русинской подосновы национального самосознания, наиболее заметной в конфессиональном отношении: в г. Витебске в 1861 г. действовало 40 православных церквей, тогда как единоверческих всего 2, католических 3, протестантских 1, еврейских молитвенных школ 6 и синагога 1 [3, ч. II, с. 7]. Сохранение католических традиций в сфере имянаречения, очевидно, поддерживается за счет западных уездов Витебской губернии.

Некоторые антропонимы, входящие в первую часть «Памятной книжки... на 1861 год» [3, с. 1–217], социально маркированы с точки зрения их исключительной принадлежности православному духовенству. Так, только среди чинов Духовного ведомства православного исповедания зарегистрированы личные имена *Анатолий* (2 употребления), *Дезидерій, Іадоръ, Іасонъ, Ілїодоръ, Іоакимъ, Ксенофонтъ, Методій, Паисій* (по 1). Показательно, что среди чинов католического вероисповедания встречаются канонические имена в византийско-греческом фонетическом оформлении, как то *Іоанн, Венедиктъ, Димитрій, Михаїлъ*. Возможно, это является прямым следствием ограничения деятельности католической церкви после восстания шляхты 1830–31 гг. за реставрацию Речи Посполитой в границах 1772 г.

Инвентарь и «Памятная книжка...» – особые документы, в которых регистрируются соответственно владельцы собственности (домов, огородов, магазинов и т.п.) и чиновники различных ведомств (гражданского, духовного, военного, ведомства народного просвещения), то есть в основном мужчины, в связи с чем в исследуемых источниках женские формы имен встречаются sporadически. В «Инвентарь...», например, включены главным образом именованные вдов, производные от антропонимных обозначений мужа (андрони-мы): «дом і агарод Анохінай удавы, Істомінай удавы, Масляннікавай удавы, Шлёмавай удавы... » и т.д. [1, с. 64]. В «Памятной книжке...» (часть I) содержится 21 женское имя, из них 12 канонизировано только католической церковью (*Амалія, Клара, Марьянна, Павлина, Доминика, Эмилија, Францишка, Розалія, Констанція, Домицелія, Болеслава, Вильгельмина*), одно – только православной (*Анимаиса*), 8 – и католической и православной (*Анна, Мария, Елена, Екатерина, Софья, Ефросинія, Дарья, Любовь*).

Активизация антропонимических процессов в женской подсистеме именника, начавшаяся после Октябрьской революции, закономерно привела к расширению его границ: во второй половине XX в. активная часть женского именослова насчитывает 211 имен. Зафиксированные в XIX в. имена *Клара, Марианна, Павлина, Эмилия, Розалия, Ефросиния* стабильно не выходят за рамки группы единичных антропонимов. Разной степенью популярности в зависимости от особенностей тенденций имянаречения на конкретных временных срезах отличаются *Анна, Мария, Елена, Екатерина, Дарья, Любовь*.

Витебск на разных этапах истории в силу благоприятного географического положения являлся крупным торговым и административным центром с достаточно интенсивными миграционными процессами. Исторически одной из наиболее крупных национальных диаспор в г. Витебске была еврейская. Анализ репертуара имен третьей части «Памятной книжки... на 1861 год» наглядно показывает, что определенными ремеслами в Витебске XIX в. занимались преимущественно евреи, принешие в антропонимикон города имена *Мовша* (4 фиксации: золотых дел мастер, жестяных дел мастер, сапожник, скорняк); *Изроель / Изроль* (2: жестяных дел мастер, сапожник); *Шлома* (вариант имени *Соломон*) и *Давыд* (владельцы салосвечных заводов); *Нохимъ, Соломонъ, Зорохъ* (золотых дел мастера); *Залманъ* (6 фиксаций: золотых дел мастер, кондитер, 2 сапожника, переплетчик, красильщик); *Гирша* (кондитер); *Шмуйла* (переплетчик); *Вайбишъ, Вульфъ, Осерь* (мужские портные); *Беръ-Лейба* (сапожник). В списке чиновников разных ведомств наряду с некоторыми из вышеперечисленных отмечены также личные антропонимы *Айзикъ, Берка, Гирша, Евзель, Евна, Зеликъ, Лейба, Мееръ, Мендель, Мордухъ, Носонъ, Хаимъ, Шебшель, Шевель, Янкель*. Небезынтересным представляется тот факт, что повышенную распространенность в исследуемом документе проявляют имена *Залманъ* (немецкий вариант имени *Соломон*; 7 носителей), *Гирша* (6), *Соломон / Шлома / Шлюма* (5), а наиболее употребительные мужские личные именованные еврейского населения Беларуси в XVI–XVIII вв. (по данным А.Н. Фиранчук [6]) *Носонъ, Хаимъ, Мееръ* в совокупности обслуживают только 4-х имяносителей.

Во второй половине XX в. в результате политики геноцида немецко-фашистских захватчиков периода Великой Отечественной войны и активной репатриации 60–90-х гг. происходит сокращение местной еврейской этнической общности. Из всего богатства специфических еврейских личных имен «Памятной книжки... на 1861 год» XX в. унаследовал только два – *Айзик* и *Файвиш* (оба отмечены в 1954 г.). Как правило, современные витебские евреи пользуются именами, канонизированными православной церковью (*Яков, Аркадий, Юрий, Евгений, Игорь, Вячеслав, Михаил, Наталья, Галина, Ирина, Маргарита* и др.), либо западноевропейскими заимствованиями (*Эдуард,*

Анжелика, Элла, Жанна, Инесса и др.), что целиком соответствует принятым в их среде традициям имяназвания. Недаром в научных работах по ономастике, начиная с 60-х гг. XX в., ведется дискуссия о том, существует ли в принципе самобытная еврейская антропонимика.

В настоящее время влияние национальности родителей на процесс имяназвания ощущается лишь в отдельных случаях. Обычно представители иных национальностей называют детей популярными именами, получившими широкое распространение среди белорусов. К примеру, имя *Александр* присвоили своим сыновьям белорусы и русские, евреи и цыгане, украинцы и поляки, литовцы, болгары, молдаване, греки, чуваша, осетины; *Татьяной* называли новорожденных девочек не только представители восточнославянских народов, но и латыши, литовцы, поляки, татары, мордвина, чуваша, молдаване, вепсы.

По сравнению с антропонимной системой XVII в., именослов горожан XIX и XX вв. демонстрирует меньшие возможности варьирования. Сокращенные и качественные формы антропонимов, выступающие в памятниках деловой письменности XVI–XVIII вв. в качестве стилистически нейтрального средства дифференциации лиц с идентичными календарными именами, в перечне губернских чиновников 1861 г. не засвидетельствованы, вероятнее всего, под влиянием специального указа Петра I от 1701 г., запрещающего употребление «полуимен» в официальной номенклатуре. В официально-деловых документах XX в. эмоционально-оценочные и гипокористические формы приобретают статус самостоятельных единиц номинации (а не вариантов) и характерны главным образом для женской подсистемы регионального именника.

В целом развитие городского антропонимикона на протяжении трех столетий циклично. Основной движущей силой динамики являются языковые процессы концентрации, стабилизации, расширения/сокращения именного репертуара, а также различные внеязыковые (социолингвистические) факторы. Системность и преемственность именослова витеблян поддерживается за счет употребления традиционных белорусских канонических личных имен (преимущественно православного репертуара), а его качественное обновление к концу XX в. составляет **69,39%**.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Мезенка, Г.** Мужчынскія ўласныя імёны гараджан Віцебска ў сярэдзіне XVII ст. / Г. Мезенка // Віцебскі сшытак. – 1996. – № 2. – С. 64–69.
2. **Мезенка, Г.М.** Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць: манаграфія / Г.М. Мезенка, В.М. Ляшкевіч, Г.К. Семанькова. – Віцебск: УА «ВДУ імя П.М. Машэрава», 2006. – 238 с.
3. **Памятная книжка Витебской губернии на 1861 год** (с картой губернии). – Витебск: Типография Губернского Правления, 1861. – 356 с.
4. **Бондалетов, В.Д.** Русская ономастика: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
5. **Рогалев, А.Ф.** От Гомеля до Гомеля: Городская старина в фактах, именах, лицах / А.Ф. Рогалев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гомель: ОДО «Барк», 2006. – С. 106–107.
6. **Фіранчук, А.М.** Мужчынскія ўласныя імёны яўрэйскага насельніцтва Беларусі ў XVI–XVIII стст. / А.М. Фіранчук // Беларуская аанамастыка: зб. арт. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – С. 34.

S U M M A R Y

The aim of the research is to analyze the specific features of the active dynamic process in the anthroponymy system of Vitebsk region in the XVIIth–XXth centuries. The major reasons for the anthroponymy dynamics are the language process of concentration, stabilization, widening/reduction of the name repertoire, as well as various sociolinguistic factors.

Поступила в редакцию 20.01.2009

Я.Н. Марозава

Пра фанематычны статус гука [g] і яго месца ў фаналагічнай сістэме сучаснай беларускай літаратурнай мовы

Пры апісанні фаналагічнай сістэмы сучаснай беларускай літаратурнай мовы (вызначэнні колькаснага складу фанем і заканамернасцей іх функцыянавання) фанематычны статус некаторых гукаў падаецца супярэчліва. У прыватнасці, адным з такіх гукаў з'яўляецца змычна-выбухны па спосабе ўтварэння звонкі зычны гук [g].

Як вядома, у беларускай мове асноўным і нарматыўным з'яўляецца гук [ɣ] – з фрыкатыўны, шчылінны па спосабе ўтварэння, а [g] – арфаэпічная норма рускай мовы: бел. [ɣ]орад, [ɣ]од – руск. [g]ород, [g]од. Наяўнасць гука [g] у лексіцы беларускай мовы сведчыць пра запазычанасць слова: *[g]анак* (польск. < ням.), *[g]узік* (польск.), *[g]анталь* (ням.), *[g]валт* (польск.), *[g]эбель* (польск. < ням.), *[g]онта* (польск.), *шва[g]ер* (ням.), *[g]арнец* (польск.), *[g]арсэт* (фр.), *джы[g]ім* (цюрк.), *джы[g]а* (англ.), *цу[g]лі* (польск. < ням.) і інш.

Адносна фанематычнасці [g] у даследчыка фаналогіі беларускай мовы А.І. Падлужнага ёсць розныя меркаванні. Так, у манаграфіі «Фаналагічная сістэма беларускай літаратурнай мовы» ён піша, што наяўнасць гука [g] заўсёды сведчыць пра запазычанасць слова, і колькасць такіх слоў нязначная: *швагер, швагерка, гвалт, гарнец, ганак, гузік, гонта, нягеглы, гірса, газа, лязг, рэзгіны, мазгі, розгі*. Некаторыя з гэтых слоў, на думку вучонага, могуць вымаўляцца з фрыкатыўным [ɣ], што стварае арфаэпічныя дублеты. Мінімальныя пары слоў [скарочана МП], якія выяўлялі б фаналагічнае супрацьпастаўленне [g] і [ɣ], даследчыкам не выяўлены, прыводзіцца толькі сегментная МП: *гон(та) – гон(ка)*. На аснове гэтага А.І. Падлужны робіць вывад, што розніца паміж гукамі [g] і [ɣ] выкарыстоўваецца хутчэй у стылістычных мэтах, чым для адрознення слоў. Таму гукі [g] і [ɣ], на яго думку, неабходна аб'яднаць у адзін гукатып (фанему), бо розніца паміж імі не мае фанематычнага значэння, г.зн. гук [g] трэба разглядаць як варыянт фанемы [ɣ] [1].

У вучэбным дапаможніку для студэнтаў «Фанетыка беларускай мовы» гэты ж вучоны ўжо менш катэгарычны. А.І. Падлужны адзначае, што фанематычнасць гука [g] выклікае сумненне, бо ёсць, напрыклад, МП: форма роднага склону назойніка жаночага роду *[g]аза* (руск. *керосин*) і форма назойнага склону множнага ліку назойніка *[ɣ]аз: [g]азы – [ɣ]азы*. Гэта розныя па значэнні словы. Аднак – мяркуе лінгвіст – «наўрад ці магчыма суадносіць [g] выбухны з асобнай фанемай, бо гэты гук сустракаецца толькі ў запазычаных словах і назіраецца тэндэнцыя да замены яго [ɣ] фрыкатыўным. У падобных выпадках прынята гаварыць аб свабодным вар'іраванні, а гук [g] разглядаць як факультатыўны варыянт фанемы [ɣ]» [2].

У «Фанетыцы беларускай літаратурнай мовы» [3] і ў «Беларускай граматыцы» [4] А.І. Падлужны паўтарае вывад пра тое, што гук [g] – факультатыўны варыянт фанемы [ɣ], але пры пераліку фанем беларускай мовы чамусьці ўключае [g] у склад фаналагічнай сістэмы як асобную самастойную фанему,

тым самым прэчачы самому сабе. Што да аўтараў падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў для ВНУ па беларускай літаратурнай мове, то яны, як правіла, прымаюць адзін з вышэйназваных падыходаў – лічаць [g] або асобнай фанемай, або варыянтам фанемы [ɣ].

Аналіз лексікі сучаснай беларускай мовы паказвае, што ў нарматыўных акадэмічных слоўніках сучаснай беларускай літаратурнай мовы [5–6] зафіксавана больш слоў з [g], чым звычайна выкарыстоўваецца для ілюстрацыі ў вучэбных дапаможніках і граматыках, а іменна: не толькі **газа**, але і вытворныя ад яго **газніца**, **газнічка**, **газоўка** (разм.); **гарнец** і вытворныя ад яго **гарчык** (памянш.), **гарцавы**; **гонта** і вытворныя **гонтавы**, **гантарэзка**; **гвалт** і вытворныя **гвалтоўны**, **гвалтоўна**, **гвалтаваць**, **гвалтаўнік**, **гвалтоўніцкі**, **гвалціць**, **гвалціцца**, **гвалчанне**, **гвалтаванне**; **гуз** і **гузак** (разм.); **гіз** і **гізаваць**; **цуглі** і **зацугляць**, **зацугляны**; **джгаць** (разм.), **джыгаць**, **джыгануць**, **джгануць**, **джгнуць** і пад.; а таксама **ганталь**, **гарсэт**, **гергетаць** (разм.), **джыгіт**, **магерка**, **джыга**, **мадыгавацца** (разм.), **гіпс**, **гільза**, **гіль** (разм.), **гзымс** (абл.), фразеалагізм **даставаць гізунты** і іншыя. Дарэчы, рэкамендацыі слоўніка [5] да вымаўлення [g] у запазычаных словах не заўсёды тлумачацца наяўнасцю выбухнога [g] у мове-крыніцы. Так, напрыклад, у нямецкім слове **Hülse** 'гільза', у польскім **Hebel** 'эбэль' першы гук не з'яўляецца выбухным [g].

Большасць вышэйпрыведзеных слоў з [g] – запазычаныя, аднак можна выявіць і іншыя сегментныя МП, акрамя названай А.І. Падлужным **[g]он(та) – [ɣ]он(ка)**. Гэта МП: **[g]арн(ец) – [ɣ]арн(уць)**, **[g]ант(аль) – [ɣ]ант(эль)**, **[g]арцав(ы) – [ɣ]арцав(аць)**, **[g]арч(ык) – [ɣ]арч(ак)**, **цуг(лі) – цу[ɣ](ам)** і іншыя. У прыведзеных сегментных МП гукі [g] і [ɣ] выконваюць сэнсааднароднівальную (фанематычную) функцыю. У якасці дыферэнцыяльных прымет выступаюць змычнасць [g] і шчыліннасць [ɣ] (спосаб утварэння).

З другога боку, як паказвае практыка, у мове носьбітаў беларускай літаратурнай мовы (мовазнаўцаў, настаўнікаў-беларусаведаў, пісьменнікаў, журналістаў, дыктараў радыё і тэлебачання, дзеячаў культуры) выразна выяўляецца тэндэнцыя да разыходжання з кадыфікаванай нормай вымаўлення многіх іншамовных слоў з [g], у прыватнасці, з фрыкатыўным [ɣ] вымаўляюцца словы **а[ɣ]рэст**, **[ɣ]іпс**, **[ɣ]ільза**, **[ɣ]іль**, **[ɣ]аза**, **[ɣ]азніца**, **[ɣ]азнічка**, **[ɣ]азоўка**, **[ɣ]азовачка**, **[ɣ]эбэль**, а таксама ў гаворках паўночна-ўсходняга дыялекту **[ɣ]узік** і некаторыя іншыя. З фрыкатыўным [ɣ] зафіксавана ў слоўніку [5] даволі вялікая колькасць запазычаных слоў: з нямецкай мовы **цугцванг** (шахм.) – у родным склоне **цуг[ɣ]цван[ɣ]у**, **цуг** – у родным склоне **цуг[ɣ]а**, вытворныя ад яго прыметнік **цугавы** і прыслоўе **цугам**, **грыф**¹ (частка струнных музычных інструментаў; рукаятка шаблі і іншай халоднай зброі), **гросбух**, **гросмайстар**, **гуталін**, **глінтвейн**, **грэйфер**, **гном**, **гардзіна**, **гастролі**, **граф**, **група**; з французскай мовы **грым**, **грымаса**, **грып**, **гудрон**, **гратэск**, **грыль**, **грыльяж**, **грыф**² (пячатка з подпісам; афіцыйны надпіс або штамп на дакуменце, бланку), **гувернантка**, **грэна-дзёр**, **гравюра**, **гурман**, **гарнір**, **гарнітур**, **галерэя**, **гараж**, **гарант**, **гарантыя**, **гамбіт**, **гланды** (разм.), **глясэ**; з польскай мовы **гмах**, **глеба**, **грунт**, **гміна**, **гума**, **густ**, **гатунак**; з італьянскай **графіці**, **готыка**, **гратэск**, **гета**; з лацінскай **гравітацыя**, **генерацыя**, **генеалогія**, **генератар**, **генерацыя**, **геніяльны**, **глобус**, **грацыя**; з грэчаскай **графіт**, **гігант**, **гімнастыка**, **глаўкома**, **гастрыт**; з англійскай **гонг**, **гольф**, **гутапёрча**, **гангстэр**, **гrog**, **грызлі**, **грэйдэр**, **гібон**, **грэйпфрут** і многія іншыя запазычаныя з выбухным [g] у мове-крыніцы. Нельга не ўлічваць і шматлікія англа-амерыканізмы, якія запазычаны нашай мовай нядаўна і пакуль толькі некаторыя з іх зафіксаваны ў слоўніках: **гейм**, **гламур**, **герла** (жарг.) і г.д.

Пры запазычванні выбухны [g] у беларускай мове ў слабай пазіцыі асімілюецца ў сярэдзіне слоў і супадае з парным глухім на канцы слоў у слабай пазіцыі нейтралізацыі, дзе вымаўляецца глухі шчылінны [x], а не глухі змычны [k]: *цу[x]цван[x], гро[x]*. У моцнай пазіцыі гэтаму гуку [x] адпавядае фрыкатыўны [ɣ], паколькі тут чаргаванне яўна фанетычна пазіцыйнае: *цугцван[x] – цугцван[ɣ]у, цу[x] – цу[ɣ]а, гро[x] – гро[ɣ]у*. Пазіцыйнасць жа чаргавання [g] – [k] можна наглядна прадэманстраваць у наступных выпадках: *маз[g]і – мо[ск], ляз[g]аць – ля[ск], роз[g]а – роза[k]*. Пазіцыйнасць чаргавання асноўнага прадстаўніка [g] з алафонам [k] толькі пацвярджае сістэмнасць карэляцый [ɣ] – [x], [g] – [k] і прыналежнасць гукаў [g] і [ɣ] да розных асобных фанем.

Значыць, можна канстатаваць, з аднаго боку, наяўнасць у беларускай літаратурнай мове самастойнай цвёрдай звонкай фанемы [g], а з другога боку – адыход ад тэарэтычных кадыфікаваных рэкамендацый вымаўлення іншамовных слоў з гукам [g] у практычным выкарыстанні носьбітамі мовы многіх з такіх слоў, тэндэнцыю да выцяснення выбухнога [g], замены яго на фрыкатыўны [ɣ]. Пашыранасць з'явы выцяснення [g] у мове носьбітаў беларускай літаратурнай мовы і далейшае ўдакладненне рэкамендацый па вымаўленні іншамовных слоў з гукам [g] у слоўніках і граматыках патрабуе асобнага эксперыментальнага даследавання з выкарыстаннем спецыяльнага тэхнічнага абсталявання.

Што да карэляцыі гукаў [g] – [g'], то пазіцыйнае чаргаванне іх абмежавана: *маз[g]і – маз[g]оў, маз[g]авіты, маз[g]авы, маз[g]аўня, роз[g]а – роз[g]і, джы[g]а – джы[g]і, шва[g]ру – шва[g]ер*. Гэта дазваляе толькі ўстанавіць парнасць [g] – [g'] па цвёрдасці/мяккасці. Фаналагічна змычна-выбухныя [g] – [g'] па прымеце «цвёрдасці/мяккасці» не супрацьпастаўлены: адсутнічаюць не толькі МП слоў, але і сегменты. Таму гук [g'] – алафон цвёрдай фанемы [g]. У адносінах да фаналагічнай падсістэмы запазычаных і рэдкаўжывальных слоў, на якую часта робіцца агаворка пры выдзяленні фанемы [g], трэба адзначыць, што мяжа паміж гэтай падсістэмай і агульнаўжывальнымі словамі размываецца і выглядае даволі ўмоўнай.

Зразумела, што паміж фанематычнасцю [g] і [ɣ] і, скажам, [д] – [т] ці [з] – [с] ёсць розніца: карэляцыі фанем [д] – [т], [з] – [с] і падобных відавочныя: *дом – том, зала – сала*, а супрацьпастаўленне [g] – [ɣ] менш прадстаўлена ў беларускай мове. Фанему [g] можна лічыць новай, інтэрферыраванай (прыўнесенай) у беларускую мову, у якой яна знаходзіцца на стадыі станаўлення. Відаць, фанема [g] не зможа паўтарыць шлях, пройдзены ў свой час фанемай [ф], якая ўласціва таксама толькі словам іншамовнага паходжання: *[в]аза – [ф]аза, [в]он – [ф]он, [в]інт – [ф]інт*.

Такім чынам, на сённяшні дзень фанематычнасць выбухнога гука [g] пацвярджаецца наяўнымі ў мове МП, аднак, у той жа час, выяўляецца і выразная тэндэнцыя да замены выбухнога [g] у іншамовных словах фрыкатыўным гукам [ɣ], што ў будучым можа прывесці да страты выбухным [g] у беларускай мове статуса самастойнай фанемы.

ЛІТАРАТУРА

1. *Падлужны, А.І.* Фаналагічная сістэма беларускай літаратурнай мовы / А.І. Падлужны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – С. 67.
2. *Крывіцкі А.А.* Фанетыка беларускай мовы / А.А. Крывіцкі, А.І. Падлужны. – Мінск: Выш. школа, 1984. – С. 101.
3. *Фанетыка беларускай літаратурнай мовы* / рэд. А.І. Падлужны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – С. 122.

4. **Беларуская граматыка:** у 2 ч. / рэд. М.В. Бірыла, П.П. Шуба. – Мінск, 1985. – Ч. 1. – С. 11–12.
5. **Слоўнік беларускай мовы:** Арфаграфія. Арфаэпія. Акцэнтацыя. Словазмяненне / пад рэд. М.В. Бірылы. – Мінск, 1987.
6. **Тлумачальны слоўнік беларускай мовы:** у 5 т. – Мінск, 1977–1984.

S U M M A R Y

Different approaches to the phonemicity of the sound [g] in the Belarusian language are examined. The specific characters of the sound [g] phonemic status, its place in the phonological system of the Modern standard Belarusian language are discussed. The statement of the disparity between the codification of the pronunciation norms of many loan-words with the plosive [g] and its pronunciation usage among the Belarusians – the replacement of the plosive [g] by the fricative [ʝ].

Поступила в редакцию 30.07.2007

УДК 821.161.3.0

В.Ф. Падстаўленка

Паэма «Тарас на Парнасе» ў кантэксце беларускай камічнай плыні

Сярод мноства неаспрэчных вартасцяў бурлескна-травесцыйных паэм «Энеіда наываварат» і «Тарас на Парнасе» (удалы выбар жанравай формы, пратаганіста і г.д.) трэба адзначыць і той факт, што іх узнікненне распачало мастацкую тэндэнцыю да стылёвай неаднароднасці, сінтэтычнасці ў беларускай камічнай літаратуры. Названыя творы злучылі мастацкі вопыт камічнага ранейшых перыядаў з жанрава-стылёвымі навацямі. Таму, думаецца, ёсць неабходнасць прасачыць асноўныя вяхі станаўлення камічнай літаратуры ў кантэксце нацыянальнай мастацкай традыцыі.

Найперш трэба нагадаць, што смехатворчасць развіваецца ў дзвюх узаемазвязаных паміж сабой мадыфікацыях: вусная народная творчасць і ўласна мастацкая літаратура. Апошняя ў сваю чаргу прадстаўлена аўтарскім і ананімным варыянтамі бытавання. Самабытныя характарыстыкі народнай смехавай культуры – яе універсальнасць, крытыцызм, пэўнае вальнадумства і апазіцыйнасць – і паслужылі ідэяй падставай для фарміравання ўласна камічнай літаратуры.

У старажытнай беларускай прозе адным з першых твораў з элементамі сатырычнага завастрэння стала «Аповесць мінулых гадоў» (XI ст.), тут аўтарская ацэнка персанажаў выражаецца пры дапамозе камічных антрапонімаў: першага ваяводу князя Яраполка летапісец называе Лютам, а другога – Блудам. У паэме «Слова пра паход Ігаравы» (XII ст.) аўтарская занепакоенасць феадальнымі міжусобіцамі і палітычнай непрадбачлівасцю князёў выражаецца ў спробе камічна інтэрпрэтаваць тагачасную «дыпламатычную» формулу-тэзу: замест «се мое, а то твое» ўзнікае варыянт «се мое, а то мое же» з выразным іранічным падтэкстам [1].

Прагрэсіўнай з'явай у гісторыі айчыннага прыгожага пісьменства было развіццё ананімнай літаратуры. Творы, якія па фармальнай прыкмеце (нявыяўленасці дакладнага аўтарства) адносяцца да гэтай плыні, – гэта плён працы невядомых, апазіцыйна настроеных у пытаннях палітыкі і рэлігіі творцаў. Так, у другой палове XVI стагоддзя ў Брэсцкім друкарскім двары быў напісаны шэраг ананімных твораў сатырычнага зместу: «История о папе Иоане этого

времени восьмом...» (1560), «Протей или оборотень» (1564), «Порядок чертовского закона» (1570) [2].

Камічна-публіцыстычнае асвятленне грамадскіх супярэчнасцяў таго часу (канфрантацыя паміж Польшчай і Вялікім княствам Літоўскім, дэспатызм кіруючых класаў і духавенства, рэгрэсіўна-схаластычны характар асветніцтва) дае права аднесці пералічаныя творы да жанру палітычнага памфлета. У межах гэтай жанравай формы напісаны і лепшыя ўзоры палітычнай сатыры XVII ст.: «Прамова Мялешкі» і «Ліст да Абуховіча».

«Прамова Мялешкі» – гэта «літаратурная містыфікацыя выступлення ў сейме» [3], твор-пародыя. «Універсальнасць» (М. Бахцін), усёабдымнасць народнага смеху, прадстаўленага тут, найперш праяўляецца ў вобразнай сістэме твора: усе героі «Прамовы» маюць камічныя рысы, у тым ліку і сам наратар (апавядальнік). Яго кансерватызм і свядомае ігнараванне прагрэсіўных з’яў у навакольным свеце іранічна зніжае гэты ў цэлым дадатны вобраз.

Сярод самабытных характарыстык мастацкага стылю «Ліста да Абуховіча» найперш трэба назваць ідэйную «празрыстасць», арыгінальнасць формы, своеасаблівасць у падборы камічных прыёмаў. Раскрыццё палітычнага ракурсу праблематыкі (спыненне польскай экспансіі) ажыццяўляецца праз прызму інвектыўна-крытычнага паказу рэальнай асобы – ваяводы Смаленска Піліпа-Казіміра Абуховіча. Аўтар па-мастацку перапрацаваў гістарычны матэрыял, у выніку чаго быў напісаны твор шырокага сатырычнага гучання. Камічны аспект «Ліста» значна ўзрастае дзякуючы ўжыванню сродкаў народнай смехавой культуры: а) прынцып камічнага кантрасту ўдала спалучаецца з матывам прыкідвання, што, напрыклад, праяўляецца ў падтэкставай іранічнасці мовы героя; б) характэрна актыўнае выкарыстанне народных прыказак, прымавак, трапных параўнанняў.

Названыя ўзоры палітычнай сатыры засведчылі агульную накіраванасць тагачаснай беларускай літаратуры да мастацкага абагульнення, тыпізацыі і павышэння ступені эстэтычнасці і мастацкасці.

Новым этапам у развіцці камічнай плыні стала літаратура барока, а найбольш паказальным прыкладам «смехавых» асаблівасцяў барочнага мастацтва можна лічыць паэзію С. Полацкага. Яго гумарыстычна-сатырычная творчасць (вершы «Аплаканае шчасце багачоў», «Виншоване... Кржыжановскаму», «Стихи утешные к лицу единому», «Купецтво», «Монашество» і інш.) увабрала ў сябе ўсходнеславянскія і заходнія мастацкія традыцыі. Для стылю С. Полацкага характэрна маралізатарска-дыдактычная пазіцыя аўтара, мастацкая форма эмацыянальнага маналога наратара з апеляцыяй да пачуццёвай сферы рэцыпіента, прыём камічнага кантрасту, парадаксальнасць, гратэскавасць і алегарычнасць вобразаў. Апошнія з пералічаных стылёвых асаблівасцяў – гратэскавасць і алегарычнасць – выступаюць дамінантамі і ў «звярыным гратэску» – парадыйна-сатырычным напрамку «нізкага» барока. Тут на аснове іншасказання і пабудовы «свету наадварот» уздымаюцца важныя сацыяльна-палітычныя і маральна-рэлігійныя праблемы.

Прыём травеставання (зніжэння высокай тэмы) стаў агульнай рысай парадыйна-сатырычнай прозы XVII ст.: «Прамова русіна аб нараджэнні Хрыста», «Казанне рускем схізматычным» і інш. Ідэйны змест названых твораў вызначаецца (думаецца, не без уплыву ідэй эпохі Асветніцтва) вальнадумствам і антыклерыкальным характарам поглядаў.

У межах бурлескнай стылёвай плыні былі створаны паэмы «Энеіда навыварат» і «Тарас на Парнасе». У іх мастацкіх сістэмах максімальна праявілася «схільнасць да шырокіх абагульненняў» (М. Лазарук). На прыкладзе названых паэм заўважаецца тэндэнцыя творчага пераходу да рэалізму ў працэсе перасэнсавання мастацкага матэрыялу. Гэтая акалічнасць стала дэтэрмінантай трансфармацыі функцый смеху ў паэмах. Ён перастае быць толькі пацяшаль-

ным, бо пачынае ўвасабляць сабой народныя погляды на дадатнасць і эстэтычнасць асобы.

У паэме «Тарас на Парнасе» – творы, відавочна арыгінальным, незалежным ад літаратурнай першакрыніцы, – парадыйнасць набываюць толькі сістэма міфалагічных персанажаў і звязаныя з імі сюжэтныя перыпетыі. Травесцыйны, камічна зніжаны характар інтэрпрэтацыі вобразаў багоў мае на мэце, згодна Э. Садаўнічага, не столькі выкрыццё выяўленчых прынцыпаў класіцызму, колькі падкрэсліванне грамадскай патрэбы ў мастацтве, максімальна набліжаным да жыцця.

Стылёвая сінтэтычнасць названай паэмы праяўляецца ў розных аспектах арганізацыі твора. Падкрэслім толькі некаторыя.

Хранатоп «Тараса на Парнасе» дыферэнцыруецца на канкрэтна-рэалістычную і ўмоўна-гратэскавую падсістэмы. Прэпазіцыю займае апошняя мадыфікацыя прасторава-часавай арганізацыі. Менавіта на яе падставе разгортваецца цэнтральны эпизод знаходжання пратаганіста ў «іншасвеце». Адзнакі канкрэтна-рэалістычнага хранатопу прадстаўлены ў прадмове і эпilogу твора. Тут даецца характарыстыка галоўнага героя і фіксуецца своеасаблівае светапоглядная эвалюцыя яго поглядаў.

У названых структурных частках мастацкая фактуальнасць перадаецца сцісла, фрагментарна і мае выразны канстатуючы характар. Такім чынам, дзякуючы прадмове і эпilogу хранатоп паэмы «Тарас на Парнасе» экстансіфікуецца (пашыраецца), ствараецца рэалістычна афарбаванае сюжэтнае абрамленне і тым самым узмацняецца праўдападобнасць рэтраспектыўна апісаных падзей. У межах умоўна-гратэскавага хранатопу твора адбываецца трансфармацыя мастацкага свету, яго дыспрапарцыянальнасць і, як вынік, суб'ектыўна інтэрпрэтуемы падбор аб'ектаў апісання.

Сінтэтычнасць, складанасць уласціва і агульнаму прынцыпу мастацкай пабудовы паэмы. Архітэктоніка твора пабудавана па схеме «апавед у апаведзе». Трэба зазначыць, што вобраз апавядальніка выконвае ў паэме бінарную функцыю: узмацняе эффект рэалістычнасці апаведу і актывізуе стыхіі як камічнага, так і рамантычнага. Бо сутнасна галоўны герой уяўляе сабой дасціпную асобу, эрудыта-аналітыка, «звышчалавека» ў «звышабставінах».

Выбар пратаганіста абумоўлены аўтарскай задумай аб'ектыўна і даступна раскрыць некаторыя грамадскія працэсы, прынамсі, з'яву псеўданароднасці ў літаратуры. Гэтым жа імкненнем тлумачацца і пераважна ўмоўна-гратэскавы тып прасторава-часавай арганізацыі твора, парадыйнасць сістэмы вобразаў, якая базіруецца на камічным прыёме *дэгераізацыі* і, урэшце, распаўсюджанасць бурлескна-травесцыйных элементаў. Сярод апошніх у паэме асабліва часта сустракаюцца наступныя: хуткая змена сітуацый, цікавасць да нечаканых паваротаў, адзнакі натуралістычных апісанняў і грубых жартаў, ужыванне «карнавальных мезальянсаў» (М. Бахцін) пры характарыстыцы вобразаў багоў, эксцэнтрычнасць іх паводзін, камічнае ўзбуйненне, карыкатурнасць партрэтных дэталей і інш.

Думаецца, бурлескна-травесцыйныя прыёмы і сродкі ў пэўнай ступені змяняюць эстэтычную вартасць паэмы. Між тым стылёвае эксперыментаванне з пералічанымі вышэй камічнымі элементамі поўнасцю апраўдана, бо яны давалі магчымасць аўтару абапірацца на фальклорную традыцыю і трывала звязвалі плён нацыянальнай літаратуры з сусветнай камічнай плыню.

І ў далейшым літаратурным працэсе вусная народна-паэтычная творчасць працягвала істотна ўплываць на развіццё беларускай літаратуры. Па сведчанні літаратуразнаўцаў, «анекдатызм, празмерная залежнасць ад фальклорных першакрыніц» з'яўляецца вынікам «арыентацыі на спецыфічную чытацкую аўдыторыю» (А. Матрунёнак), а таксама найкарацейшым спосабам «да-

магчыся даступнасці формы і ўсеагульнасці разумення зместу» (В. Каваленка). Уздзеянне фальклору на мастацкую творчасць XIX – пач. XX ст. адбывалася ў розных варыяцыях: ад літаратурнай апрацоўкі фальклорнай фабулы да напісання аўтарскіх, аўтэнтычных твораў з праяўленнем фальклорнасці як элемента творчай канцэпцыі (А. Макарэвіч) [4].

У гэтай сувязі выклікае цікавасць зборнік Яна Баршчэўскага «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях», які, дарэчы, не лічыцца ў навуковым свеце носьбітам «вясёлага» камізму. Часткова з такім меркаваннем можна пагадзіцца на той падставе, што ў рамантычным пафасе твора дамінуюць таямнічыя, змрочныя матывы («беларускі гафманізм»). Гэтым абумоўлены і спецыфічны выбар камічных сродкаў. Так, пры абмалёўцы персанажаў, пераважна міфалагічных (Лясун, Белая Сарока, Вогненныя духі і інш.), аўтар ужывае гратэскавыя адценні. Уключаныя ў твор асобныя фальклорныя сюжэты, вобразы, сродкі паэтыкі непасрэдна ўказваюць на пераемнасць Я. Баршчэўскім традыцый народнай смехавой культуры. У прыватнасці, вялікую групу ў «Шляхціцу Завальні» складаюць аўтарскія інтэрпрэтацыі народных жартаў, прыказак, прымавак, сатырычных выслоўяў, а таксама шырока практыкуецца пісьменнікам прыём іранічнай «падсветкі» персанажаў.

Сапраўднай творчай удачай Я. Баршчэўскага можна лічыць сатырычныя вобразы кабет Інсекты і Гордага Філосафа, якія маргінальна сінтэзавалі фальклорныя і індывідуальна-аўтарскія пачаткі (аповесць «Драўляны дзядок і кабета Інсекта»).

У XIX стагоддзі беларуская сатыра актывізуе працэс фарміравання як мастацкая плынь з іманентнымі імператывамі і спецыфічнымі прынцыпамі адлюстравання з’яў рэчаіснасці. Пад уплывам сацыяльна-палітычнага фактара – супрацьстаянне царскаму самадзяржаўю – названы напрамак літаратуры набывае рысы выкрывальнай інвектывы і бытуе ў нелегальнай публіцыстыцы («Мужыцкая праўда»). І толькі ў пачатку XX ст. апавяданнямі «Слабода», «Соцкі падвёў», «Сацыяліст», «Пісаравы імяніны» Я. Коласа быў пакладзены пачатак уласна сатырычнаму кірунку развіцця беларускай прозы.

Фарміраванне камічнай літаратуры ў наступны перыяд, згодна вывадаў А. Макарэвіча, адбывалася такім чынам: «ад гумарыстычнага адлюстравання рэчаіснасці з элементамі карнавалізацыі, анекдатызму дзеля пацяшальнасці чытача да глыбокага сатырычнага асэнсавання праблем быцця» [4, с. 81]. У дадатак трэба адзначыць, што ў XX ст. названы працэс набыў пашыраны характар, і значная роля ў гэтым належыць бурлескна-травесцыйнай паэме «Тарас на Парнасе».

ЛІТАРАТУРА

1. **Коржева, П.Б.** Язык юмора и сатиры: Из истории развития речевых средств в создании комич. эффекта в рус. лит. / П.Б. Коржева. – Алма-Ата: Мектеп, 1979. – С. 24.
2. **Парэцкі, Я.І.** Антырэлігійная сатыра Брэсцкага друкарскага двара ў XVI ст. / Я.І. Парэцкі // Беларуская літаратура: зб. арт. / гал. рэд. М.М. Грынчык. – Мінск: Выд-ва Беларус. дзярж. ун-та, 1979. – Вып. 7. – С. 177–187.
3. **Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры:** у 2 т. / рэдкал.: В.В. Барысенка [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1968. – Т. 1: 3 старажытных часоў да канца XVIII ст. – 1968. – С. 352.
4. **Макарэвіч, А.М.** Праблема жанравых мадыфікацый у беларускай прозе XIX – пачатку XX ст. / А.М. Макарэвіч. – Магілёў: Выд-ва Маг. дзярж. ун-та, 1999. – 332 с.

S U M M A R Y

The article is devoted to the analysis of genre and stylistic peculiarities of Belarusian comic literature.

Поступила в редакцию 28.10.2008

УДК 792.2(476)+821.161.3.0

Т.В. Котович

Коласовская драматургия на Коласовской сцене

На сцене витебского театра, который в 1944 году получил имя Якуба Коласа, а до этого (с 1926 г.) назывался БДТ-2, пьесы и поэмы классика белорусской литературы воплощались шесть раз.

Впервые театр обратился к творчеству Якуба Коласа в 1937 году. Режиссер Виктор Дарвишев поставил пьесу **«Вайна вайне»** (премьера состоялась 11.01.1937 г. Художники А. Босулаев и В. Филиппов. Композитор – М. Красев).

Спектакль выстроен в линейной последовательности раскрытия сюжетной линии драматургического материала, где акцент сделан на эмоционально-смысловых параметрах пьесы. Приоритеты отданы актерскому мастерству. Так, согласно В. Нефёду, для М. Белинской «роля Марыны з'явілася першай вялікай работай, якая з найбольшай паўнатай выявіла яе творчую своеасаблівасць і магчымасці як лірыка-драматычнай гераіні» [1]. Или в роли «сельскага інтэлігента-рэвалюцыянера Алеся М. Звездачотаў падкрэсліваў яго адданасць народу, імкненне зрабіць усё дзеля яго свабоды і шчасця» [1, с. 269]. Или, далее, «сваю» ролю знайшоў у п'есе і Ц. Сяргейчык – ён стварыў вобраз вясковага дзеда Мікіты, выказніка народных думак і спадзяванняў» [1, с. 269]. Также: «П. Малчанаў у ролі Шышлы ўвасобіў агідныя рысы тых прыслужнікаў царызму, якія не толькі старанна выконвалі ўсе распараджэнні, але і праяўлялі ўласную ініцыятыву, знаходзячы ў жорсткасці асаблівае задавальненне» [1, с. 269].

Как отмечает В. Нефёд, режиссер выявил именно эпическое начало коласовского произведения. Пьеса трактована как народная драма, и народ «з'яўляецца галоўнай дзеючай асобай драмы. Тонкая перадача багацця коласаўскай мовы і нацыянальнага каларыту садзейнічала яркасці і выразнасці спектакля» [1, с. 262]. Мы обнаруживаем похожий подход в позднейшей постановке по Якубу Коласа («Навальніца будзе»): присутствует своеобразное обрамление событийного ряда. Однако в спектакле «Вайна вайне» сценическая метафора не выявлена, она подразумевается из сюжетного контекста. Солдаты снова идут на войну, их снова провожают сельские женщины. Правда, теперь это иная война и иное, оптимистическое настроение проводов (такая соответствующая идеологии 1930-х годов трактовка трансформации войны империалистической в гражданскую! Пресса тогда рекомендовала спектакль для использования в культурно-политической работе). Однако для нашего анализа в данном случае принципиально построение спектакля, поэтому мы акцентируем первый и финальный эпизоды как семантическую формулу постановки. Сюжетные события замыкаются в круг, действие возвращается в исходную точку, однако эволюция смысла позволяет говорить о переводе его на новый уровень восприятия. Но в данном сценическом произведении нет изменений в самой структуре спектакля: его хронотоп остается це-

лостным, гомогенным от начала и до конца. Нет отхода от линейного развития времени и единого пространства событий. Восприятие произведения целиком обусловлено бытово-психологическим подходом. Отсутствие театральной метафоры позволяет установить то, что и создание спектакля и его восприятие целиком находятся в зоне семантики и не выходят в работу со структурами и их воздействиями на зрителя (как это произойдет позднее в постановке «Навальніца будзе»).

В. Дарвишев откровенно говорил после премьеры: «Якуб Колас гады чатыры таму назад напісаў рад значных і насычаных сцэн, аб'ёмам на цэлую п'есу. Але ні ён, ні нашы тэатры не браліся за рэалізацыю гэтага твора на сцэне. Якуб Колас па сваёй скромнасці вялікага даравання сапраўднага мастака не падштурхоўваў сам свайго твора на сцэну, а кіраўнікі нашых тэатраў чамусьці не зацікавіліся ў гэтых першапачатковых сцэнах зернямі здоровага рэалістычнага вялікага твора, якія аўтарам маглі быць заостраны сцэнічна і ўкамплектаваны ў дзейсную п'есу». Позднее в газете «Віцебскі пралетарый» он добавлял следующее: «Успех спектакля объясняется прежде всего качествами пьесы, ее живыми реалистическими образами – не вымученными и придуманными, а искренними и простыми. Меня как режиссера сразу начала согревать и притягивать ясность, четкость и строгая простота произведения Якуба Коласа».

В классическом хронотопе важное место принадлежит сценографии, которая обязана наиболее точно воссоздать место происходящего. Кроме того, что это является «рамой» действия, сценографический рисунок оказывается эмоциональной средой, в которую действие погружено без остатка, живым «раствором» для существования персонажей, без которого спектакль превратился бы в концертный вариант. Стоит согласиться с С. Петровичем в том, что в спектакле использован кинематографический прием: панорама, 1, 2, 3 планы, деталь, и только затем – персонажи и действие [2].

Спектакль был густо населенным, в нем было занято 50 исполнителей, что также позволяет говорить о его оркестровом начале. Режиссер ориентировал актеров на создание социальных типов. Произведение давало ощущение оригинальности и свежести, оптимизма. Колоритное, массовое, плотно-плотское, оно обладало внутренним динамизмом и быстротой действия. Документальность начала создавалась за счет массовых сцен. Второй акт проходил без массовки, только в определенных точках действия и на дуэтах или трио. Третий акт – действие в окопах. Четвертый – массовки. Кинематографический прием, зафиксированный в исследовании С. Петровича, действительно доказывается при анализе такой структуры.

Второй раз театр обратился к творчеству Якуба Коласа в конце того же 1937 года. В ноябре состоялась премьера спектакля «**У пушчах Палесся**» по мотивам повести «Дрыгва» (режиссер – В. Дарвишев. Художник – А. Босулаев. Композитор – М. Красев). Спектакль был посвящен 20-летию Октября и естественно продолжал тему народа, так удачно отображенную в предыдущем спектакле по пьесе Якуба Коласа. «П'еса “У пушчах Палесся” апавядае аб прыходзе на беларускае Палессе польскіх акупантаў, аб сацыяльных супярэчнасцях, што ўзнікаюць у сувязі з гэтым у вёсцы, аб сумеснай барацьбе партызан і Чырвонай Арміі супраць акупантаў. Сюжэтай асновай п'есы з'яўляецца гісторыя дзеда Талаша, які стаў партызанам, стварыў атрад і вёў актыўную барацьбу з ворагам. П'еса вызначаецца народнай мудрасцю, жывымі, яркімі вобразамі персанажаў, каларытнай мовай» [1, с. 270].

Своей главной задачей режиссер считал новое осмысление образа борющегося народа. В данной постановке есть центральный персонаж и выделена линия его эволюции. Дед Талаш в исполнении Александра Ильинского стал убедительным доказательством сложного умения актера сочетать в создании

характера комедийные и глубоко драматические черты. По верному замечанию В. Нефёда, персонаж является основной фигурой действия не только потому, что к нему сходятся все сюжетные фрагменты, «але і таму, што А. Ільінскі стварыў такі вобраз, які не пакідаў абыякавым нікога, хто яго бачыў. У гэтай ролі ўпершыню так ярка і поўна выявілася ўменне акцёра раскрываць народныя характары. Талаш Ільінскага – камлюкаваты, нетаропкі селянін, слоў на вецер ён не кідае, гаворыць абдуманна. Да добрых людзей ставіцца шчыра. Але калі адчуе благое – тады не чакай дабра і ад яго: тут ужо Талаш дасць волю свайму тэмпераменту. Я. Колас быў глыбока задаволены іграй Ільінскага» [1, с. 270]. Справедливости ради укажем, что Б. Бурьян настаивал на том, что Талаш ушел с первого плана из-за множества других действующих лиц [3].

Панорамные декорации воспроизводили мощные картины природы, особенно это касалось образа самой пуши. Почти все основные эпизоды пьесы разворачиваются на фоне полесского пейзажа, который очень удачно создал скупыми средствами художник Босулаев. Мощные столетние дубы, стройные сосны полесских лесов подчеркнули героизм людей, которые воевали в этих лесах за счастье народа.

После диспутов о предыдущей постановке театр пошел иным путем, стали практиковать предварительные общественные читки: коллектив показывал фрагменты, актеры говорили о своих ролях, а потом обсуждали их со зрителями. Это – своеобразный концерт-обсуждение, что в конце 1990-х гг. стало в белорусском театре называться «сценическими чтениями». Теперь режиссер В. Дарвишев, учитывая пафос обсуждений, был вынужден ввести образы большевиков-подпольщиков, чтобы обязательно выявилась роль партии в освободительной борьбе белорусского крестьянства. Но это оказалось, естественно, наиболее блеклым местом в образной системе спектакля. Не зря потом говорили, что образы очень искусственные и вообще неудачные.

Соответственно спектакль характеризуется тем же классическим хронотопом. Линейное развитие сюжета при большом количестве фрагментов и эпизодов акцентирует тот же кинематографический подход как постановочный прием. Хата Василя – хата Талаша – лес – хата Талаша – штаб Красной Армии. Потом – по кругу. Финал – лес. 4 акта, 13 эпизодов. С. Петрович подчеркивает сочетание: сатира + комедийность + драматическая острота + лиричность + эпичность [2, с. 75], а также актуальность, идеологичность. И это оказывается самым важным в оценке спектакля. По замечанию С. Петровича, это – горьковская драматургическая традиция.

Драма в 3-х действиях с прологом и эпилогом (по мотивам романа Якуба Коласа «На ростанях») получила на Коласовской сцене название **«Навальніца будзе»**, декабрь 1958 г. (режиссер – Г. Щербаков. Художник – Е. Николаев. Композитор – Л. Маркевич).

В воспоминаниях о спектакле и в рецензиях особенно подробно описывается Пролог. Именно здесь был задан тон всей постановки, открывающий новую эстетику театра, которая символизировала отход от бытовизма и уже утверждала подчеркнутую театральность и условность постановочного приема. Так, огромный, во всю арьерсцену живописный задник с огромными фигурами крестьян с косами, вилами, дубинами, словно надвигающимися на зрительный зал, взаимодействовал с реальными крестьянами на планшете сцены. «Людзі пададзены ў руху, у паходзе. А на сцэне – такі ж людскі натоўп, ён зліваецца з паказаным на пано. Уся яго маса ў адзіным парыве імкнецца наперад. Хтосьці з сялян гучна, заклікальна чытае верш Янкі Купалы «А хто там ідзе?». Народ становіцца жывой ілюстрацыяй гімна паэта. Гучыць хор. Цяпер ўся маса ўпэўнена і грозна заяўляе аб сабе. У небе ўспыхвае водбліск маланкі. Не інакш як хутка будзе навальніца» [4].

Созданная режиссером в сотворчестве со сценографом сценическая раз-вертка – *_I* – имела обратную перспективу. Казалось бы, задачей авторов должно было стать усиление эффекта толпы с ее количественным нараста-нием в глубину (как это делалось на полотнах многих художников 1950–1960-х гг. при изображении революционных или праздничных событий, демонстраций и т.п.). Казалось бы, театральная площадка должна была бы создавать такой же, как на картинах, эффект линейной, прямой перспективы, при которой изображение уменьшается на дальних планах к линии горизонта. Однако в этом спектакле правдоподобие снималось открытой сценической публици-стичностью. Задний план картины в раме портала явно выступал вперед и преодолевал план передний. Более того, он вбирал в себя, в свое изображе-ние и живые фигуры с планшета. Возникал эффект оживающего задника, оживающего панно, когда с первого взгляда нельзя было разобрать, где нари-сованное, а где реальное. Движущаяся картина позволяла воспринимать Про-лог как ораторию, тем более, что начинал звучать хор.

Один из исследователей романа Якуба Коласа К. Корнелюк подчеркивает полифоничность произведения: сложность архитектуры + многоплановость + многосюжетность + динамика событий + Лобанович, главный герой – центр, который все связывает [5]. Театр должен отказаться и от многоплановости, и многосюжетности. Единство действия – один из принципиальных классицист-ских канонов – остается наиболее важным в современном театре. Сохраняя главную сюжетную линию основного персонажа, постановщики, как мы видим из описания Пролога, выводят спектакль на более высокий уровень смысло-вого обобщения. Пролог как эпиграф задает способ понимания произведения и настраивает на патетическую эмоциональную волну.

Если в коласовской трилогии события переосмысляются Лобановичем, даются сквозь призму его внутреннего мира, то в щербатовской постановке Лобанович оказывается персонажем функциональным, ибо главный смысл спектакля сконцентрирован в народной массе, в той самой толпе крестьян, которая заявлена в Прологе. Ее движение, ее развитие и разрастание ее по-тенциала становится основной линией сценического произведения.

Если у Якуба Коласа наиболее сильным выразительным литературным средством представляются внутренние монологи Лобановича, то в театре на три акта сделать их сильным средством невозможно. Действительно, актер М. Федоровский становится ведущим, вступает в специфический диалог со зрителем и рассказывает от автора о событиях. И мы сейчас же будем наблюдать иллюстрацию его рассказа. Если бы не Пролог, так бы и произо-шло. Ведь основным способом передачи сюжетной линии является клиповая структура из наиболее важных сюжетных фрагментов, сшитых рассказчиком.

Пространство спектакля соткано из нескольких топосов. Выстроенные в реалистической традиции места действия (их несколько, они разные по визу-альности, поданы клипово). Выпадающий из этого топоса Лобанович, выхо-дящий к зрителю и превращающийся в рассказчика (сугубо монологическое пространство и вместе с тем пограничье рампы между сценой и залом). Топос Пролога и эпилога – метафорическое пространство.

Спектакль стал первой попыткой Коласовского театра вырваться в сцени-ческое метафорическое мышление, осознать возможности яркой сценической формы и силу театрального обобщения. И все это касалось не сюжета как такового, а свойств структуры сценического произведения.

21 ноября 1976 года состоялась премьера спектакля **«Симон-музыка»** в постановке режиссера Валерия Мазынского и художника Александра Соловь-ева в Коласовском театре (существовал в репертуаре театра до 1989 года).

Визуальный образ, созданный А. Соловьевым, предельно лаконичный,

строгий и вместе с тем емкий, задавал наиболее общую метафору сценического высказывания. В сценографии преобладают живописные решения задников сцены, позволяющие обобщить происходящее и придать сюжету глубину общечеловеческого смысла, или/и скульптурно-конкретные, скульптурно-обобщающие детали на планшете сцены, позволяющие воспринимать действие не в линейно-сюжетном развертывании его, а одновременно на разных уровнях – философском, ретроспективно-историческом, метафизическом. Драматургический сюжет становился только ключом в мир за гранью повседневности. Методом открывания, прежде всего, была сценография. Она создавала образ спектакля, его пространство и время.

Следующий шаг – особенности режиссерского языка. У В. Мазынского фронтальное построение мизансцен позволило разрушить бытовопсихологический сценический язык и перевести его в разряд поэтически-исповедального. Произошла метаморфоза и с пространством спектакля. Поэтическая структура постановки характеризовалась артикулированным внутренним монологом героев. Даже, когда они вступали в диалог между собой, это все равно был двойной, тройной или хоровой монолог.

Все эпизоды спектакля решены в едином стиле: поэтический текст растягивается, насыщается внутренним переживанием; вместо действия раскрывается состояние главного героя, при котором все остальные персонажи являются только ответом, отзвуком, отражением его собственного духовного мира; создается своеобразный вариант пути-сна-путешествия по топосу души, внутреннего мира главного героя. Явленные фрагменты стилизованы «окрашены» одной интонацией, одним тоном. Регистр предельно сужен. Движение времени и, соответственно, развертывание внутреннего пространства отсутствует. В таком случае все зоны обозреваемого пространства души героя «сшиваются» следующим образом: хор начинает и завершает композицию, а также включается со своими авторскими «замечаниями» в ключевых моментах переходов от эпизода к эпизоду; сейбиты удваивают линию хора, двигаясь фронтально от задника к авансцене в начале спектакля, и от авасцены к заднику по его окончании; у Сымона большие зоны молчания соседствуют с большими же зонами стихотворного текста-монолога; два пластических эпизода (Волк и овцы, Князь и Ганна) концентрируют трагическое звучание спектакля; в кульминационных моментах Симон вскидывает вверх скрипку и смычок и застывает в стоп-кадре, визуально подчеркивая главное мгновение – мгновение рождения звука-высказывания.

Все эпизоды объединены местом действия – в центральной точке планшета вне конкретной обстановки, хотя бы как-то соответствующей сюжету, что и позволяет воспринимать их только отраженными в сознании Сымона. Один эпизод плавно переплывает в следующий, и сложно определить, когда именно начинается новый.

Способ актерского существования в спектакле соподчинен его структуре. Сергей Шульга воплощает *состояние* Сымона, в котором идет напряженный поиск вариантов судьбы – герой словно перебирает четки и сравнивает различные возможности – и границ свободы художника. Актер точно попадает в заданный постановщиком режим внутреннего перебора клавишей и даже некоторого удивления при их звучании. Это дает визуальный эффект философской глубины спектакля.

В сезоне 1982–1983 гг. на сцене Коласовского театра был представлен спектакль **«На дарозе жыцця»** как драматическая поэма, имеющая еще один подзаголовок «Два круга» (авторами инсценировки были В. Гончаров и В. Мазынский. Режиссер – В. Мазынский. Сценография А. Соловьева. Музыка С. Кортеса. Хореография Н. Красовского).

Первый круг включал в себя произведения Якуба Коласа и фрагменты поэмы «Новая зямля». Второй круг – фрагменты из «Сымона-музыкі» с акцентом на судьбе Ганны. Спектакль был показан на юбилейном вечере и представлял собой драматический образок – структуру из стихов Якуба Коласа и фрагментов из двух его поэм. Образ Песняра в Коласовском театре возник именно в этой постановке. Спектакль-композиция начинается песней, затем появляется мать-Беларусь. Аллегорические персонажи – старухи, дети, бездомные Пада-рожныя (именно из произведения Якуба Коласа «На дарозе жыцця») – стали сценическим отображением философских раздумий поэта о жизни, о бытии как таковом.

Правда, судьба у сценического произведения оказалась недолгой. Несмотря на сценическую поэтичность «Сымона-музыкі» и, казалось, бы появившуюся у зрителя привычку воспринимать действие, которое выстроено не по законам бытово-психологического театра, данная композиция не была принята с прежней приязнью.

Спектакль «**Зямля**» поставлен в декабре 2000 года В. Барковским по мотивам поэмы «Новая зямля», произведениям и дневникам Якуба Коласа в жанре снов памяти (сценография В. Матросова, хореография В. Колесова, постановка обрядов Н. Котова, музыка А. Криштафовича).

«Зямля» – структура-кристалл, созданный из замкнутых целостных партитур, соотносенных в единстве и целокупности. Каждая из партитур является базой для остальных, но вместе они существуют по принципу дополнительности. Это единство скоординировано индивидуальной художественной интуицией Барковского, его чувством меры и границ радикальности, ощущением органичности сценического произведения. Здесь вкус режиссера – источник целостности сложнейшей структуры.

Визуально-пластическая партитура спектакля выявляет: 1) визуальный образ фрески, 2) динамику постановки, 3) внутреннюю энергичность массы, 4) решение через массу образа самой земли, 5) синтетическое соотношение хореографии и драматического зрелища, 6) концепцию Пространства и Времени – как исторического существования человека, души и его нации, и как структуру ритмических партитур спектакля, в которой пластика – базовый, основной уровень постановки, 7) жанровые фрагменты: стилизованные обряды, специфические приемы современной хореографии, пантомиму, статику. Хореограф В. Колесов делает акцент на массовых хореографических сценах. Это – ожившие групповые скульптурные композиции. Он мыслит фронтальными, круговыми, клинообразными, волнообразными геометрическими формами, создавая из массы совокупности геометрических структур на планшете сцены. Эта энергетика и есть главный смысл постановки.

Сценография В. Матросова отличается открытой концептуальностью, минимализмом, стремлением к обобщению. Планшет сцены обозначен как пустое поле, которое прорастает людьми, становится пространством смыслов бытия нации и ее Песняра. Костюмы призваны своей предельной нейтральностью выявить не образ, не цвет, не стиль, а *материальную фактуру* фрески. Обыденность, серость, тканность – и есть правда жизни, это и есть материя истории. Но правда и в том, что обыденность, повтор, круговорот событий и чувств хранят корневой слой архетипов существования нации.

Музыкальная партитура складывается по принципу мозаики фрагментов, связанных единым фоном. Она построена на совпадении тональностей, на связующей теме и инструменте (орган), которые пронизывают весь организм спектакля. На этой основе закомпонованы аутентичное пение, хорал и клавишин. Вся партитура основана на законах белорусского лада. Единый тональный план систематизирует классику, фольклор и «космическое звучание».

Спектакль лишен цвета, и только свет создает всю палитру оттенков. Возникает ирреальное видение. Световой столб колеблется, его части слегка рассеиваются – визуальность слонится. Эпизод купальского костра вспыхивает алым заревом над сценой (луч высвечивает красные платки, бьющиеся над головами танцующих).

Спектакль сложен из зон разрядок и напряжений. Пластические разрядки, перемещения, движения по кругу складываются в танцы и обряды. Актеры растягивают слова и фразы. В «черном кабинете» это создает ощущение полусна, которое обязано снять некоторый интеллектуализм восприятия, освободить подсознание. В. Барковский повторяет фрагменты, слагая ряды рифм, благодаря чему тексты превращаются в подобие мантр. Спектакль нежный. Его формула – ключевая сцена на звуке клавесина: «Пушинка – снег – детство – память».

Информация в спектакле многократно сжата, заархивирована.

«Зямля» – философский текст, трудный текст. Но прелесть ее в том, что она позволяет считывать разные, доступные слои и воспринимать целостность как большую метафору. Александр Иняхин, московский критик, сформулировал это так: «Мне показалось, что название вашего спектакля *Остров-Земля* (псевдоним В. Барковского – В. Остров. – Т.К.). Земля как Остров в космическом океане... Здесь Время соединяется с Пространством».

Такой метафорический театр у коласовцев начинался в середине 70-х с постановок В. Мазынского. «Сымон-музыка» – чудесный коласовский текст поэтического сценического звучания перекликается с «Зямлём». Несомненно, они располагаются в одной художественной плоскости. «Сымон-музыка» был сонетом. *Зямля* выводит театр в пространство Мифа.

В. Барковский поднял этот глубинный слой мышления, и открылся универсум, в котором хаос рождает космос, а космос распадается в хаос; в котором свобода человека равна его несвободе от общности; а его воля подчинена генетическим истокам; разум же его и совесть равны и миру, и народу.

Все вышеизложенное позволяет нам сделать следующие выводы: 1) при исследовании структурных оснований шести постановок обнаруживается эволюция от бытово-психологического классического хронотопа к метафизическому постмодернистскому сценическому мышлению; 2) при сопоставлении шести сценических систем выявляется усложнение сочетания элементов спектакля и стремление к обобщению; 3) от первой постановки 1937 года к шестой 2000 года нарастает метафоричность театрального языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Няфёд, У.І.** Гісторыя беларускага тэатра / У.І. Няфёд. – Мінск, 1982. – С. 262.
2. **Пятровіч, С.** Якуб Колас і беларускі тэатр / С. Пятровіч. – Мінск, 1975. – С. 42.
3. **Бур'ян, Б.** Нататкі пра драматургію Якуба Коласа // Вялікі пясняр беларускага народа: зб. арт. аб жыцці і дзейнасці Якуба Коласа / П. Броўка (гал. рэд.). – Мінск, 1969. – С. 288.
4. **Няфёд, У.І.** Беларускі дзяржаўны тэатр імя Якуба Коласа / У.І. Няфёд // Гісторыя беларускага тэатра: у 3 т. / рэд. кал.: У.І. Няфёд (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1987. – Т. 3. – Кн. 1: Тэатр савецкай эпохі. 1945–1961. – С. 118.
5. **Карнялюк, К.** Раманнае асэнсаванне рэчаіснасці ў трылогіі Якуба Коласа «На ростанях» / К. Карнялюк // Роднае слова. – 2002. – № 11. – С. 41.

S U M M A R Y

The dramatizations of Y. Kolas' works at Vitebsk Academic Drama Theatre are analyzed on the base of V. Nefodov's, A. Sobolevskiy's, E. Gerasimovich's views.

Поступила в редакцию 9.02.2009

Стилевая трансгрессия в изобразительном искусстве, архитектуре и музыке постмодернизма

Искусство второй половины XX века представляет собой бесконечное многообразие художественных языков, форм, стилей, что обусловлено плюральностью постмодернистского мышления. Философия постмодернизма, возникнув как рефлексия на новые явления в сфере искусства, допускает сосуществование и равноценность всех художественных проявлений. Цель статьи – выявить в изобразительном искусстве, архитектуре и музыке постмодернизма сходные тенденции, позволяющие говорить о преодолении границ традиционного понимания категории «стиль». Ситуация выхода в постмодернистском искусстве из линейной стилиевой преемственности в данном исследовании определяется как «стилевая трансгрессия».

Термин «постмодернизм» является многозначным и динамически подвижным в зависимости от исторического, социального и национального контекста. Так, многие исследователи, в том числе И. Ильин, Н. Маньковская, Э. Усовская и др., выделяют ряд взаимодополняющих определений постмодернизма, в котором наиболее существенными для данной работы являются:

- постмодернизм – общий знаменатель культуры второй половины XX века, в основе которого лежит восприятие внешнего мира в качестве хаоса, отказ от доминирования логических, детерминированных умозаключений в пользу интуиции, ассоциативности, отражающей алогичность внешнего мира, что в философии закреплено определением «постмодернистская чувствительность»;
- постмодернизм – самостоятельное направление в искусстве, означающее радикальный разрыв с парадигмой модернизма.

Временные рамки постмодернизма, так же, как и его определение, являются несколько размытыми. Так, условно точку отсчета появления постмодернизма в различных видах искусства связывают с серединой XX столетия. Н. Маньковская выделяет следующие периоды формирования постмодернизма: зарождение постмодернизма в искусстве США в конце 50-х годов и вступление в первый период развития в 60-е годы; второй период связывается с распространением постмодернистского искусства в Европе в 70-е годы; третий период развития постмодернистского искусства – конец 70-х – 90-е годы XX века [1]. Одновременно художественно-эстетические феномены 90-х годов, такие, как виртуальная реальность, технообразы, включение в художественную деятельность возможностей Интернета, дают повод для выдвижения исследователями гипотезы о возможной эволюции постмодернизма и возникновении его нового периода, который Н. Маньковская определяет как постпостмодернизм, М. Можейко как *after-postmodernism*, М. Эпштейн как протеизм (прото-, как альтернатива «пост-», направленная на будущее). М. Эпштейн выделяет также «взрывной стиль» нового тысячелетия, которому дает название эксплозив. Важно отметить, что в художественно-эстетической системе нового периода сохраняется характерный для постмодернизма отказ от логоцентризма и детерминированности художественного языка в пользу доминирования нелинейных принципов формообразования.

Сложная действительность искусства второй половины XX века и современности не может быть описана в традиционных рамках «истории стилей», т.к. синтезирование в процессе творчества всего опыта мировой художественной культуры, свободное сочетание классических художественных приемов с ультрасовременной художественной выразительностью и техникой влечет за собой исчезновение ясности в определении стилиевой принадлежности произведений. Тем не менее недетерминированность художественных закономерностей в искусстве постмодернизма не ведет к упразднению категории стиля, а актуализирует необходимость выработки нового подхода к его изучению. Такие попытки предпринимаются некоторыми исследователями, в том числе В. Миримановым, Т. Малининой в изобразительном искусстве, М. Лобановой, Н. Шахназаровой в музыке. М. Лобанова по отношению к музыке второй половины XX века разрабатывает концепцию «смешанного стиля», из которой существенными для нашего исследования являются следующие положения: «В это время в музыке сближены до предела стиль, композиционные факторы, жанр и немелодические явления. ... [Стиль] становится элементом некоего культурного множества, существует на стыке с другими явлениями, входит в синтетические структуры» [2].

В архитектуре появление постмодернизма как направления датируется началом 1970-х годов. Программными для определения его стилиевых особенностей стали работы Р. Вентури «Сложности и противоречия в архитектуре» и Ч. Дженкса «Язык архитектуры постмодернизма», где отмечаются такие признаки постмодернизма, как эклектизм (игра стилей и цитат), ироничность, ставятся под сомнение логика, простота и порядок. Кроме выделения постмодернизма как отдельного направления, термином «постмодернизм» в теории архитектуры обозначают период, отмеченный определенным типом сознания, с 70-х годов XX века и продолжающийся до настоящего времени, для которого характерны такие архитектурные направления, как хай-тек; неоте́мпус, с активным включением в формообразование живой растительности; деконструктивизм, сформировавшийся под влиянием философии Ж. Дерриды, М. Фуко и др.; нелинейная (дигитальная) архитектура, использующая компьютерное моделирование в создании гибких, трансформирующихся структур, а также биоморфных криволинейных форм (био-тек).

В изобразительном искусстве второй половины XX века с эстетикой постмодернизма связаны такие направления, как абстрактный экспрессионизм, информальная живопись, ташизм, поп-арт, оп-арт, граффити, трансавангард, неоекспрессионизм («новые дикие»), арт брют, свободная фигурация, минимализм, гиперреализм, гиперманьеризм (анахронизм), неореализм, фантастический реализм и др.

По отношению к музыке второй половины XX века термин «постмодернизм» используют Г. Данузер, У. Дибелиус, Н. Маньковская и некоторые другие. Для музыкального постмодернизма характерно безграничное расширение стилиевого диапазона музыки за счет переосмысления традиций прошлого и настоящего (приемов поп-, рок-музыки, фольклора, восточной и другой неевропейской музыки), а также использование многочисленных композиционных техник. Техники композиции становятся основой систематизации академической музыки второй половины XX века: сериализм; алеаторика, основанная на индетерминированности, импровизационности формообразования; сонористика – эмансипация тембровой выразительности вплоть до использования звуковых красок в качестве формообразующего фактора; электронная музыка, использующая технически синтезированные звуки; репетитивная техника (минимализм) и др. Постмодернистская установка на слияние интеллектуальности и развлекательности, попытка преодоления разрыва между противостоя-

нием академической и массовой музыки просматриваются в синтетических музыкальных направлениях, тяготеющих к автономной художественности: арт-рок, краут-рок, прогрессивный рок, фьюжн, фри-джаз, авангардный джаз, Classical Crossover и др.

В данном панорамном рассмотрении художественных направлений и течений второй половины XX века можно обнаружить, что постмодернизм все же как художественное мировоззрение, определенный тип сознания в искусстве дает лишь условную стиливую окраску, т.к. знаменует собой исчезновение в структуре стиля устойчивой типологической целостности, исторического уровня «большого стиля». Постмодернистские концепции и эстетические понятия не только не задают «меру» творчеству, но, напротив, ориентированы именно на трансгрессивное нарушение норм и правил. По словам В. Личкова, «трансгрессия стиля – метод творчества, заключающийся в постоянном преступлении, прехождении каких бы то ни было стиливых границ и определений» [3]. Трансгрессия – «одно из ключевых понятий постмодернизма, фиксирующее феномен перехода непроходимой границы, и прежде всего – границы между возможным и невозможным...» [4]. В данном исследовании под стиливой трансгрессией понимается не только процесс преодоления формально-образных характеристик какого-либо определенного стиля, но и результат разрушения единства художественно-эстетической системы в искусстве постмодернизма в целом.

Парадигма постмодернистской художественности как воплощение эстетически «переработанной» окружающей действительности представляет собой, согласно Ж.-Ф. Лиотару, ускользание реального, изображение неизобразимого, свидетельство непредставимого. Стремление художника к представлению мыслимого и осознание невозможности этого представления побуждают его к изобретению новых средств выразительности. Здесь сущностным моментом акта трансгрессии становится выход за рамки линейного, детерминированного синтаксиса художественного языка – основой же нового становится нелинейное, процессуальное развертывание формы. Для всех видов искусства постмодернизма характерно то, что У. Дибелиус отмечает в музыке: «важно уже не ЧТО, но КАК», знаменуя, таким образом, «смещение акцентов в стиливой иерархии» [5]. Усложнение художественного языка требует интерпретационного соучастия зрителя или слушателя для расшифровки семиотической системы, что позволяет воспринимать художественное произведение в широком интертекстуальном контексте. Интертекстуальная среда направлена на нарушение линейности восприятия произведения, т.к. позволяет художественному пространству и времени существовать как одновременность неодновременного, свободно сжиматься и бесконечно расширяться в рамках ризоморфной архитектуры постмодернистского произведения, а также способствует их хронологической взаимопереходности. Необходимо также отметить, что выразительные характеристики художественного языка и принципов формообразования имеют непосредственную связь со стилем. В постмодернистских произведениях нелинейные принципы организации, в том числе организации пространственно-временного континуума, связаны с художественной реализацией различными средствами выразительности таких специфических для постмодернизма понятий, как интертекст, ризома, след, складка, difference, что становится своего рода «мироощущением» художественной реальности постмодернизма, которую можно охарактеризовать как гиперреальность.

Гиперреальность, понимаемая, в первую очередь, как гипертекстовая (многослойная) художественная реальность постмодернистских произведений, требующая семиотической расшифровки, охватывает все направления постмодернистского искусства, т.к. тесно связана с эффектом симуляции

(по определению Ж. Бодрийяра, «порождение, при помощи моделей, реально-го без истока и реальности: гиперреального» [4, с. 729]). Это мир, который основывается на трансгрессивном опыте отсутствия базовой реальности, на феномене «тотальной семиотизации бытия вплоть до обретения знаковой сферой статуса единственной и самодостаточной реальности» [4, с. 735]. Художественная семиотизация происходит посредством использования интертекстуальных отсылок, аллюзий, цитат (в музыкальной полистилистике, в «экс-лектике» постмодернистской архитектуры, в таких художественных направле-ниях, как гиперманьеризм (анахронизм), трансавангард, неоэкспрессионизм и др.); стохастических приемов формообразования в различных видах искусства (алеаторика); дробление художественной реальности на семиотические едини-цы с целью деконструкции (деконструктивизм); серийности и тиражирования, многозначность которых связана с самопорождением уникальных инвариантных повторений (сериализм, репетитивная техника в музыке; поп-арт, идея беско-нечного комбинирования «пластических единиц» В. Вазарели в оп-арте); а так-же симулятивное фотокопирование/клонирование в изобразительном гиперреа-лизме (фотореализме), создающее психологический вакуум вокруг реальности.

Формой гиперреальности является также виртуальная реальность, дающая новый художественный и пространственно-временной опыт с новой формой коммуникации – интерактивностью и погружением зрителя в художественный объект с возможностью его трансформации. Произведением архитектуры ста-новятся виртуальные инсталляции с использованием неархитектурных форм (текста), особые виртуальные среды, выращиваемые в ходе интерактивного контакта; криволинейные поверхности и объемы, представляющие собой целые «здания» (например, один из первых проектов сооружения в сети Интернет – виртуальное здание музея Гугенхайма); искусство Net арт, предназначенное для Интернета и широко использующее форматы, поддерживающие анимацию для построения визуального объекта; эстетике виртуальной реальности соот-ветствует также творчество в области спектральной музыки, музыкально-графические абстрактные проекции на геометрическую плоскость, биомузы-кальные и интерактивные эксперименты (например, четырехканальный Биомуз, запрограммированный для игры на «воздушной (воображаемой) скрипке».

Таким образом, ситуацию разрушения единства норм и правил художе-ственно-эстетической системы в изобразительном искусстве, архитектуре и музыке постмодернизма можно определить как стилевую трансгрессию вследствие обнаружения следующих тенденций:

- интертекстуальное расширение и инвариантность смысла произведений (тотальная семиотизация);
- трансформация синтаксиса художественного языка в сторону процессу-альности и разрушения видовых границ искусства;
- использование нелинейных способов формообразования и организации пространственно-временного континуума, отражающих художественное миро-ощущение отсутствующей действительности в гиперреальности постмодернизма.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Маньковская, Н.Б.** «Париж со змеями» (Введение в эстетику постмодернизма) / Н.Б. Маньковская. – М.: РАН. Ин-т философии. – 220 с.
2. **Лобанова, М.** Музыкальный стиль и жанр: история и современность / М. Лобано-ва. – М.: Советский композитор, 1990. – С. 151.
3. **Личкова, В.А.** Трансгрессия в культуре: творчество как преступление и как ин-стаурация / В.А. Личковах // Творчасць. Філасофія. Мастацтва: матэрыялы II Міжнар. навук.-практ. канферэнцыі, Мінск, 11–12 крас. 2006 г. / Беларус. дзярж. акадэмія мастацтваў; адк. рэд. В.А. Салееў. – Мінск, 2007. – С. 30.

4. **Постмодернизм.** Энциклопедия / сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 842.
5. **Музыкальный постмодернизм – химера или реальность?** (По страницам зарубежной прессы) / материал Ж. Козиной // Советская музыка. – 1989. – № 9. – С. 119.

S U M M A R Y

Postmodernism nonlinear principles of the art organization and nonconventional means of expressiveness are not synthesized in any certain style and reflect the tendency of overcoming traditional understanding of style. This tendency is analyzed in the given article as style transgression.

Поступила в редакцию 8.10.2007

УДК 821.0

А.В. Кушнир

Художественный текст как объект интерпретации в различных видах и жанрах искусства

Попытки выяснить, в чем состоит специфика художественного текста, восходят еще к эпохе Античности и регулярно предпринимались в эстетике, поэтике, лингвистике и семиотике последние несколько столетий. Проблема понимания письменного текста в XX веке наиболее полно разрабатывалась в философии (Р. Бартом, Ф. Растье, П. Рикёром, Х.-Г. Гадамером, Г. Шпетом, Ж. Бекбосыновой, Г. Тульчинским и др.), и литературного художественного текста – в литературоведении (В. Лукиным, М. Гореликовой, Н. Галеевой, Н. Рахимовой, А. Кузнецовым, О. Червинской и др.) зарубежными и российскими исследователями.

Так, немецкий философ Х.-Г. Гадамер в своих работах рассматривает вопросы эстетики, историзма, онтологии языка и теории герменевтического опыта, пытается разработать всеобщие условия для возможности понимания текстов. Текст для философа «представляет собой нечто большее, чем обозначение проблемного поля литературного анализа. Интерпретация – нечто большее, чем просто техника научного истолкования текстов» [1].

Для французского ученого Р. Барта «литературное произведение представляет собою некое архитектурное целое, единство которого определяется единством его смысловой интенции, т.е. задачей внушения потребителю определенного смысла, определенного представления о действительности» [2], в свою очередь текст ученый представляет как интертекст (текст, который вбирает в себя иные тексты). В то же время другой французский исследователь Ф. Растье [3] касается вопроса множественности смыслов текста.

Среди российских литературоведческих исследований особую значимость представляет монография В. Лукина «Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум» [4]. Исследуя проблемы текста (литературного произведения), автор выстраивает оригинальную лингвосомиотическую теорию, на основе которой определяет типологическую специфику художественного (литературного) текста в его сопоставлении с другими типами текстов (научный, учебный, фольклорный, интертекст) и обобщает особен-

ности лингвистической интерпретации.

С точки зрения литературоведения, специфика текста – как объекта понимания и интерпретации – заключается в том, что текст представляет собой некое содержание (или смысл), выраженное средствами естественного языка, которые, в свою очередь, выступают формой данного содержания. Поэтому любой текст, формой которого является естественный язык, может выступать объектом интерпретации.

Вместе с тем, в искусствоведческой литературе (прежде всего отечественной) до сих пор не существует работ, в которых содержался бы глубокий концептуальный анализ художественного текста с точки зрения его интерпретации в различные виды и жанры искусства. Этим и обусловлена цель данной статьи – выявить специфику и типологические свойства художественного текста как объекта интерпретации в различных видах и жанрах искусства.

В широком смысле слово **текст** (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение) – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность.

Художественный текст рассматривается нами в данной статье как в значении *литературного текста* (текстуального слоя), то есть текста, «открытого» для интерпретации, так и *собственно художественного текста* (нового художественного произведения, возникшего в результате интерпретации – «перевода» в другие виды искусства). Литературный текст представляет собой законченное литературное художественное произведение писателя, драматурга (т.е. автора-создателя), созданное в жанре романа, повести, поэмы, рассказа, драмы и т.п. Собственно художественный текст является художественной версией, созданной композитором, режиссером-постановщиком, сценаристом и др. (т.е. интерпретатором) на основе литературного произведения, преобразованного (в процессе интерпретации) в другие виды и жанры искусства – музыкально-театрального или экранного (опера, оперетта, музыкальная комедия, балет, кинофильм, телефильм, видеофильм). В этом случае художественный текст представляет собой версифицированное структурно-образное преобразование литературного текста, которому придается новое значение и который по-новому «прочитан» «новым» автором (интерпретатором) – либреттистом, сценаристом, композитором, кинорежиссером либо балетмейстером, театральным режиссером, телережиссером.

Таким образом, под «новым» художественным текстом (в широком смысле слова) понимается новое произведение искусства (опера, оперетта, балет, кинофильм и др.) – художественная версия литературного текста. Последний является своего рода фундаментом, позволяющим интерпретатору его преобразовывать.

Произведению искусства (собственно художественному тексту) присущи такие черты, как законченность, упорядоченность, структурно-смысловое единство, коммуникативная целенаправленность. Однако, в отличие от литературного текста (литературного произведения) его (художественного текста) структура более сложная, что позволяет использовать разнообразные художественные средства в зависимости от того, к какому виду и жанру искусства принадлежит вновь созданное произведение (искусства).

Основные качества художественного текста всегда остаются неизменными. Среди них:

- завершенность (невозможность внесения изменений без разрушения самого художественного текста как конкретной данности);
- единоподнаправленность восприятия, диктуемая смыслом, автономностью существования художественного текста;

- поливариантность трактовок (интерпретаций) любого художественного текста (в широком смысле этого слова);
- историческая изменчивость художественного текста (в каждую эпоху восприятие художественного текста, то есть произведения, а следовательно, и его возможная интерпретация меняются. В качестве примера можно привести повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие», на основе которой созданы новые произведения белорусского драматического искусства – «Паўночная цішыня» Е. Конева и «Не покидай» А. Дударева);
- соответствие художественного текста (произведения искусства) литературному первоисточнику.

Как известно, художественное произведение – как литературное произведение, так и его версия – выстраивается согласно авторской модели мира, воспроизводя логику, фактические знания о мире, мотивы, оценки и установки писателя – автора-создателя литературного произведения либо автора (интерпретатора) его художественной версии. В художественном произведении отражаются закономерности действительности (хотя и не воспроизводятся точно), в результате чего оно (художественное произведение) представляет собой сплав объективного (реального мира) и субъективного (отношения к нему автора – автора-создателя, интерпретатора).

Главными составляющими художественного текста (литературного или произведения искусства) являются художественная правда и вымысел. Художественная правда заключается в соблюдении законов избранного авторами жанра (жанров), в рамках которого писатель (автор-создатель) и интерпретатор (композитор, балетмейстер, кинорежиссер и др.) могут творить и фантазировать. Неотъемлемой частью художественного текста в широком смысле слова является также и вымысел. Автор-создатель литературного произведения волен согласно своему замыслу исказить реальные факты и что-то домыслить. В свою очередь, это же вправе сделать с версифицированным текстом и интерпретатор, то есть в художественном тексте (и литературном первоисточнике, и произведении искусства – опере, оперетте, балете, музыкальной комедии, кинофильме) всегда незримо присутствует образ автора или интерпретатора («нового» автора).

По мере создания художественного текста – «текстопорождения» (С. Незнамова) художественный замысел (нечто абстрактное) превращается во множество осязаемых знаков, которые выражаются: в литературном произведении строчками текста на бумаге, в произведениях искусства (опере, оперетте, балете, кинофильме и др.) – в нотных знаках, экранных образах и т.п. Писатель (автор-создатель романа, повести, поэмы) и интерпретатор как бы движутся в противоположных направлениях: первый – от умозрительного замысла к материальной форме текста (литературному произведению, собственно тексту), второй – от материальной формы художественного литературного произведения (романа, повести) к его «новой» возможной организованной структуре – произведению искусства (опера, балет, кинофильм и др.). Новое произведение искусства соответствует замыслу писателя (автора-создателя), но создается и конструируется по новым художественным законам. В результате «новый» художественный текст – произведение искусства – представляет собой индивидуальную авторскую модель интерпретатора – «нового» автора: либреттиста, сценариста, композитора, балетмейстера, театрального режиссера, теле- или кинорежиссера.

Интерпретация или разнообразное видение (прочтение) литературного произведения представляет различные варианты его (литературного текста) преобразования, но объективный смысл текста (т.е. смысл, вложенный автором-создателем) при этом остается неизменным.

Литературное художественное произведение представляет собой объект, который гипотетически может быть версифицирован в процессе интерпретации в различные виды и жанры искусства и объединяет вокруг себя интерпретаторов (субъектов) данного процесса: со-автора, истолкователя и потребителя, где ведущая роль принадлежит со-автору (со-творцу) «нового» художественного текста (произведения искусства).

В контексте данной работы интерпретатор рассматривается как *интерпретатор-со-автор* литературного текста (литературного произведения), *интерпретатор-истолкователь* художественного текста (в двух его значениях – литературного произведения и произведения искусства) и *интерпретатор-потребитель* (как литературного произведения, так и произведения искусства – читатель, зритель, слушатель).

Интерпретатор-со-автор (сценарист, либреттист, композитор, кинорежиссер) является создателем либо компонента «нового» художественного текста – либретто, сценария, либо собственной «авторской модели» нового художественного текста – оперы, оперетты, балета, кинофильма. Сценарист и либреттист на основе литературного текста создают его новую художественную версию – либретто (оперы, балета) или сценарий (кинофильма, телефильма), на основе которых, в свою очередь, композитор и кинорежиссер создают собственный музыкальный (опера, балет, оперетта, музыкальная комедия) или экранный (кинофильм, телефильм) художественный текст. Так, например, по мотивам повести В. Быкова «Альпийская баллада» сценаристом В. Быковым (в то же время он является и автором-создателем литературного первоисточника) и либреттистом Р. Череховской были созданы киносценарий и либретто балета, которые легли в основу одноименных художественного фильма Б. Степанова и балета Е. Глебова. Сценарист В. Быков и кинорежиссер Б. Степанов, либреттист Р. Череховская и композитор Е. Глебов, являясь со-авторами писателя В. Быкова (автора-создателя повести), создали собственные новые художественные тексты (балет и кинофильм).

В свою очередь, интерпретатор-истолкователь художественного текста рассматривается как истолкователь-постановщик, истолкователь-исполнитель и как истолкователь-критик. *Истолкователь-постановщик* (балетмейстер, театральный режиссер, телережиссер) воплощает музыкально-драматическое или экранное художественное произведение на сцене или экране, создавая их «сценическую» (опера, балет, музыкальная комедия и пр.) либо «экранную» модель (фильм-опера, фильм-балет, фильм-спектакль и пр.). Так, балетмейстер О. Дадишкилиани создал хореографическую сценическую модель балета Е. Глебова «Альпийская баллада», постановка которого воплотилась в одноименный телефильм-балет Г. Николаева. *Истолкователь-исполнитель* (актер, вокалист, танцовщик, музыкант-исполнитель) является, в свою очередь, интерпретатором художественного замысла истолкователя-постановщика (в данном случае балетмейстера О. Дадишкилиани и телережиссера Г. Николаева). *Истолкователь-критик* (т.е. теоретик) истолковывает и анализирует художественный текст (как литературное произведение, так и произведение искусства) с точки зрения искусствоведческой науки, что находит отражение в рецензиях, критических статьях, искусствоведческих изысканиях, который также является своего рода «посредником» между всеми категориями интерпретаторов, включая интерпретатора-потребителя (читателя, зрителя, слушателя, воспринимающего художественный текст сквозь призму собственного мировоззрения, субъективных представлений, переживая его как момент собственного личного и художественного опыта).

Воплощая свой замысел, автор-создатель (писатель) литературного произведения не может избежать многозначности смыслов последнего, наличие

которых в своей множественности предполагает, что писатель не в силах предугадать все возможные версии истолкования собственного литературного текста. Так, при интерпретации художественного произведения нормой для его понимания, как отмечал Х.-Г. Гадамер, «ни в коей мере не является мнение автора [автора-создателя. – А.К.]; ... пытаюсь понять ... произведения, можно думать о вещах, и притом с полным основанием, которые не приходили на ум их авторам» [5].

Истолковывая литературное художественное произведение, интерпретатор как бы «воспроизводит» его содержание, обусловленное непосредственно самим литературным текстом, а также вносит в него собственный замысел – интеллектуальное и психологическое пространство авторского (в данном случае со-авторского) «Я», опираясь при этом на свой жизненный и творческий опыт, свое мировоззрение, вкусы, культурную среду, в которой воспитывался интерпретатор (либреттист, сценарист, композитор, балетмейстер, кинорежиссер, телережиссер и др.). В результате он (интерпретатор – со-автор и истолкователь-постановщик) становится автором нового художественного текста (оперы, балета, кинофильма, телефильма и др.) и в процессе его (текста) прочтения «волен создавать произведения, не предусмотренные автором текста» [4, с. 256].

Феномен существования многочисленных интерпретаций объясняется тем, что содержание-смысл произведения искусства (художественного текста, например «Альпийской баллады»), созданного писателем (В. Быковым), композитором (Е. Глебовым), балетмейстером (О. Дадишкилиани), телережиссером (Г. Николаевым), кинорежиссером (Б. Степановым), неисчерпаем. «Всякий художественный текст уникален, отличается от всех прочих. Это свойство обеспечивается нечеткостью и многозначностью его смыслов и, следовательно, их потенциальной бесконечностью...» [4, с. 241]. Версифицируя художественный текст, интерпретатор «уменьшает степень неопределенности и многозначности его смысловой сферы» [4, с. 241].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что художественный текст всегда многозначен, в нем «опредмечиваются» многочисленные смыслы, он всегда «открыт» для множественных интерпретаций. Еще начиная с Ф.М. Достоевского, который явился основоположником так называемого «полифонического» романа (М. Бахтин), «полифония смыслов, в отличие от полифонии в музыке, где предполагается непременно одновременное звучание голосов, понимается не обязательно как одновременность презентации всех смыслов, а, скорее, как их «мерцание» (Лотман)» [6], т.е. каждому художественному тексту (прежде всего литературному) изначально присуща вариативность, что предполагает возможность его (одного и того же текста) многочисленных интерпретаций (своего рода синтез текста автора-создателя и его восприятия интерпретатором – новым автором: со-автором и истолкователем-постановщиком).

Таким образом, художественный текст (произведение искусства) всегда соотносится с литературным текстом, но в то же время он – «новый» художественный текст, вновь созданное художественное произведение (опера, балет, кинофильм и др.) – вариативен по отношению к литературному первоисточнику и представляет собой новую индивидуальную авторскую модель. Если литературный художественный текст, как отмечалось выше, является основой всех возможных интерпретаций, то его истолкование либреттистом, сценаристом (либо истолкователем-критиком) оказывается своего рода промежуточным этапом в процессе интерпретации, что в дальнейшем, в свою очередь, позволяет композитору, кинорежиссеру, балетмейстеру, театральному режиссеру, телережиссеру освоить новый уровень интерпретации (в других видах

искусства). Поскольку интерпретаций литературного произведения может быть бесконечное множество, следовательно, и «новых» художественных текстов (произведений музыкально-театрального и экранного искусств) – версий и моделей литературного текста – будет столько же, сколько имеется его различных интерпретаций. При этом «новый» художественный текст (опера, оперетта, балет, кинофильм и др.) всегда соотносится (сверяется) со своим текстом-носителем (литературным произведением).

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гадамер, Х.-Г.** Текст и интерпретация (Из немецко-французских дебатов с участием Ж. Деррида, Ф. Форгета, М. Франка, Х.-Г. Гадамера и др.) / Х.-Г. Гадамер // Герменевтика и деконструкция / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б. Маркова. – СПб., 1999. – С. 202–242. – Режим доступа: www.google.com/anthropology.ru. – Дата доступа: 10.02.2007.
2. **Барт, Р.** S/Z / Р. Барт; пер. с франц., под ред. Г. Косикова. – 2-е изд., испр. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 16.
3. **Растье, Ф.** Интерпретирующая семантика / Ф. Растье; пер. с франц., примеч., предм.-имен. указатель А. Бочкарева. – Ниж. Новгород: Деком, 2001. – 368 с.
4. **Лукин, В.** Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В. Лукин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Ось-89», 2005. – 560 с.
5. **Гадамер, Х.-Г.** Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – С. 231.
6. **Галеева, Н.** Понимание и интерпретация художественного текста как составная часть подготовки филолога / Н. Галеева // Понимание и интерпретация текста: сб. науч. трудов. – Тверь, 1994. – С. 85.

S U M M A R Y

Artistic text is analyzed in the article as a literary text which is «opened» for interpretation and it means a new artistic work, which is based on the artistic text in the other kinds of art (musical, theatrical and screenary). The specific and typological affinities of the artistic text are defined. The role and functions of the literary text interpreters are revealed.

Поступила в редакцию 18.12.2007

УДК 85.143(4Бел)6

Т.Г. Кондратенко, М.Г. Борозна

Особенности развития новой белорусской и немецкой фигуративной живописи

Введение. Культурный взаимообмен благодаря возросшей информационной проницаемости европейского пространства заметно усилился и стал знаком сегодняшнего времени [1]. Поэтому в динамике искусства национальные ограничения сегодня уже больше не могут играть такой роли, как это было раньше [2]. Понимание реальной ситуации и новых тенденций в мировом искусстве важно для генерации новых идей, которые через творческий эксперимент могут способствовать дальнейшему развитию национальной живописи. Между тем, публикаций, касающихся исследования особенностей и общих тенденций развития белорусской станковой живописи на рубеже XX–XXI веков, явно недостаточно. Результатов целенаправленного изучения художе-

ственных феноменов, характеризующих общие направления развития европейской и белорусской живописи в означенный период, также не опубликовано.

В этой связи весьма существенным представляется рассмотрение ряда особенностей, а также сравнительный анализ белорусской и немецкой живописи.

Искусство ГДР с 1970-х годов, благодаря тесной исторической взаимосвязи, доступности литературы и иллюстративного материала, многочисленным биеннале и триеннале реалистической живописи, невероятной востребованности политической картины, было не только хорошо знакомо белорусским зрителям и художникам, но и вызывало широкий интерес. После падения берлинской стены с Германией были установлены тесные культурные контакты, началась активная двусторонняя выставочная деятельность. На современном этапе исторического развития взаимный интерес культур продолжает развиваться. Контакты между Мюнстерской академией и Белорусской государственной академией искусств, выставки немецких художников в Минске и белорусских в Германии, многочисленные совместные проекты – все это, безусловно, влияет на культурную среду, на искусство Беларуси и на живопись, в частности. В связи с этим сравнительный анализ тенденций развития искусства обеих стран является важной и актуальной задачей для отечественного искусствоведения.

Целью настоящего исследования было выявление и описание художественных феноменов, совпадающих и отличающихся от общих направлений развития новой белорусской и немецкой станковой живописи в период 1980–2007 гг.

Материалы и методы. Для достижения поставленной цели в сфере станковой живописи изучен конкретный раздел, касающийся фигуративной составляющей. Проведен сравнительный анализ особенностей, места и роли фигуративности в некоторых направлениях новой живописи немецких и белорусских художников за период 1980–2007 гг.

Важной особенностью белорусской школы живописи является превалирование реалистической составляющей, приверженность к традиционным техникам и внимательное отношение к роли рисунка. Несмотря на то, что в постсоветское время во многих бывших союзных республиках в сфере обучения изобразительному искусству произошли существенные изменения, в Белорусской государственной академии искусств удалось сохранить классическую модель преподавания портрета, фигуры, интерьера, пейзажа и серьезное отношение к результатам пленэрной живописи. Несмотря на кардинальные различия в художественном образовательном процессе в Беларуси и Германии в живописи обеих стран в последние годы наметилось много сходных позиций.

В конце 1990-х годов в живописи Германии неожиданно для всех было объявлено о перевороте. Переворот обеспечила большая когорта художников, работавших в Берлине и приехавших из других городов. Исследователи заговорили о новой немецкой живописи, суть которой заключалась в следующих принципиальных позициях:

1 – медиализированное видение, 2 – возврат к традиционным материалам, а именно к холсту, маслу, подрамникам, кистям, краскам и лакам.

В новой живописи стало меньше агрессии и жестких установок, заметно больше стало наблюдаться желания затронуть чувства и, возможно, даже очаровать зрителей. Такую живопись весьма гостеприимно встретила разветвленная сеть галерей и коллекционеры [3].

В последние десятилетия в Германии проблемы живописи гораздо в большей степени были связаны с социальными темами и конфликтами, чем в Беларуси. Хотя искусство всегда отражает социальные связи, у нас искусство последних десятилетий больше было озабочено эстетическими проблемами, чем общественными. В Германии деньги, насилие, спорт, питание, мусор,

войны, катастрофы, политические дебаты, Интернет, поп, постоянно растущие горы электронных изображений – все это оказалось втянутым в культурную динамику и дрейфующим в различных слоях искусства.

Как особенно важное различие в живописи обеих стран можно отметить контекстуальное понимание картины. Существующие в Германии представления о необходимости при помещении картин в некую «закрытую систему» соблюдать условия ее пространственно-контекстуальной интеграции давно уже вышли на первый план. Подготовка выставки там требует огромной работы, которая включает в себя выработку концепции пространственных элементов, световых инсталляций, цветовой связи стен и пр. [4]. Картина не выступает как самостоятельный объект, а находится в контексте той смысловой игры, которую выстраивает художник [5]. В данную игру, где картина лишена эстетической автономии, но зато обогащена контекстным звучанием, немецкое и все европейское искусство играет уже очень давно.

В белорусской живописи, напротив, позиция эстетической автономии холста неуязвима. Художники, организовывая выставки, komponуют пространство по пятнам и цвету, создают больше эстетический, чем смысловой образ. Между тем, именно сегодня отдельные направления немецкой и белорусской живописи настолько сблизились и находятся в такой точке своего развития, когда можно говорить о сходствах и аналогиях. Для того чтобы иметь более подробное представление о произошедших в немецкой живописи изменениях, необходимо заглянуть в недалекое прошлое и понять, что им предшествовало и что их обусловило.

Немецкое искусство последних десятилетий в своем развитии любопытнейшим образом иллюстрировало бойцовский принцип смены «хаотического» и «кристаллического» полюсов [6]. В маятникообразном движении оно металось то в полюс преобладания форм экспрессии, бурления и кипения, то в полюс преобладания мысли, концепции, политактивизма и строгой контекстуальности [7]. Так, в 1970-е годы в Германии торжествовало чувственно индифферентное концептуальное искусство. В конце 1970-х годов появились «новые дикие», и до середины 1990-х годов живопись Германии развивалась в русле «дикой жестикуляции» неоекспрессионизма. А после середины 1990-х отвращение к романтическому нажиму на эффект и субъективизму снова вернуло искусство в русло демонстративного «антиэкспрессионизма». Художники Германии стали понимать живопись подчеркнуто контекстуально, и вообще можно сказать, что те, кто на стыке веков занимались живописью, скорее занимались интермедиальной работой. В академиях западной Германии уже в 1980-х годах границы между живописью и перформансом были весьма размыты, а многие академии напоминали медиа-лаборатории. Тогда казалось, что живопись может быть всем, или, говоря иначе, она склонялась к тому, чтобы стать чем-то иным. Она брала на себя задачи философии, перформанса, психотерапии и дизайна. Живопись – это и световая инсталляция, и покрашенная меховая столешница, и конструкция из цветных палок. Западная немецкая живопись тогда ушла в такие экстремальные области, что многие почувствовали себя вытесненными из жанра [4, с. 18].

Параллельно со всем этим в 1990-е гг. происходило форсированное взаимодействие между живописью и фотографией, а также между живописью и обработанными на мониторе изображениями. Живопись постепенно приобретала новый формальный язык, эстетику которого определяли холодные фото- и киноизображения, а также знаки клубной культуры [4, с. 22]. И должно же было так случиться, что именно с этими процессами совпала всеобщая эйфория, вызванная падением берлинской стены. Западное и восточное немецкое искусство встретились и начали бурно адаптироваться друг к другу. Оказа-

лось, что традиционная реалистическая школа, сохранившаяся в академиях на востоке Германии (и в первую очередь в Лейпциге), весьма востребована. Лейпциг тогда считался уникальным городом, так как был наполнен творчеством своеобразных и сильных личностей, таких художников, как Вернер Тюбке, Бернард Хайзинг, Вальтер Мэтью, Арно Ринк и Хартвиг Эберсбах.

Арно Ринк сумел удержать основную линию живописного ремесла полностью нетронутой теми новыми ориентирами на перформанс, фото, видео и мультимедиа, которые с поздних 1980-х гг. стали пробиваться в восточную Германию. В одном из интервью он говорит, что стена позволила им продолжить работать в традиции Кранаха и Бекмана и сохранила искусство от влияния Йозефа Бойса [8]. Нео Раух, который был учеником Хайзинга и ассистентом Арно Ринка, а затем преподавал там, сделал головокружительную творческую карьеру. В Лейпциг поехала учиться целая волна абитуриентов с запада. Таким образом, в контексте новой немецкой живописи лейпцигская школа сыграла очень важную роль. Говоря о ней, в первую очередь подразумевают Нео Рауха и его учеников, позже переехавших в Берлин и сформировавших группу «Liga».

Критики сегодня называют Нео Рауха фигурой номер один в немецкой живописи. Он сочетает в своем творчестве реалистическое пространство и сюрреалистические символы [9]. С формальной точки зрения, это то, что мы видим в работах Владимира Товстика и Виктора Альшевского, и чем поразил зрителей в конце 1980-х гг. Николай Селещук. Однако тематика, менталитет и общий посыл там совершенно иные. Рауха называют «игроком в бисер» – за его многоплановую метафоричность, намеренные анахронизмы и игры с символами из истории и повседневности.

Возросшая роль рисунка и фигуративности стала характерна уже не только для лейпцигской школы. Норберт Биски с яркими, почти кичевыми многофигурными композициями, Эберхард Хавекост со своими фотореалистическими холстами, экспрессионистическая эклектика Даниэля Рихтера, крупноформатные реалистические полотна Тима Айтеля – спектр художников, занимающихся фигуративной живописью в Германии сегодня довольно велик. Эти художники демонстрируют точный рисунок и владение техникой, их живопись активно занята социальными вопросами. Безусловно, здесь упомянута только некоторая часть из всего огромного разнообразия творческих направлений. Однако общими для живописи этой «новой волны» являются три качества:

- 1) возросшая фигуративность или, по меньшей мере, реалистическое начало;
- 2) использование мультимедийного языка в живописной плоскости;
- 3) как следствие – принцип эклектики, противопоставлений и сопоставлений символов, языка живописи и фото, живописи и дизайна, различных фактур и приемов.

Новые тенденции в немецкой живописи на самом деле не так новы для белорусского искусства. В свое время подобные тенденции зарождались в молодой творческой среде, и теперь они могут опираться на более чем 25-летний опыт. С конца 1980-х годов принцип монтажа в своем творчестве особенно активно стали использовать В. Альшевский, В. Зинкевич, Н. Селещук, Г. Скрипниченко, В. Товстик, С. Пчелинцев и другие. Однако корнями своими этот принцип уходит гораздо глубже – в творчество поколения художников-представителей так называемого «сурового стиля». Г. Ващенко, В. Стельмашонок, в некоторых работах М. Данциг применяли метод монтажа, сочетали в одной плоскости разновременные сюжеты и даже использовали прием коллажа. С одной стороны, это объясняется связью живописи того времени с кинематографом, с другой – тесным знакомством белорусских живописцев 1970-х гг. с искусством ГДР, с творчеством Вилли Зитте, Хайзинга, Арно Ринка

и других.

Несмотря на кажущееся сходство фигуративной составляющей в новой немецкой и белорусской живописи, в них есть принципиальные различия, что подчеркивает автономность путей их развития. Если, к примеру, в картине 1991 года «Приземлился в Залесье» Н. Селещук на фоне сумрачного реалистического пейзажа пишет спускающееся с неба на парашюте распятие, то, сталкивая разные стили, он, однако, не разрушает целое. Поп-артовский парашют вступает в диссонанс с окружением, но только в той мере, в которой это необходимо для создания образа. В немецкой живописи диссонанс носит более радикальные формы. Такие художники, как Маркус Драпер, Бернард Мартин, Важывец Токарски, Франц Аккерманн намеренно дробят картинную плоскость, вплоть до ее разрушения. Например, центральным аспектом художественной стратегии Маркуса Драпера является комбинирование различных поверхностей и элементов. Сопоставляя архитектурные и пейзажные элементы, написанные условно или реалистически, он создает картины разрушения и хаоса, но ни одному из мотивов он не придает превалирующего значения. Если в отечественной живописи мы видим единый для картины формообразующий принцип, цельность, некое организующее начало, а главное – единую среду, то в картинах упомянутых выше немецких художников единой среды, в которой происходит событие, почти не просматривается.

Таким образом, рассмотрев состояние современной белорусской и немецкой живописи, можно отметить присутствие рациональной преемственности реализма и расширенное его толкование, с некоторым смещением акцентов. Преемственность не означает стагнации и повторения, поскольку арсенал форм живописи, который художники получили в свое распоряжение, оказался расширенным. Однажды найденный, он не должен оставаться нетронутым и законсервированным. Основываясь на принципах реализма и трансформируясь, белорусская фигуративная живопись сегодня продолжает развиваться.

В современном жизненном пространстве, перенасыщенном медиаизображениями (видео, реклама и пр.), размываются границы между фикцией и реальностью. В этих условиях живопись «останавливает время» и как бы «наводит лупу» на предмет изображения. Поколение белорусских художников, рожденных в 1970–80-е годы, имеет богатое творческое наследие – как основу для дальнейшего развития национальной фигуративной живописи.

Выводы:

1. Развитие отдельных направлений белорусской и немецкой станковой живописи в последние десятилетия имеет определенные сходства и различия. Присутствие принципиальных различий в фигуративной составляющей новой живописи обеих стран подчеркивает автономность путей их развития.
2. В результате взаимодействия западного и восточного немецкого искусства после падения берлинской стены произошло смешение направлений и возник новый формальный язык живописи, для реализации которого лейпцигская реалистическая школа оказалась востребованной.
3. В новой немецкой фигуративной живописи возросло реалистическое начало и широко используются мультимедийный язык и принцип эклектики. В отдельных направлениях этот принцип имеет настолько радикальные формы, что приводит к исчезновению в картине какой-либо доминанты.
4. Белорусская фигуративная живопись с использованием монтажа развивается на классических основах национальной художественной школы, придерживается традиционных техник и реалистической составляющей, в ней соблюдается единый формообразующий принцип и организующее начало.
5. Важным различием в живописи обеих стран является понимание места и роли картины в экспозиции: с немецкой стороны – картина, будучи интегриро-

ванной в закрытую пространственную систему, утрачивает самостоятельное звучание, но обретает контекстуальное; белорусская позиция – холст сохраняет свою эстетическую автономию.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Баразна, М.Р.** Мяжа стагоддзяў / М.Г. Баразна // Каталог выстаўкі «Ілюзія часу». – Мінск: Інстытут імя Гётэ, 2004. – С. 10.
2. **Жук, В.** Белорусское искусствоведение и критика: между прошлым и будущим / В. Жук // Беларускаяе сучаснае мастацтвазнаўства і крытыка: праблемы адаптацыі да новых рэалій: матэрыялы навук.-творч. канф., Мінск, 15–16 красавіка 1998 г. – Мінск, 1998. – С. 83.
3. **Фрике, Х.** Ностальгия по маслу. Германское чудо / Х. Фрике // Deutschland. – 2005. – № 2. – С. 46.
4. **Tannet, Ch.** Von der Widerborgstigkeit der Malerei / Ch. Tannet // Neue deutsche Malerei / Remix. – Prestel Verlag. – München–Berlin–London–N. Y., 2007. – S. 23.
5. **Хофман, В.** Основы современного искусства. Введение в его символические формы / В. Хофман; пер. с нем. А. Белобратова, ред. И. Чечот и А. Лепорк. – СПб.: Академический Проект, 2004. – С. 463.
6. **Volker, H.** Was ist Kunst? Werkstattgesprach mit Beuys / H. Volker. – Stuttgart: Urachhaus, 1992. – S. 43.
7. **Hauser, A.** «Sociologie der Kunst» / A. Hauser. – 3. Aufl. – München: Beck, 1988–XVI, S. 748.
8. **Bader, G.** Deutsche Farbe. Amerikanische Augen. Eine globale Gegenwart / G. Bader // Neue deutsche Malerei. – München–Berlin–London–N. Y. Remix: Prestel Verlag, 2007. – S. 54.
9. **Карстенс, Л.** Загадки в раме / Л. Карстенс // Deutschland. – 2003. – № 4. – С. 54.

S U M M A R Y

The article is devoted to the analysis of figurative method in the Belarusian and German painting in the period from 1980^s to the present time. The existing circumstances have given birth to a new formal language of painting, combined with eclectic, collage and mass-media aesthetic. The article covers art phenomena linked to the similarity and differences between the development of contemporary figurative painting in Belarus and Germany.

Поступила в редакцию 23.03.2009

УДК 72.04(476)

Ю.Ю. Захарына

Мастацкі вобраз грамадскіх будынкаў Беларусі другой паловы 1990-х – 2000-х гадоў

У тэорыі архітэктуры і мастацтвазнаўстве праблема мастацкага вобраза заўсёды вылучалася як асноўная і знаходзілася ў цэнтры ўвагі вядучых тэарэтыкаў. Асобныя аспекты праблемы мастацкага вобраза сучаснай архітэктуры Беларусі закраналіся ў навуковых працах тэарэтыкаў архітэктуры (В. Аладава, Ю. Чантурыі, А. Лакоткі, С. Сергачова, Я. Аграновіч-Панамаровай, А. Іконнікава, Д. Швідкоўскага) і мастацтва (А. Кулагіна, А. Шамрук, Н. Лазука), аднак не раскрывалі яго сутнасці і спецыфікі. Неабходнасць распрацоўкі

дадзенай праблемы абумоўлена адсутнасцю комплексных фундаментальных даследаванняў, прысвечаных фарміраванню мастацкага вобраза сучаснай архітэктуры грамадскіх будынкаў Беларусі.

Актуальнасць тэмы вызначаецца недастатковай вывучанасцю вобразнага пачатку ў творах сучаснай архітэктуры, яго ролі ў рэалізацыі эстэтычнай функцыі мастацтва, што стала вынікам панавання традыцыйнага падыходу да даследавання эстэтыкі архітэктуры, заснаванага на вывучэнні гісторыі развіцця мастацкіх школ, кірункаў, стыляў. Стылявая характарыстыка асаблівасцей мастацтва пэўнага гісторыка-культурнага перыяду з'яўляецца асноўнай, але недастатковай для раскрыцця зместу пануючай мастацка-вобразнай сістэмы.

Новы падыход, які грунтуецца на комплексным аналізе стылявых, кампазіцыйных, канструкцыйных і функцыянальных характарыстык архітэктуры грамадскіх будынкаў, дазваляе прадставіць дынаміку развіцця мастацка-вобразных сістэм. Дадзены метадалагічны падыход дасць магчымасць асэнсавання мастацка-вобразнай спецыфікі сучаснага беларускага дойлідства, дазволіць прасачыць эвалюцыю фарміравання мастацкага вобраза грамадскіх будынкаў, выявіць яго характэрныя рысы.

Перыяд, які пачаўся з другой паловы 1990-х гг., адзначаецца паваротам да найноўшага архітэктурна-мастацкага кірунку, звязанага з пошукам эмацыянальнага вобраза, пластычнай выразнасці і арганічнасці формы. Развіццё тэхналагічнай базы спрыяла стварэнню новых канструкцыйных вырашэнняў. Істотны ўплыў на фарміраванне кампазіцый грамадскіх будынкаў аказаў канструкцыйна-тэхнічны фактар.

У нараджэнні архітэктурна-мастацкіх вобразаў найноўшага часу вялікае значэнне мелі ўстойлівыя пазіцыі неарацыяналізму і эстэтыка постмадэрнізму. Неарацыяналізм, прызнаваўшы канструкцыйную яснасць, функцыянальнасць, геаметрычную дакладнасць архітэктурных кампазіцый, вызначыў панаванне прамавугольных форм прызмы ў грамадскім дойлідстве. Пашырэнне канструкцыйна-тэхнічных магчымасцей абумовіла актыўнае ўжыванне ў абліччы пабудовы шкляных панэлей, якія выяўлялі эстэтыку часу.

Рэтраспектыўная тэндэнцыя постмадэрнізму, якая паступова сгасала да пачатку XXI ст., адбілася на абліччы будынкаў, у аздабленні якіх выкарыстоўваліся дэкаратыўныя калоны, аркі, трохвугольныя франтоны. Развіццё сімвалічнай плыні з прыхільнасцю да фармалістычных прынцыпаў і імкненнем да стварэння арыгінальных аб'ёмна-прасторавых вырашэнняў прывяло да ўскладнення форм і кампазіцый грамадскіх будынкаў.

Перадумовы развіцця найноўшай архітэктуры вызначылі новыя сродкі выразнасці, увасобленыя ў праектах будынкаў банкаў, офісных цэнтраў, спартыўных збудаванняў 1990-х гг. Аснову мастацкай выразнасці стваралі прызматычныя аб'ёмы, крывалінейныя формы, вобраз якіх выяўляла канструкцыйная логіка. Спалучэнне бетону, металу і шкла ў канструкцыі пабудовы выражала новую мастацкую эстэтыку, што прызнавала матэрыяльна-тэхнічныя дасягненні стымулятарам сучасных вобразных вырашэнняў у архітэктуры. Эстэтыка будынкаў банкаў, інтэнсіўнае будаўніцтва якіх ажыццяўлялася ў гэты час, паступова сцвярджала найноўшыя мастацка-стылявыя павевы. Адмаўленне маскіроўкі канструкцыі, адкрытая цэглавая муроўка сцен, суцэльнае шкленне архітэктурных элементаў, успрынятыя ад англійскага бруталізму, вызначылі новае разуменне прыгажосці дойлідства. Імкненне вызваліцца ад штампаў і канонаў архітэктуры папярэдняга этапа не ламала пануючую канцэпцыю мастацка-вобразных вырашэнняў будынкаў. Паступовы адыход ад стылявых традыцый неарацыяналізму характарызаваўся тактоўным уключэннем у кампазіцыю пабудовы шкляных эркераў на фасадах, ліхтароў, шкленнем вуглавых

частак будынкаў. Аднак уплыў архітэктуры неарацыяналізму і рэтраспектыўнай тэндэнцыі постмадэрнізму быў відавочным. Па-ранейшаму архітэктурнае вырашэнне большасці пабудов зводзілася да прызматычнага аб'ёму з раўнамернай сеткай акон, а дэкаратыўныя калоны, франтоны былі сведчаннем рэтраспектывізму (будынкi банкаў па вул. Міцкевіча ў Гродне, арх. Н. Чуйко, Н. Жучко, А. Тараненка; шчучынскага, арх. А. Штэн, Э. Марцінчык, С. Мужэйка, Т. Чорная; «Белбізнесбанка» па вул. Савецкай у Брэсце, арх. В. Казакоў, В. Цярэшчанка; «Мінсккомплексбанка» па вул. Мяснікова, «Масбізнесбанка» па вул. Старажоўскай у Мінску, абодва – арх. А. Вараб'ёў).

Тактоўныя спробы ўвасаблення найноўшых стылявых тэндэнцый архітэктуры адлюстроўваюць мастацка-вобразныя вырашэнні новых тыпаў будынкаў – лядовых палацаў. Пры тым, што пануючыя прынцыпы неарацыяналізму па-ранейшаму дыктавалі прыёмы арганізацыі аб'ёмна-прасторавай кампазіцыі з падкрэсліваннем манументальнасці і выяўленнем суадносін функцыянальнасці з мастацка-вобразным зместам, у архітэктурным вырашэнні лядовых палацаў намецілася тэндэнцыя да развітых асіметрычных кампазіцый са складанай кампаноўкай аб'ёмаў.

Пры стварэнні спартыўных комплексаў дойліды імкнуліся выявіць у знешнім абліччы канструкцыйную аснову збудаванняў. Вялікае значэнне пры гэтым надавалася матэрыялам, з якіх узводзяцца будынкi, іх тэхнічным і эстэтычным якасцям. Мастацкая выразнасць такіх пабудов дасягалася дзякуючы ўжыванню сучасных канструкцый (металічны каркас, вітражныя канструкцыі, навясныя агароджваючыя канструкцыі) і матэрыялаў (таніраванае і люстраное шкло, фінскія ўцяпляльнікі «Paroc» з каменнай ваты, рулонныя дахавыя матэрыялы французскай фірмы «Siplast» і інш.), якія сталі сведчаннем уплыву сучасных тэхналогій на вобразнае архітэктурнае вырашэнне (лядовыя палацы ў Гродне, арх. Н. Жучко, У. Еўдакімаў, А. Пархута, А. Тараненка; Гомелі, арх. І. Боўт, С. Міцко з удзелам Л. Смольскай, Н. Шамелавай, А. Грачова; Мінску, арх. Ю. Патапаў, І. Боўт, А. Шафрановіч).

Унікальнай пабудовай з'яўляецца палац спорту ў Віцебску (арх. І. Боўт, А. Шафрановіч), які стаў адным з найбольш удалых спартыўных збудаванняў як з пункту гледжання функцыянальнага прызначэння, так і па сваіх архітэктурна-мастацкіх вартасцях. Аўтары праекта змаглі надаць аб'ёмна-прастору выразнаму вырашэнню максімальную выразнасць. Сіметрычная кампазіцыя галоўнага фасада, аб'яднанне прамавугольнага і «ўрэзанага» ў яго крывалінейнага цэнтральнага аб'ёмаў, падкрэсленае вырашэннем уваходнай групы ў вітражных канструкцыях, надаюць урачыстасць будынку. Цэнтральны аб'ём пабудовы ўзведзены на металічным каркасе, сцены з'яўляюцца навяснымі агароджамі з устаўкамі шкляных панэлей [1]. Мастацкае вырашэнне прасякнута ідэяй стварэння вобраза-сімвала, уласцівай неамадэрнізму. Цэнтральны аб'ём пластычнай формы ўяўляе стылізаваны вобраз шайбы – сімвала хакею. У стварэнні вобраза вызначальную ролю адыгралі матэрыялы: лёгкія металаканструкцыі ўтварылі геаметрычную сетку, запоўненую лістамі таніраванага шкла.

Далейшае фарміраванне мастацкага вобраза грамадскіх будынкаў звязана з фармалістычнымі пошукамі кампазіцыйных вырашэнняў. Паступовы адыход ад неарацыяналізму суправаджаўся адхіленнем кубічных, прызматычных аб'ёмаў і ўхваленнем плаўных ліній абрысаў кампазіцый. Адначасова жалезабетонныя канструкцыі адышлі на другі план; іх месца занялі лёгкія каркасныя структуры аб'ёмаў з навяснымі шклянымі панэлямі. Эстэтыка збудаванняў стала арыентавацца не на традыцыі, а накіроўвацца ў будучыню тэхналагічнага свету.

Акрамя перайшоўшых у спадчыну прынцыпаў і кампазіцыйных прыёмаў неарацыяналізму і постмадэрнізму на фарміраванне мастацкага вобраза архітэктуры грамадскіх будынкаў найноўшага часу істотны ўплыў аказаў неамадэрнізм, які ўзнаўляў канструкцыйныя вырашэнні «новай архітэктуры XIX ст.» і мастацка-стылявых кірункаў першай паловы XX ст. – кубізму, футурызму, экспрэсіянізму, бруталізму [2].

Прыхільнікі неамадэрнізму імкнуліся давесці да мяжы прынцып трактоўкі мастацкага вобраза архітэктуры праз стэрэаметрычную форму. Эстэтыка архітэктуры пачала зводзіцца да аб'ёмных элементарных форм – куба, цыліндра, конуса, піраміды, сферы. Каштоўнаснай асновай у архітэктуры неамадэрнізму быў абвешчаны аб'ём. Але разам са сцвярджэннем ідэала прыгажосці стэрэаметрычнай формы дойліды найноўшага часу імкнуліся ўва-собіць у ёй вобраз-сімвал. Побач з формай будынка ў ранг асноўных сродкаў выразнасці неамадэрнізму была ўзведзена канструкцыя. Стварэнню сімвалічных вобразаў у многім спрыялі магчымасці новых матэрыялаў. Лёгка, празрыстыя збудаванні з крыштальнай агранкай ствараліся з выкарыстаннем таніраванага і люстранага шкла. Манументальнасць і падкрэсленая статыка аб'ёмаў гублялі сваё значэнне ў новых канструкцыях. Суцэльнае шкленне шматгран-ных аб'ёмаў у адбітках прамянеў сонца стварала гульню святла, ажыўляла вобраз, надавала будынку новую эстэтычную афарбоўку.

Фармалістычныя пошукі вобраза архітэктуры найноўшага часу супра-ваджаліся аднаўленнем стылявых рыс кубізму, футурызму, экспрэсіянізму. Ад кубізму найноўшая архітэктура атрымала ў спадчыну падкрэсленую расчля-нёнасць, заостранасць кантрастаў прызматычных, цыліндрычных, конусапа-добных аб'ёмаў. Мастацка-вобразныя вырашэнні пабудовы, якія зведалі ўплыў кубістычных ідэй, уяўлялі геаметрычныя абстракцыі з гарызантальных і верты-кальных ліній, плоскасцей. Аб'ёмы драбіліся на часткі, «уразаліся» адзін у адзін, ствараючы развітую аб'ёмна-прастравую кампазіцыю, не пазбаўленую дынамічнасці. Імкненне адлюстравач у мастацкім вобразе пабудовы рух, ды-наміку сучаснага жыцця, успрынятае ад футурыстаў, выклікала адмаўленне ад прамавугольнасці і прывяло да з'яўлення наўмысна кантрастных супастаўлен-няў аб'ёмаў, дынамічных вострых вуглоў, косых зрэзаў, складаных кры-валінейных форм. Часам формы абстрагаваліся ад канструкцыі і матэрыялаў. Ідэі экспрэсіянізму выяўлялі скажоныя і гратэскныя формы будынкаў. Разам з востравугольнасцю, запазычанай з кубізму і экспрэсіянізму, вобраз найноўшай архітэктуры фарміравалі плаўныя, пластычныя абрысы аб'ёмаў пабудовы, якія прапагандаваў футурызм. Аснову кампазіцыі пабудовы дэканструктывісцкага кірунку выяўлялі прынцыпы асіметрыі і кантрастнага супастаўлення аб'ёмаў розных геаметрычных форм, якія ўтваралі дынамічныя сілуэты будынкаў. Нярэдка дэканструктывісцкія вырашэнні выкарыстоўвалі ўстаўкі з таніраванага ці люстранага шкла, якія кантраставалі з абстрактнай кампазіцыяй, у чым адбіўся ўплыў хай-тэку.

Англійскі бруталізм і «новая архітэктура XIX ст.», якія стварылі перадумовы нараджэння найноўшага стылявога кірунку пачатку XXI ст. – хай-тэку, выра-жалі мастацкі вобраз будынка сродкамі сучасных канструкцый і матэрыялаў, якія выстаўляліся напаказ. У знешнім абліччы пабудовы падкрэслівалася да-кладная і ясная канструкцыйная схема, тэктоніка і фактура аголеных металіч-ных канструкцый, жалезабетону, шкла [3–5]. Суцэльныя шкляныя паверхні ўтваралі сцены-заслоны, якія з'яўляліся вонкавымі агароджамі. Панаванне шкляных панэлей адлюстроўвала новую эстэтыку архітэктуры. Дойлідства хай-тэку імкнулася прадэманстраваць разнастайныя ўласцівасці шкла – празры-стасць, адлюстраванне святла або яго паглыннанне, праламленне светлавых прамянеў. Узмацненне ўвагі да канструкцыйнай структуры будынка не

прыніжала мастацкай каштоўнасці аб'ёмна-прасторавых вырашэнняў. Але ў адрозненне ад архітэктуры дэканструктывізму разуменне формы прыхільнікамі хай-тэку набыло новы сэнс. Форма пабудовы архітэктуры хай-тэку пачала трактавацца як абстрактнае паняцце. У аб'ёмна-прасторавай кампазіцыі грамадскіх будынкаў вуглаватасць, прамавугольнасць, кубістычнасць паступова саступілі месца плаўным, падкрэслена «цяжучым» лініям, якія змягчалі прызматычныя формы, «пералівам» аб'ёмаў, частак пабудовы, якія надавалі вобразам архітэктуры пластычнасць.

У фарміраванні стылю грамадскіх будынкаў Беларусі 2000-х гг. найбольшае значэнне атрымалі ідэі хай-тэку. Асэнсаванне магчымасцей вобразных вырашэнняў з дапамогай металаканструкцый адкрыла новыя шляхі стварэння аб'ёмна-прасторавых кампазіцый. Імкненне акцэнтаваць буйныя горадабудавнічыя вузлы, насыціць малавыразнае аблічча забудовы ўздоўж магістральных вуліц яркавымі вобразнымі вырашэннямі, якія бы «схавалі» аднатыповыя будынкi папярэдняга перыяду, прывяло да ўвасаблення праектаў, якія адмаўлялі логіку архітэктуры неарацыяналізму.

Адыход ад характэрнай для неарацыяналізму прамавугольнасці і сцвярджэнне эстэтыкі «шкляных» пабудовы прадугледжвалі стварэнне «лёгкіх» аб'ёмаў, пазбаўленых вуглоў – цыліндраў, конусаў, складаных крывалінейных абрысаў. Першыя крокі ў вырашэнні пастаўленай задачы здзяйсняліся па прынцыпе блакіроўкі аб'ёмаў, адзін з якіх быў прасякнуты рысамі неарацыяналізму, другі – выкананы ў сучасных канструкцыях. Новаму аб'ёму надавалася роля дамінанты кампазіцыі; ён павінен быў адлюстроўваць у знешнім абліччы сучасныя магчымасці выкарыстання металаканструкцый і лёгкіх матэрыялаў – таніраванага, люстранага шкла. Геаметрычная сетка з металаканструкцый утварала палегчаны каркас аб'ёму акруглых абрысаў, прамежкі якога запаўняліся навіяснымі шклянымі панэлямі (будынак офіса кампаніі «Zepter» на перакрываўанні вул. Няміга і Раманаўская слабада ў Мінску, арх. А. Цэйтлін).

Лёгкія металаканструкцыі атрымалі ўжыванне і ў маштабных праектах збудаванняў Рэспублікі Беларусь, сярод якіх вылучаюцца футбольны манеж па праспекце Пераможцаў у Мінску, летні амфітэатр па вул. Фрунзэ ў Віцебску. Прасторавая кампазіцыя збудавання футбольнага манежа (арх. М. Гаўхфельд, В. Руцкі, У. Архангельскі, І. Яцына, С. Першына) уяўляе блакіроўку двух аб'ёмаў – аздараўленчага комплексу і асноўнага, завершанага скляпеннем-абалонкай сферычнай формы. Перакрыцце гіганцкага пралёта ў 100 м здзейснена ў канструкцыях металічных арачных ферм. Сілуэт бакавых фасадаў таксама ўтвараюць арачныя скляпенні, аблічча галоўнага фасада вызначае аб'ём прыбудовы выгнутых абрысаў, які мае суцэльнае люстраное шкленне. Пры выяўленні канструкцыйна-тэхнічных магчымасцей ва ўсім абліччы пабудовы падкрэсліваецца пластычнасць.

Стылявое вырашэнне маштабнага збудавання адкрытага тыпу – летняга амфітэатра ў Віцебску (арх. В. Кяскевіч, А. Раманюк, Я. Дабруноў) – таксама дэманструе ўплыў хай-тэку. Мастацкі вобраз пабудовы фарміруе павуцінне са зборных сталёных элементаў канструкцыі, якое адкрываецца для ўсеагульнага ўспрымання. Лёгкая металаканструкцыя агальна, сцвярджаючы прыгажосць тэхналагічных вырашэнняў.

Поруч з фарміраваннем пластычных кампазіцый у архітэктуры хай-тэку знайшоў адлюстраванне і другі аспект. Крывалінейнасць аб'ёмаў з паслядоўным «перацяканнем» прасторы дадавалася невялікімі востравугольнымі аб'ёмамі-пірамідамі, якія імітавалі фартыфікацыйныя традыцыі завяршэння абарончых вежаў (будынак гандлёвага цэнтра «Еўропа» па вул. Сурганава ў Мінску, арх. І. Вінаградаў), або стылізавана, абстрактна ўзнаўлялі класіцы-

стычны прыём вячання цэнтральнай часткі будынка трох-вугольным фронтанам, які вызначае вось сіметрыі трохчасткавай аб'ёмна-прасторавай кампазіцыі: цэнтральны аб'ём і падпарадкаваныя яму два бакавыя крылы (будынак чыгуначнага вакзала ў Мінску, арх. В. Крамарэнка, М. Вінаградаў, І. Вінаградаў [6]). Пры гэтым як асноўны аб'ём пабудовы, так і ўзноўленыя ў сучаснай трактоўцы элементы гістарычных стыляў атрымалі суцэльнае шкленне, якое з'яўляецца прыкметай аднаго з варыянтаў хай-тэку – слік-тэку.

Развіццё мастацка-вобразных вырашэнняў здзяйснялася з выкарыстаннем апрабаваных канструкцыйных і кампазіцыйных прыёмаў з паступовым іх ускладненнем. Калі першапачаткова архітэктура хай-тэку імкнулася выразіць свае ідэі выключна сродкамі сучасных тэхналогій, узводзячы шклянныя аб'ёмы-прызмы, піраміды, цыліндры, то далейшыя ўдасканаленні прыёмаў фарміравання кампазіцый прывялі да стварэння пластычных, «абцякальных» форм, якія выражалі ідэю свабоднага плана з «пералівам» прасторы. Але і на гэтым развіццё ідэй хай-тэку не спынілася. Пошукі арыгінальных аб'ёмна-прасторавых вырашэнняў спрыялі паступоваму ўскладненню кампазіцый, у якіх ужо спалучаліся вышынныя і нізкія аб'ёмы вуглаватых і акруглых абрысаў (будынак комплексу «Аляксандраў пасаж» на перакрываўанні праспекта Незалежнасці і вул. Філімонава ў Мінску, арх. Б. Школьнікаў).

З цягам часу канцэптуальныя вырашэнні архітэктуры хай-тэку зведалі ўплыў дэканструктывісцкіх ідэй. Мастацкія кампазіцыі грамадскіх будынкаў ужо не абмяжоўваліся выяўленнем сучаснай канструкцыйнай структуры і тэхналогіі ў знешнім абліччы збудаванняў, а імкнуліся да складаных аб'ёмна-прасторавых вырашэнняў. Дынамічныя кампазіцыі, якія адлюстроўвалі ў сваім абліччы накіраванасць у будучыню, будаваліся на групоўцы некалькіх аб'ёмаў розных маштабаў, форм і сілуэтаў. Часам вобраз такіх пабудов драбіўся на часткі, аб'ёмы вырасталі адзін з аднаго, у абстрактнай кампазіцыі выкарыстоўваліся нахілы плоскасцей, зрухі ліній, вызваленыя ад дакладнай геаметрычнасці і прамавугольнасці (офісныя будынкі кампаніі «Лукойл» па вул. Няміга, арх. Б. Школьнікаў, Я. Барадаўка, Я. Урбан, па вул. Кульман, арх. У. Галкоўскі). Аднак па-ранейшаму ў такіх пабудовах падкрэслівалася сучасная канструкцыйная логіка.

Акцэнтаванне ўвагі на формаўтвараючых уласцівасцях архітэктуры сцвярджаў найноўшы кірунак – неамадэрнізм. Архітэктурна-мастацкія вырашэнні стылявога кірунку неамадэрнізму былі засяроджаны на развіцці ідэі вобраза-сімвала. Найбольшае значэнне ў канцэптуальных пошуках новых вырашэнняў атрымала форма. Аднак у адрозненне ад архітэктуры хай-тэку, дзе форма таксама адыгрывала адну з галоўных роляў у стварэнні мастацкага вобраза, неамадэрнізм сродкамі магчымасцей сучасных канструкцыйных вырашэнняў узнаўляў формы прыроднага свету – айсберга (цэнтр моладзі «Айсберг» на перакрываўанні вул. Я. Коласа і Сурганава ў Мінску, арх. У. Барэхаў), алмазу (будынак Нацыянальнай бібліятэкі па праспекце Незалежнасці ў Мінску, арх. В. Крамарэнка, М. Вінаградаў пры ўдзеле А. Грышана, В. Пятроўскага, Я. Вінаградава, Т. Несцерава [7]), раскрытай марской ракавінкі з залатой жамчужынай у цэнтры (праект комплексу адміністрацыйнага будынка, офіснага цэнтра і гасцініцы «Golden City» ў Мінску, арх. В. Крамарэнка). Выразіць ідэю вобраза-сімвала дапамагло выкарыстанне люстранага і таніраванага шкла, якое імітавала прыродныя матэрыялы і выступіла эквівалентам ільду, брыльянта, жэмчугу.

У архітэктуры найноўшага часу адбылося станаўленне мастацка-стылявых кірункаў неамадэрнізму, дэканструктывізму, хай-тэку з дамінаваннем апошняга. Хай-тэк абвясціў асновай мастацкай выразнасці пабудовы метала-

канструкцыі і шкло, якія фарміравалі пластычнае аблічча фасадаў і выяўлялі канструкцыйную логіку збудаванняў. Уплыў хай-тэку на станаўленне мастацкага вобраза архітэктуры найноўшага часу быў настолькі вялікім, што яго праявы не абышлі вобразныя вырашэнні грамадскіх будынкаў, эстэтыка якіх грунтавалася на прынцыпах неамадэрнізму і дэканструктывізму. Абстрактныя дынамічныя кампазіцыі аб'ёмаў дэканструктывісцкіх будынкаў, якія награвашчваліся, «уразаліся» адзін у аднаго, паказваліся і хаваліся ў празрыстай тканіне лёгкіх канструкцый, сродкамі скажэння ліній, зрухаў нахіленых плоскасцей адлюстроўвалі ідэю нетрываласці, непастаянства імклівага сучаснага жыцця з накіраванасцю ў будучыню. Пошукі вобразных вырашэнняў неамадэрнізму былі засяроджаны на ўзнаўленні прыродных форм. Ад хай-тэку новыя стылявыя кірункі ўспрынялі імкненне выразіць ідэйны змест мастацкага вобраза з дапамогай магчымасцей сучасных тэхналогій.

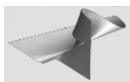
ЛІТАРАТУРА

1. **Аускэрн, Л.** Айсберг под крышей / Л. Аускэрн // Архитектура и строительство. – 2000. – № 4. – С. 15–17.
2. **Иконников, А.** Неомодернизм / А. Иконников // Архитектура и градостроительство: энциклопедия / гл. ред. А.В. Иконников. – М.: Стройиздат, 2001. – С. 394–395.
3. **Швидковский, Д.О.** Архитектура в преддверии будущего / Д.О. Швидковский // Художественные модели мироздания: в 2 кн. / Рос. акад. художеств, науч.-исслед. ин-т теории и истории изобразит. искусств; Рос. акад. наук, науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 1999. – Кн. 2: XX век. Взаимодействие искусств в поисках нового образа мира; редкол.: С.Л. Боброва [и др.]. – С. 319–326.
4. **Лазуко, Н.** Металл – вновь переосмыслен / Н. Лазуко // Архитектура и строительство. – 2005. – № 1. – С. 4–7.
5. **Белоголовский, В.** Органический хай-тек / В. Белоголовский // Архитектурный вестник. – 2007. – № 4(97). – С. 56–59.
6. **Крамаренко, В.** Железнодорожный вокзал в Минске: проект и реализация / В. Крамаренко // Архитектура и строительство. – 1996. – № 2–3. – С. 19–24.
7. **Крамаренко, В.** Национальная библиотека Беларуси: архитектурное решение / В. Крамаренко // Архитектура и строительство. – 2002. – № 6. – С. 10–13.

S U M M A R Y

In this article on the base of new approach – complex analysis of stylistic, composition, design and functional characters of the architecture of the public buildings – dynamics of development of artistic image of the public buildings of Belarus from a second half of 1990th to 2000 are revealed. They define premises forming of artistic image of the modern Belarusian public buildings – aesthetics of neorationalism and postmodernism, development of technological basis, appearance of new designs and materials. The gradual reinforcement of neomodernism, deconstructivism, high-tech in the architecture is up to date.

Поступила в редакцию 3.04.2008

Строение групп Шмидта и групп Белоногова, в которых любые две 3-максимальные подгруппы являются $F(G)$ -перестановочными

Все рассматриваемые группы конечны. Напомним, что подгруппа H группы G называется 2-максимальной подгруппой группы G , если H является максимальной подгруппой в некоторой максимальной подгруппе M группы G . Аналогично могут быть определены 3-максимальные подгруппы и далее.

В последние годы получен ряд новых интересных результатов о вторых и третьих максимальных подгруппах. Например, в работе [1] Го Шуин и К.П. Шам доказали разрешимость групп, в которых все 2-максимальные подгруппы обладают свойством покрытия-изолирования. В работах [2–3] получены характеристики сверхразрешимых групп в терминах 2-максимальных подгрупп. Еще один подход к изучению групп с заданными 2-максимальными подгруппами разрабатывался в работах [4–5], где было доказано, что группа G является сверхразрешимой, если все ее 2-максимальные подгруппы G -перестановочны в G (напомним, что подгруппа H группы G называется X -перестановочной в G [4], где X – непустое подмножество группы G , если для любой подгруппы T из G найдется такой элемент x из X , что $HT^x = T^xH$). Отметим также, что в работах [6–7] было получено описание ненильпотентных групп, в которых каждая 3-максимальная подгруппа перестановочна со всеми 2-максимальными подгруппами, а также групп, в которых каждая 3-максимальная подгруппа перестановочна со всеми максимальными подгруппами. В связи с последними двумя результатами вполне естественной является задача описания групп, в которых любые две 3-максимальные подгруппы перестановочны (см. Вопрос 3.10 в обзоре [8]). Эта задача в классе ненильпотентных групп была решена в работе [9].

Целью данной работы является изучение X -перестановочности n -максимальных подгрупп, где X – подгруппа Фиттинга основной группы, для $n = 2, 3$.

Следуя [10], будем обозначать пересечение всех 2-максимальных подгрупп группы G через $\Phi^2(G)$. Через $M_3(p)$ обозначается p -группа, равная группе $\langle a, b \mid a^{p^2} = b^p = 1, a^b = a^{1+p} \rangle$ (см. [11, стр. 190]). В дальнейшем p, q и r – попарно различные простые числа. В следующих теоремах P, Q и R обозначают некоторые силовские p -подгруппу, q -подгруппу и r -подгруппу в G соответственно.

Сформулируем в виде лемм необходимые в дальнейшем результаты работы [9].

Лемма 1 [9, лемма 2.3]. Пусть G – ненильпотентная группа. Тогда следующие условия эквивалентны:

- (1) G является группой Шмидта с абелевыми силовскими подгруппами;
- (2) любые две 2-максимальные подгруппы группы G перестановочны.

Лемма 2 [9, теорема 3.1]. Пусть G – группа Шмидта. Тогда любые две 3-максимальные подгруппы группы G перестановочны в том и только в том случае, когда G является группой одного из следующих типов:

- (1) G – группа с абелевыми силовскими подгруппами;
- (2) $G = [P]Q$, где P изоморфна либо $M_3(p)$, либо группе кватернионов порядка 8;
- (3) $G = [P]Q$, где $|P| > p^3$, $|\Phi(P)| = p$ и $\Phi(P) = \Phi^2(P)$.

Теорема 1. В том и только в том случае в группе Шмидта G любые ее две 2-максимальные подгруппы являются $F(G)$ -перестановочными, когда G – группа с абелевыми силовскими подгруппами.

Доказательство. Необходимость. Пусть $G = [P]Q$ – группа Шмидта, в которой любые две 2-максимальные подгруппы $F(G)$ -перестановочны. Предположим, что P – неабелева группа. Тогда G имеет в точности два класса максимальных подгрупп, представителями которых являются группы PQ_1 и $P'Q$ (где Q_1 максимальна в Q). Следовательно, группа G имеет точно четыре класса 2-максимальных подгрупп, представителями которых являются группы PQ_2 , P_1Q_1 , $P'Q_1$ и TQ (где Q_2 максимальна в Q_1 , T – некоторая максимальная подгруппа в P' и P_1 – некоторая максимальная подгруппа в P). По условию, существует такой элемент f из $F(G)$, что $(P_1Q_1)(TQ)^f = (TQ)^f(P_1Q_1)$. Так как $Q_1 \leq Z(G)$, $T \leq Z(P)$ и TQ нильпотентна, то подгруппы Q_1 и T нормальны в G и поэтому $P_1Q^f = Q^fP_1$. Это означает, что P_1Q^f – подгруппа в группе G . Так как подгруппа $P'Q^f$ максимальна в G , $P_1Q^f \neq G$ и $P' \leq P_1$, то $P' = P_1$. Следовательно, $\Phi(P) = P' = Z(P)$ – максимальная подгруппа в P и поэтому P является циклической группой порядка p , что противоречит нашему допущению о группе P . Следовательно, G – группа Шмидта с абелевыми силовскими подгруппами.

Достаточность. Напрямую следует из леммы 1. Теорема доказана.

Теорема 2. В том и только в том случае в группе Шмидта G любые ее две 3-максимальные подгруппы являются $F(G)$ -перестановочными, когда G – группа одного из следующих типов:

- (1) G – группа с абелевыми силовскими подгруппами;
- (2) $G = [P]Q$, где P изоморфна либо $M_3(p)$, либо группе кватернионов порядка 8;
- (3) $G = [P]Q$ – группа Шмидта, где $|P| > p^3$, $|\Phi(P)| = p$ и $\Phi(P) = \Phi^2(P)$.

Доказательство. Необходимость. Пусть $G = [P]Q$ – группа Шмидта, в которой любые две 3-максимальные подгруппы $F(G)$ -перестановочны.

Если P абелева, то G является группой типа (1). Предположим теперь, что P – неабелева группа. Тогда $\Phi(P) = P' = Z(P)$.

Покажем, что в группе P любые две 2-максимальные подгруппы $F(G)$ -перестановочны. Пусть P_1 и P_2 – произвольные 2-максимальные подгруппы группы P и Q_1 – максимальная подгруппа в Q . Так как Q_1 нормальна в G , то P_1Q_1 и P_2Q_1 являются 3-максимальными подгруппами в G . По условию, существует такой элемент f из $F(G)$, что $(P_1Q_1)(P_2Q_1)^f = (P_2Q_1)^f(P_1Q_1)$ и поэтому $L = Q_1P_1(P_2)^f$ является подгруппой в G . Согласно [12, VI, лемма 4.7], в группе L существует силовская p -подгруппа L_p такая, что $L_p = P_1(P_2)^f$. Это влечет $F(G)$ -перестановочность подгрупп P_1 и P_2 .

Допустим вначале, что $|\Phi(P)| = p$. Предположим, что существует такая 2-максимальная подгруппа T в группе P , что $\Phi(P)$ не содержится в T . Так как $P/\Phi(P)$ абелева и $T\Phi(P)/\Phi(P) \leq P/\Phi(P)$, то $T \approx T\Phi(P)/\Phi(P)$ также является абелевой группой и поэтому $T \times \Phi(P)$ – абелева максимальная подгруппа в P .

Тогда, по [13, теорема 5.1.9], $|P| = p^3$. В этом случае, по [11, V, теорема 5.1], P изоморфна одной из следующих групп: $M_3(p)$, $M(p)$, D или Q , где D – диэдральная группа, Q – группа кватернионов порядка 8, и

$$M(p) = \langle x, y, z \mid x^p = y^p = z^p = 1, [x, z] = [y, z] = 1, [x, y] = z \rangle \text{ (см. [11, стр. 203]).}$$

Если P изоморфна $M(p)$, то $P = \Omega_1(P) = \{g \in G \mid g^p = 1\}$. Но всякая подгруппа порядка p группы P является 2-максимальной подгруппой. Так как в группе P любые две 2-максимальные подгруппы $F(G)$ -перестановочны и в группе P существует два класса неинвариантных несопряженных 2-максимальных подгрупп, то P – абелева группа, противоречие. Если P изоморфна D , то, по [11, V, теорема 4.3], $P = \Omega_1(P)$, что невозможно, как показано выше. Следовательно, подгруппа P изоморфна либо группе $M_3(p)$, либо группе кватернионов порядка 8. Таким образом, G является группой типа (2).

Теперь допустим, что $\Phi(P)$ содержится в каждой 2-максимальной подгруппе группы P . Это влечет $\Phi(P) = \Phi^2(P)$. Если при этом $|P| = p^3$, то G снова является группой типа (2). Если же $|P| > p^3$, то G – группа типа (3).

Теперь допустим, что $|\Phi(P)| > p$. Пусть Q_1 – максимальная подгруппа в Q , K – некоторая 2-максимальная подгруппа в $\Phi(P)$ и P_2 – такая 2-максимальная подгруппа в P , что $\Phi(P) \leq P_2$. Тогда подгруппы P_2Q_1 и KQ являются 3-максимальными подгруппами в G . По условию, существует такой элемент f из $F(G)$, что $(P_2Q_1)(KQ)^f = (KQ)^f(P_2Q_1)$. Так как $Q_1 \leq Z(G)$, $K \leq Z(P)$ и KQ нильпотентна, то подгруппы Q_1 и K нормальны в G и поэтому $P_2Q^f = Q^fP_2$. Это означает, что P_2Q^f – подгруппа в группе G . Так как подгруппа $\Phi(P)Q^f$ максимальна в G , $P_2Q^f \neq G$ и $\Phi(P) \leq P_2$, то $\Phi(P) = Z(P) = P' = P_2$. Следовательно, $|P : Z(P)| = p^2$. Это означает, что P является группой Миллера–Морено. Но тогда $|P'| = |\Phi(P)| = p$ (см. [14]), что противоречит рассматриваемому случаю.

Достаточность. Напрямую следует из леммы 2. Теорема доказана.

Лемма 3. Пусть $P = [H]C_p$, где H – элементарная p -группа, $|C_p| = p$ и любые две 2-максимальные подгруппы из P являются H -перестановочными. Тогда P – абелева группа.

Доказательство. Допустим, что лемма неверна и пусть P – контрпример минимального порядка. Предположим, что $Z(P)$ не содержится в H . Тогда $P = HZ(P)$ и поэтому P – абелева группа. Следовательно, $Z(P) \leq H$. Тогда $Z(P) = Z_1 \times Z_2 \dots \times Z_t$, где $|Z_1| = \dots = |Z_t| = p$. Несложно показать, что для группы P/Z_1 выполняются условия леммы. Значит, по индукции, факторгруппа P/Z_1 является абелевой. Следовательно, мы можем считать, что $Z_1 = Z(P)$. В этом случае, по [13, теорема 5.1.9], $|P| = p^3$. Так как $P = [H]C_p$ и подгруппы H и C_p порождаются элементами порядка p , то $P = \Omega_1(P)$. Но всякая подгруппа порядка p группы P является 2-максимальной подгруппой. Так как в группе P любые две 2-максимальные подгруппы H -перестановочны и в P существует два класса неинвариантных несопряженных 2-максимальных подгрупп, то P абелева, противоречие. Лемма доказана.

Определение 1. Будем называть конечную ненильпотентную разрешимую группу, не являющуюся группой Шмидта, но содержащую исключительно нильпотентные 2-максимальные подгруппы, группой Белоногова.

Теорема 3. Пусть G – примитивная группа Белоногова и M – ее максимальная подгруппа с $M_G = 1$. Тогда в том и только в том случае любые две 3-максимальные подгруппы из G являются $F(G)$ -перестановочными, когда G – группа одного из типов:

- (1) $G = [P]M$, где P – минимальная нормальная p -подгруппа в G и M – нильпотентная подгруппа одного из порядков qr , q^2 или q ;
- (2) $G = [P]M$, где P – минимальная нормальная p -подгруппа в G , $M = [Q]R$, $|Q| = q$, $|R| = r$ и PR – группа Шмидта;

(3) $G = [P]M$, где P – минимальная нормальная p -подгруппа в G , $M = [Q]C_p$, $|Q| = q$, $|C_p| = p$ и PC_p – абелева группа.

Доказательство. Необходимость. Пусть G – примитивная группа Белоногова, в которой любые две 3-максимальные подгруппы являются $F(G)$ -перестановочными. Поскольку G – ненильпотентная группа, в которой каждая 2-максимальная подгруппа является нильпотентной, то каждая собственная подгруппа из G либо нильпотентна, либо является группой Шмидта, причем каждая подгруппа Шмидта максимальна в G . Так как G является примитивной разрешимой группой, то, по [15, А, теорема 15.6], $G = [P]M$, где $P = C_G(P) = F(G) = O_p(G)$ – единственная минимальная нормальная подгруппа в G .

Предположим вначале, что группа $G/P \approx M$ нильпотентна. Допустим, что каждая максимальная подгруппа группы G , строго содержащая P , нильпотентна. Тогда, ввиду нильпотентности M , мы имеем $M_G \neq 1$, противоречие. Следовательно, каждая максимальная подгруппа из G , строго содержащая P , является группой Шмидта. Так как M нильпотентна и, по [15, А, теорема 15.6], $O_p(M) = 1$, то p не делит $|M|$. Это влечет, что группа M содержит не более двух силовских подгрупп и $|M|$ делится не более, чем на два необязательно различных простых числа. Следовательно, либо $|M| = qr$, либо $|M| = q^2$, либо $|M| = q$. Таким образом, G является группой типа (1).

Теперь предположим, что группа $G/P \approx M$ не является нильпотентной. Так как M максимальна в G , то она является группой Шмидта. В этом случае группа $G/P \approx M$ удовлетворяет условиям леммы 2 и поэтому M является группой одного из типов (1)–(3), описанных в этой лемме.

Допустим, что M является группой типа (1) в лемме 2 и p не делит $|M|$. Тогда $G = [P]([Q]R)$, где $[Q]R = M$ – группа Шмидта с абелевыми силовскими подгруппами. Понятно, что M имеет точно два класса максимальных подгрупп, представителями которых являются подгруппы R и QR_1 , где R_1 – максимальная подгруппа в R . Тогда группа G имеет точно три класса максимальных подгрупп, представителями которых являются подгруппы $[Q]R$, PR и PQR_1 . Если предположить, что подгруппа PR нильпотентна, то $R \leq C_G(P) = P$, что невозможно. Следовательно, PR – группа Шмидта. Легко видеть, что тогда $R_1 = 1$ и поэтому $|R| = r$. Таким образом, подгруппа PQ максимальна в G . Если предположить, что подгруппа PQ нильпотентна, то $Q \leq C_G(P) = P$, что также невозможно. Следовательно, PQ – группа Шмидта с $|Q| = q$. В этом случае G является группой типа (2).

Теперь допустим, что M является группой типа (1) в лемме 2 и p делит $|M|$. Тогда $G = [P]M$, где $M = QP_1$ – группа Шмидта с абелевыми силовскими подгруппами, Q и P_1 – силовские q -подгруппа и p -подгруппа в M соответственно. По [15, А, теорема 15.6], $O_p(M) = 1$ и поэтому $M = [Q]P_1$, причем $|P_1| = p$. В этом случае PQ является максимальной подгруппой в G . Легко видеть, что $[P]Q$ – подгруппа Шмидта группы G и поэтому $|Q| = q$. Это влечет, по условию, что любые две 2-максимальные подгруппы из PP_1 являются $F(G)$ -перестановочными. Так как $P = F(G)$, то, по лемме 3, PP_1 – абелева группа. Таким образом, G – группа типа (3).

Пусть теперь M является группой типа (2) в лемме 2 и p не делит $|M|$. Тогда $G = [P]([Q]R)$, где $[Q]R = M$ – такая группа Шмидта, в которой подгруппа Q изоморфна либо группе $M_3(q)$, либо группе кватернионов порядка 8. В каждом из этих случаев $|\Phi(Q)| = q \neq 1$ и поэтому $P\Phi(Q)R$ – максимальная подгруппа группы G . Понятно, что эта подгруппа является нильпотентной и поэтому $\Phi(Q) \leq C_G(P) = P$, что невозможно.

Теперь предположим, что M является группой типа (2) в лемме 2 и p делит $|M|$. Тогда $G = [P]M$, где $M = QP_1$ – группа Шмидта, Q и P_1 – силовские q -подгруппа и p -подгруппа в M соответственно. По [15, А, теорема 15.6],

$O_p(M) = 1$ и поэтому $M = [Q]P_1$, где Q изоморфна либо группе $M_3(q)$, либо группе кватернионов порядка 8. Легко заметить, что $|P_1| = p$. Но тогда PQ является максимальной подгруппой в G . Понятно, что PQ ненильпотентна и поэтому PQ – подгруппа Шмидта в G с $|Q| = q$. Это означает, что подгруппа M не удовлетворяет условию (2) леммы 2, противоречие.

Допустим теперь, что M является группой типа (3) в лемме 2. Рассуждая аналогично, как и выше, можно показать, что данный случай не имеет места.

Достаточность. Непосредственной проверкой легко убедиться, что в случае, когда G является группой одного из типов (1)–(3), любые две 3-максимальные подгруппы группы G являются $F(G)$ -перестановочными. Теорема доказана.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Guo, X.Y.** Cover-avoidance properties and the structure of finite groups / X.Y. Guo, K.P. Shum // Journal of Pure and Applied Algebra. – 2003. – Vol. 181. – P. 297–308.
2. **Guo, W.** X -semipermutable subgroups of finite groups / W. Guo, K.P. Shum, A.N. Skiba // J. Algebra. – 2007. – Vol. 315. – P. 31–41.
3. **Li, B.** New characterizations of finite supersoluble groups / B. Li, A.N. Skiba // Science in China. Series A: Mathematics. – 2008. – Vol. 50, № 1. – P. 827–841.
4. **Skiba, A.N.** H -permutable subgroups / A.N. Skiba // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2003. – Vol. 4(19). – P. 37–39.
5. **Guo, W.** Conditionally Permutable Subgroups and Supersolubility of Finite Groups / W. Guo, K.P. Shum, A.N. Skiba // SEAMS Bull Math. – 2005. – Vol. 29, № 2. – P. 792–810.
6. **Guo, W.** On finite groups in which every 2-maximal subgroup permutes with all 3-maximal subgroups / W. Guo, H.V. Legchekova, A.N. Skiba. – Гомель, 2008. – 17 с. – (Препринт / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; № 10).
7. **Guo, W.** The structure of finite non-nilpotent groups in which every 3-maximal subgroup permutes with all maximal subgroups / W. Guo, H.V. Legchekova, A.N. Skiba. – Гомель, 2008. – 17 с. – (Препринт / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; № 11).
8. **Skiba, A.N.** Finite groups with given systems of generalized permutable subgroups / A.N. Skiba // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2006. – Т. 36, № 3. – С. 12–31.
9. **Го, В.** О конечных ненильпотентных группах, в которых любые две 2-максимальные подгруппы перестановочны или любые две 3-максимальные подгруппы перестановочны / В. Го, Ю.В. Луценко, А.Н. Скиба. – Гомель, 2008. – 26 с. – (Препринт / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; № 20).
10. **Белоногов, В.А.** Конечные разрешимые группы с нильпотентными 2-максимальными подгруппами / В.А. Белоногов // Матем. заметки. – 1968. – Т. 3, № 1. – С. 21–32.
11. **Gorenstein, D.** Finite groups, 2nd edn. / D. Gorenstein. – Chelsea–N. Y., 1980.
12. **Huppert, B.** Endliche Gruppen I / B. Huppert. – Berlin–Heidelberg–N. Y.: Springer, 1967.
13. **Kurzweil, H.** The theory of finite groups: an introduction / H. Kurzweil, B. Stellmacher. – N. Y.–Berlin–Heidelberg: Springer-Verlag, 2004.
14. **Miller, G.A.** Monabelian groups in which every subgroup is abelian / G.A. Miller, H. Moreno // Trans. Am. Soc. – 1903. – № 4. – P. 398–404.
15. **Doerk, K.** Finite Soluble Groups / K. Doerk, T. Hawkes. – Berlin–N. Y.: Walter de Gruyter, 1992. – 889 p.

S U M M A R Y

The paper is devoted to the description of the structure of finite Shmidt groups in which every two 2-maximal subgroups are $F(G)$ -permutable or every two 3-maximal subgroups are $F(G)$ -permutable. Also finite primitive Belonogov groups in which every two 3-maximal subgroups are $F(G)$ -permutable are described.

Поступила в редакцию 26.02.2009

Локальные функции классов Фиттинга

Все рассматриваемые группы конечны. В определениях и обозначениях мы следуем [1].

В изучении структуры классов Фиттинга широко используется функциональный метод. Этот метод связан с изучением отображений $f: \{\text{простые числа}\} \rightarrow \{\text{классы Фиттинга}\}$. Такие отображения называются функциями Хартли или H -функциями [2].

Пусть $LR(f) = E_\pi \cap (\bigcap_{p \in \pi} f(p)N_p E_{p'})$, где $\pi = \text{Supp}(f) = \{p \in \mathbf{P} : f(p) \neq \emptyset\}$ – носитель H -функции f . Если существует такая H -функция f , что $LR(f) = F$, то класс Фиттинга $\mathcal{F}$ называют локальным.

Одной из задач исследования H -функций класса $\mathcal{F}$ является задача описания наибольших H -функций. Заметим, что Н.Т. Воробьевым [3] была описана наибольшая приведенная H -функция класса Фиттинга $\mathcal{F}$. Такой функцией является H -функция F такая, что все непустые значения F являются классами Локетта и $F(p) = F(p)N_p \subseteq F$ для каждого простого p .

В работе [4] дается естественное расширение понятия локального класса Фиттинга в смысле следующего определения.

Определение [4]. *Отображение f множества $\mathbf{P}$ всех простых чисел во множество классов групп называется квазилокальной H -функцией или H_Q -функцией. Класс Фиттинга $\mathcal{F}$ называется квазилокальным, если существует квазилокальная функция f такая, что $LR_Q(f) = F$, где $LR_Q(f) = E_\pi \cap (\bigcap_{p \in \pi} f(p)N_p E_{p'})$ и $\pi = \text{Supp}(f) = \{p \in \mathbf{P} : f(p) \neq \emptyset\}$ – носитель H_Q -функции f .*

Очевидно, что всякий локальный класс Фиттинга является квазилокальным, хотя обратное в общем случае неверно.

Пусть Ω – множество всех H_Q -функций квазилокального класса Фиттинга $\mathcal{F}$. Определим на этом множестве отношение порядка $\leq$ следующим образом: $f \leq h$ тогда и только тогда, когда $f(p) \subseteq h(p)$ для любого простого p . Если f является наибольшим элементом множества Ω , то f называют наибольшей H_Q -функцией класса $\mathcal{F}$.

В работе [4] построена наибольшая среди $\langle S_n, D_0 \rangle$ -замкнутых H_Q -функций, определяющих класс Фиттинга $\mathfrak{N}_\pi$ всех нильпотентных π -групп. В последующем нами [5] было установлено, что требование D_0 -замкнутости H_Q -функции класса Фиттинга $\mathfrak{N}_\pi$ всех нильпотентных π -групп, которое использовалось при доказательстве основного результата в работе [4], избыточно.

В настоящей работе посредством радикалов групп найдено новое локальное задание произвольного локального класса Фиттинга $\mathcal{F}$.

Напомним, что класс групп $\mathcal{F}$ называют: S_n -замкнутым, если из $G \in \mathcal{F}$ и $N \triangleleft G$, всегда следует $N \in \mathcal{F}$; N_0 -замкнутым, если из условия $G = NM$, где $N \triangleleft G$, $M \triangleleft G$ и $N \in \mathcal{F}$, $M \in \mathcal{F}$, следует $G \in \mathcal{F}$. Класс групп $\mathcal{F}$ называется классом Фиттинга, если он одновременно S_n -замкнут и N_0 -замкнут. Подгруппу $G_{\mathcal{F}}$

группы G называют $\mathcal{F}$ -радикалом G , если она является наибольшей из нормальных подгрупп G , принадлежащих $\mathcal{F}$.

Определение. Пусть X – класс Фиттинга, $\mathcal{F}$ – непустой класс Фиттинга. Определим класс групп F_X следующим образом: $G \in F_X$ тогда и только тогда, когда $G_F \in X$. Если $X = \emptyset$, то положим $F_X = \emptyset$.

Мы будем использовать следующее известное свойство $\mathcal{F}$ -радикалов групп.

Лемма [1]. Если N – субнормальная подгруппа группы G и $\mathcal{F}$ – непустой класс Фиттинга, то $N_F \cap G = G_F$.

Основной результат работы представляет

Теорема. Любой локальный класс Фиттинга $\mathcal{F}$ определяется нормально-наследственной H_Q -функцией x такой, что

$$x(p)N_p = x(p) = \begin{cases} F_{F(p)}, & \text{если } p \in \pi \\ \emptyset, & \text{если } p \in \pi' \end{cases},$$

где F – наибольшая приведенная H -функция класса $\mathcal{F}$ и $\pi = \text{Supp}(F)$.

Доказательство. Покажем, что x – нормально-наследственная функция, то есть $x(p) = S_n x(p)$ для всех простых p . Пусть $G \in S_n x(p)$, где $p \in \text{Supp}(x)$. Тогда найдется группа $K \in x(p)$ такая, что $G \triangleleft K$. Заметим, что $K_F \triangleleft K$ и $G_F \triangleleft G$. Так как $G \triangleleft K$, то по лемме $K_F \cap G = G_F$ и тогда $G_F \subseteq K_F$. Но $K \in x(p)$, и поэтому $K_F \in F(p)$. Тогда из $G_F \subseteq K_F$ следует, что $G_F \in F(p)$ и поэтому, по заданию функции $x(p)$, получаем $G \in x(p)$. Следовательно, $S_n x(p) \subseteq x(p)$. Справедливость обратного включения очевидна. Итак, $x(p) = S_n x(p)$.

Покажем теперь, что $LR_Q(x) = F$. Пусть $G \in F(p)$, где $p \in \pi = \text{Supp}(x)$. Тогда, в силу S_n -замкнутости H -функции $F(p)$, следует $G_F \in F(p)$. Отсюда имеем, $G \in x(p)$. Таким образом, $F(p) \subseteq x(p)$, и поэтому $F(p)N_p E_{p'} \subseteq x(p)N_p E_{p'}$. Заметим, что $F(p) = \emptyset$ в точности тогда, когда $x(p) = \emptyset$, и поэтому $\text{Supp}(x) = \text{Supp}(F) = \pi$. Значит, $E_\pi \cap (\bigcap_{p \in \pi} F(p)N_p E_{p'}) \subseteq E_\pi \cap (\bigcap_{p \in \pi} x(p)N_p E_{p'})$. Следовательно, $LR(F) \subseteq LR_Q(x)$. Но $F = LR(F)$. Поэтому $F \subseteq LR_Q(x)$.

Покажем теперь, что $LR_Q(x) \subseteq F$. Выберем из класса $LR_Q(x) \setminus F$ группу G минимального порядка. Тогда группа G комонолитична и ее комонолит $G_{\mathcal{F}}$. Так как $G \in x(p)N_p E_{p'}$ для $p \in \text{Supp}(x)$, то существует $N \triangleleft G$ такая, что $N \in x(p)$ и $G/N \in N_p E_{p'}$. Так как $N \triangleleft G$, то по лемме имеем $G_F \cap N = N_F$. Но из комонолитичности $G_{\mathcal{F}}$ следует $G_F \cap N = N$. Итак, $N = G_F \cap N = N_F$. Так как $N \in x(p)$, то $N_F \in F(p)$. Следовательно, $N \in F(p)$. Но тогда из $G/N \in N_p E_{p'}$ и $N \in F(p)$ следует, что $G \in F(p)N_p E_{p'}$ для любого p из $\text{Supp}(x) = \text{Supp}(F)$. Значит, $G \in \bigcap_{p \in \pi} F(p)N_p E_{p'}$, где $\pi = \text{Supp}(F)$. Так как $G \in LR_Q(x)$, то $G \in E_\pi$. Следовательно, $G \in E_\pi \cap (\bigcap_{p \in \pi} F(p)N_p E_{p'}) = LR(F)$. Но так как $F = LR(F)$,

то $G \in F$. Получили противоречие с выбором группы G . Следовательно, $LR_Q(x) \subseteq F$. Таким образом, $LR_Q(x) = F$.

Остается показать, что $x(p) = x(p)N_p$ для всех простых p . Пусть $G \in x(p)N_p$. Тогда существует $K \triangleleft G$ такая, что $K \in x(p)$ и $G/K \in N_p$. Так как $K \triangleleft G$, то по лемме имеем $G_F \cap K = K_F$. В силу изоморфизма $G_F K / K \cong G_F / (G_F \cap K)$ и с учетом $G_F \cap K = K_F$ получаем $G_F K / K \cong G_F / K_F$. Так как $G_F K / K$ – подгруппа группы G / K , то с учетом $G / K \in N_p$ имеем $G_F K / K$ – p -группа. Тогда из $G_F K / K \cong G_F / K_F$ следует, что $G_F / K_F \in N_p$. Заметим, что $K_F \in F(p)$ ввиду $K \in x(p)$. Следовательно, $G_F \in F(p)N_p$, но $F(p)N_p = F(p)$, и поэтому $G \in x(p)$. Тогда $x(p)N_p \subseteq x(p)$. Справедливость обратного включения очевидна. Таким образом, $x(p) = x(p)N_p$ для каждого простого p . Теорема доказана.

Следствие 1. Пусть $\emptyset \neq \pi \subseteq P$. Тогда класс Фиттинга $\mathfrak{N}_\pi$ всех нильпотентных π -групп определяется нормально-наследственной H_Q -функцией x такой, что

$$x(p)N_p = x(p) = \begin{cases} (G : G_{N_\pi} \in N_p), & \text{если } p \in \pi \\ \emptyset, & \text{если } p \in \pi' \end{cases}$$

В случае $\pi = P$ получаем

Следствие 2. Класс Фиттинга $\mathfrak{N}$ всех нильпотентных групп определяется нормально-наследственной H_Q -функцией x такой, что

$$x(p)N_p = x(p) = (G : G_N \in N_p) \text{ для всех простых } p.$$

ЛИТЕРАТУРА

1. **Doerk, K.** Finite soluble groups / K. Doerk, T. Hawkes. – Berlin–N. Y.: Walter de Gruyter, 1992. – 891 p.
2. **Воробьев, Н.Т.** О предположении Хоукса для радикальных классов / Н.Т. Воробьев // Сибирский математический журнал. – 1996. – Т. 37, № 6. – С. 1296–1302.
3. **Воробьев, Н.Т.** О наибольшей приведенной функции Хартли / Н.Т. Воробьев // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 1999. – № 1(15). – С. 8–13.
4. **Загурский, В.Н.** О новых заданиях классов Фиттинга / В.Н. Загурский, Н.Т. Воробьев // Веснік ВДУ. – 2003. – № 2. – С. 100–104.
5. **Семенов, М.Г.** О наибольших локальных функциях нильпотентных классов Фиттинга / М.Г. Семенов, Н.В. Савельева // X(55) региональная научно-практическая конференция преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов университета: сб. ст. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. – С. 21–23.

S U M M A R Y

The new local function of Fitting class $\mathfrak{F}$ is described, where $\mathfrak{F}$ is a local Fitting class.

Поступила в редакцию 6.03.2009

Чешуекрылые (Lepidoptera, Rhopalocera) верховых болот Белорусского Поозерья

На территории Беларуси среди многих биогеоценозов верховые болота выделяются особенно своеобразными гидрологическими, гидрохимическими и фитоценотическими условиями, которые в значительной степени влияют на формирование специфических сообществ живых организмов. Несмотря на то, что чешуекрылые насекомые являются одной из самых многочисленных по обилию групп насекомых в данных экосистемах, сведения о видовом составе многих семейств, в том числе Hesperidae, Pieridae, Nymphalidae, Satyridae, Lycaenidae, олиготрофных болот Белорусского Поозерья до настоящего времени были фрагментарны и разрознены [1–4]. В связи с этим цель нашей работы – выявление видового состава и изучение отдельных аспектов биологии чешуекрылых, входящих в данные семейства.

Материалы и методы. Материалом для работы послужили сборы авторов, проведенные в 1995–2006 гг. на верховых болотах Белорусского Поозерья. Болота различались как размерами, так и степенью проводимой на них хозяйственной деятельности. Исследованные верховые болота представлены лесными и безлесными кустарничково-пушицево-сфагновыми ассоциациями. В древесном ярусе преобладает *Pinus silvestris*. Часто встречается и береза, которая преобладает на мелиорированных болотах и выгоревших участках. В травянисто-кустарничковом ярусе распространены такие растения, как *Chamaedaphne calyculata*, *Andromeda polyfolia*, *Ledum palustre*, *Vaccinium uliginosum*, иногда *Calluna vulgaris*, *Eriophorum vaginatum*. На некоторых болотах изредка отмечается *Betula nana*. По сфагновому ковру растут *Oxycoccus quadripetalus*, *Drosera rotundifolia*, *Empetrum nigrum*, на отдельных болотах – *Rubus chamaemorus*.

Приняты следующие сокращения их названий: Ел – Ельня (Миорский и Шарковщинский р-ны, гидрологический заказник), Ук – Урочище Каменполье (Миорский р-н, окр. д. Мартиновцы), Дм – Дымовщина (Витебский р-н, окр. д. Дымовщина, ботанический заказник, осушено), Ос – Освейское (Верхнедвинский р-н, окр. д. Суколи, в естественном состоянии, охотничий заказник), Об – Оболь II (Шумилинский р-н, в естественном состоянии, гидрологический заказник), Пт – Пострежское болото (Лепельский р-н, Березинский биосферный заповедник), Рж – Рожнянское болото (Лепельский р-н, Березинский биосферный заповедник), Мл (Мядельский р-н, окр. оз. Млынок на территории Нац. парка «Нарочанский»).

Преобладающее большинство сборов выполнено во время индивидуального отлова чешуекрылых энтомологическим сачком, а также с помощью ловушек Малеза.

Материал хранится в биологическом музее ВГУ им. П.М. Машерова (г. Витебск) и в ГНУ «Институт зоологии НАН Беларуси» (г. Минск).

Результаты и их обсуждение. Составлен аннотированный список видов, в котором для каждого из них приводятся сведения относительно типа ареала, согласно терминологии К.Б. Городкова [5], биотопической приуроченности, частоты встречаемости по шкале обилия В.Ф. Палия [6], периода лета имаго и кормовых растений гусениц на верховых болотах. Для большинства видов сведения относительно биотопических предпочтений, трофических связей гусениц заимствованы из [3, 7–10]. Таксономическое подразделение и порядок таксонов приняты на основании работы В.И. Кузнецова, А.А. Стекольниковой [11].

Сем. Толстоголовки (Hesperiidae)

***Carterocephalus palaemon* Pallas, 1771.** Голарктический лесной вид. Предпочитает лесные сырые опушки хвойных и смешанных лесов, реже встречается на пойменных лугах, по берегам рек и ручьев [3]. Отмечен в переходных зонах крупных верховых болот (Ел, Об). Встречается единично. Лет происходит с третьей декады мая по третью декаду июня [3, 7–9].

***C. silvicola* Meigen, 1829.** Транспалеарктический лесной вид. Населяет сырые участки лесов различных типов, реже встречается на пойменных лугах по берегам рек и ручьев [3]. Отмечен единично в переходных зонах крупных верховых болот (Ел, Об, Пт). Лет происходит с первой декады мая до конца июня [3, 7–9].

***Thymelicus lineola* (Ochsenheimer, 1808).** Голарктический эврибионтный вид. Предпочитает лесные опушки, поляны, обочины дорог, берега рек [3]. На болотах очень редок (Пт, Об). Отмечен в основном по краям верховых болот. Лет происходит с первой декады июня до середины августа [3, 7–9].

Сем. Белянки (Pieridae)

***Colias palaeno* Linnaeus, 1761.** Голарктический болотный вид. Отмечен в массе на всех исследованных болотах. Стенобионт верховых болот. Встречается как на естественных, так и частично мелиорированных торфяниках. Иногда летает по лесным дорогам и просекам в более сухих биотопах [3]. Сроки лета растянуты с конца мая до середины августа. Кормовое растение гусеницы – *Vaccinium uliginosum* [3, 7–10]. Занесен в Красную книгу РБ [12].

***Pieris brassicae* Linnaeus, 1758.** Западно-центрально-палеарктический эврибионтный вид. Предпочитает лесные опушки, поляны, обочины дорог, открытые окультуренные ландшафты, сады, лесополосы вдоль железных дорог. Наиболее часто встречается вблизи селений, где имеются возделываемые крестоцветные [3]. Отмечен единично в основном по краям верховых болот (Ел, Об, Пт, Рж, Ос). Лет первой генерации происходит с третьей декады апреля до третьей декады июня, второй – со второй декады июля до второй декады сентября. Иногда, в теплые годы, в октябре появляется третье поколение [3, 7–9].

***P. napi* Linnaeus, 1758.** Голарктический эврибионтный вид. Населяет лесные опушки, поляны, обочины дорог, открытые окультуренные ландшафты, сады, парки [3]. Отмечен в основном по краям верховых болот (Пт, Об). Редок. Лет первой генерации происходит со второй декады апреля до второй декады июня, второй генерации – со второй декады июля до второй декады сентября. Иногда, в теплые годы, в октябре появляется третье поколение [3, 7–9].

***Anthocharis cardamines* (Linnaeus, 1758).** Транспалеарктический эврибионтный вид. Предпочитает лесные опушки, поляны, обочины дорог, берега рек [3]. Отмечен по краям верховых болот (Пт). Очень редок. Лет происходит с третьей декады апреля до середины июня [3, 7–9].

***Gonepteryx rhamni* (Linnaeus, 1758).** Западнопалеарктический эврибионтный вид. Предпочитает лесные опушки, поляны, обочины дорог, берега

рек [3]. Отмечен по краям верховых болот (Пт, Мл). Очень редок. Лет происходит с третьей декады апреля до первой декады октября [3, 7–9].

Сем. Нимфалиды (Nymphalidae)

***Argynnis laodice* Pallas, 1771.** Транспалеарктический лесной вид. Встречается на лесных опушках, полянах, по обочинам лесных дорог, иногда по берегам рек и мелиоративных каналов, по суходольным и мезофитным лугам. Предпочитает хвойные леса [3]. Обычен в переходной зоне верховых болот (Ел, Дм, Об). Лет происходит с первой декады июля по вторую декаду августа [3, 7–9].

***Boloria aquilonaris* Stichel, 1908.** Евро-сибирский болотный вид. Отмечен в массе на естественных и мелиорированных болотах. Стенобионт олиготрофных болот. Населяет торфяники, верховые болота, сосняки багульниковые, заболоченные, поросшие сфагнумом берега лесных озер [3]. Лет происходит со второй декады июня по третью декаду июля. Гусеница питается на *Oxycoccus palustris* [3, 7–10].

***Clossiana euphrosyne* Linnaeus, 1758.** Транспалеарктический лесоболотный вид. Отмечен в массе на всех исследованных естественных и мелиорированных болотах. Населяет верховые болота, сосняки багульниковые, заболоченные сосновые леса, иногда поймы небольших лесных рек [3]. Лет происходит с первой декады мая по первую декаду июля. Кормовые растения гусениц – *Vaccinium uliginosum*, *Ledum palustre* [3, 7–9].

***Clossiana selene* ([Denis et Shiffermüller], 1775).** Голарктический эврибионтный вид. Предпочитает лесные опушки, поляны, обочины дорог, заболоченные и сырые луга, берега рек, антропогенные ландшафты [3]. Отмечен единично в переходных зонах крупных верховых болот (Об). Лет первой генерации происходит с середины мая до конца июля, второй – с третьей декады июля до конца августа [3, 7–9].

***C. frigga* (Beclin in Thunberg, 1791).** Голарктический болотный вид. Стенобионт верховых болот. Уникален. К настоящему времени отмечен только на юго-востоке Минской и на севере Витебской областей. Все находки в Белорусском Поозерье приурочены к гидрологическому заказнику «Ельня». Данные этикеток: Миорский р-н, гидрол. зак. «Ельня», сосняк сфагновый, 4.06.1999, Г.Г. Сушко, 2 самки; Миорский р-н, гидрол. зак. «Ельня», сосняк сфагновый, 31.05.1986, А.М. Дорофеев, 1 самец. Лет происходит с третьей декады мая по первую декаду июня. Гусеницы питаются на *Oxycoccus palustris*, *Rubus chamaemorus* [3, 7–9]. Вид занесен в Красную книгу Республики Беларусь [12].

***Proclassiana eunomia* Esper, 1799.** Голарктический болотный вид. Населяет верховые болота, сосняки багульниковые, пушицево-сфагновые фитоценозы, заболоченные сосновые леса [3]. Част на всех исследованных болотах (Пт, Рж, Об, Ел, Ос, Ук). Лет происходит с третьей декады мая по вторую декаду июня [3, 7–10].

***Euphydrias aurinia* Rottemburg, 1775.** Транспалеарктический луговой вид. Населяет луга, сырые заболоченные леса [3]. Отмечен в краевой зоне болота (Об). Очень редок. Лет происходит с третьей декады мая по третью декаду июня [3, 7–9].

***E. maturna* Linnaeus, 1758.** Западнопалеарктический лесной вид. Летает в сырых заболоченных лесах, по опушкам, вдоль лесных дорог [3]. Отмечен в краевой зоне болота (Об). Очень редок. Лет имаго – первая декада июня – вторая декада июля [3, 7–9].

***Mellicta athalia* Rottemburg, 1775.** Голарктический луговой вид. Населяет луга, лесные опушки, поляны, обочины дорог, открытые окультуренные ландшафты, берега рек, склоны железных дорог [3]. Отмечен в краевой зоне болота (Пт, Об, Ел, Дм). Редок. Лет происходит с третьей декады мая по третью декаду июля [3, 7–9].

***Polygonia c-album* Linnaeus, 1758.** Транспалеарктический эврибионтный вид. Населяет лесные опушки, поляны, обочины дорог, открытые окультуренные ландшафты, луга, берега рек [3]. Отмечен в переходных зонах верховых болот и иногда на самих верховых болотах (Ел, Дм). Редок. Лет происходит с июня по октябрь [3, 7–9].

***Apatura ilia* ([Denis & Schiffermüller], 1775).** Транспалеарктический лесной вид. Населяет лесные опушки, поляны, обочины дорог, берега рек [3]. Отмечен в переходной зоне болота. Также иногда встречается и в центре (Пт). Редок. Лет происходит со второй декады июня по первую декаду августа. Гусеницы питаются на *Salix sp.* [3, 7–9].

***Araschnia levana* (Linnaeus, 1758).** Транспалеарктический эврибионтный вид. Населяет луга, леса, поляны, обочины дорог, берега рек, сады [3]. Отмечен в переходной зоне болота (Пт, Дм). Очень редок. Лет происходит с апреля по август. Имеет две генерации. На болотах установлены представители летнего поколения [3, 7–9].

***Inachis io* (Linnaeus, 1758).** Транспалеарктический эврибионтный вид. Населяет луга, леса, поляны, обочины дорог, берега рек, антропоценозы [3]. Отмечен в переходной зоне болота (Пт). Очень редок. Лет происходит с марта по сентябрь [3, 7–9].

***Nymphalis antiopa* (Linnaeus, 1758).** Голарктический эврибионтный вид. Населяет луга, леса, поляны, обочины дорог, берега рек, антропоценозы [3]. Отмечен в переходной зоне болота (Пт). Очень редок. Лет происходит с марта по октябрь. Гусеницы питаются на *Betula sp.*, *Salix sp.* [3, 7–9].

Сем. Бархатницы (Satyridae)

***Lasiommata petropolitana* Fabricius, 1787.** Транспалеарктический лесной вид. Предпочитает влажные и мезофитные сосновые леса и опушки, иногда окраины болот и сухие минеральные острова посреди болот [3]. Уникален. Лет происходит со второй декады мая по вторую декаду июня [3]. Данные этикетки: Витебская обл., Сенненский р-н, оз. Стрешно, сосняк багульниково-сфагновый, на цветах багульника, 30.05.2003, 1 самка, 1 самец, И.А. Солодовников. Вид занесен в Красную книгу Республики Беларусь [12].

***Coenonympha hero* Linnaeus, 1761.** Транспалеарктический лесоболотный вид. Населяет торфяники, верховые болота, сосняки багульниковые, заболоченные сосновые леса, иногда сырые мелколиственные леса [3]. Част (Пт, Рж, Дм). Лет происходит со второй декады мая по третью декаду июля. Гусеницы питаются на *Carex spp.* [3, 7–9].

***Coenonympha pamphilus* Linnaeus, 1758.** Западно-центральнопалеарктический эврибионтный вид. Населяет лесные опушки, поляны, обочины дорог, открытые окультуренные ландшафты, луга, берега рек [3]. Отмечен в переходной зоне болота (Об). Редок. Лет имаго с середины мая до третьей декады июня и с начала июля до середины сентября [3, 7–9].

***Oeneis jutta* Hübner, 1806.** Транспалеарктический болотный вид. Обычен (Ел, Ос, Пт, Рж, Об, Ук). Стенобионт верховых болот. На осушенных болотах не установлен. Вид развивается в 1 поколении за 2 года. Лет происходит со второй декады мая до второй декады июня. Гусеницы питаются на *Carex spp.* и *Eriophorum vaginatum* [3]. Занесен в Красную книгу Республики Беларусь [12].

***Aphantopus hyperantus* (Linnaeus, 1758).** Транспалеарктический лугово-лесной вид. Населяет луга, лесные поляны и опушки, обочины дорог [3]. Отмечен в переходной зоне болота (Пт). Редок. Лет происходит с первой декады мая по третью декаду июля [3].

Сем. Голубянки (Lycaenidae)

***Plebeius argus* Linnaeus, 1758.** Транспалеарктический лугово-лесной вид. Населяет луга, верховые болота, сосняки вересковые, заболоченные сосновые леса [3]. Обычен на всех исследованных болотах. Лет происходит с первой декады июня по вторую декаду июля. Кормовые растения гусениц *Vaccinium uliginosum*, *Calluna vulgaris* [3, 7–10].

***Maculinea alcon* Denis et Schiffermüller, 1775.** Центральнопалеарктический луговой вид. Предпочитает торфяники, луга, иногда сырые мелколиственные леса [3]. На верховых болотах очень редок (Ос). Лет происходит с первой декады июля по вторую декаду августа [3, 7–9]. Включен в Красную книгу Республики Беларусь [12].

***Vacciniina optilete* Knoch, 1781.** Голарктический болотный вид. Населяет верховые болота, сосняки багульниковые, заболоченные сосновые леса. Стенобионт верховых болот [3]. Обычен (Ел, Ос, Пт, Рж, Об, Мл, Ук). Лет происходит с первой декады июня по первую декаду августа. Кормовые растения гусениц *Vaccinium uliginosum*, *V. myrtillus*, *Oxycoccus palustris* [3, 7–10].

***Callophris rubi* Linnaeus, 1758.** Транспалеарктический лесо-болотный вид. Населяет опушки лесов, разреженные кустарниковые насаждения, верховые болота [3]. Обычен на всех исследованных болотах. Лет происходит с третьей декады апреля по третью декаду июня. Кормовые растения гусениц *Vaccinium myrtillus*, *V. uliginosum*, *Betula sp.* [3, 7–9].

Заключение. На верховых болотах Белорусского Поозерья нами установлен 31 вид группы Rhopalocera. Больше всего видов включает семейство Nymphalidae (14). В семействах Pieridae и Satyridae установлено по 5 видов, в Lycaenidae – 4, в Hesperidae – 3 вида. Наибольшей численностью обладают типичные для олиготрофных болот виды: *Colias palaeno*, *Boloria aquilonaris*, *Clossiana euphrosyne*, *Proclissiana eunomia*, *Oeneis jutta*, *Vacciniina optilete*, *Callophris rubi*. Лет большинства из них происходит в мае–июле. Гусеницы развиваются в основном на *Vaccinium myrtillus*, *Oxycoccus palustris*, *Calluna vulgaris*.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Голденков, А.А.** Дневные бабочки Республики Беларусь. Фаунистический каталог / А.А. Голденков. Деп. в НПЭЦ «БЕРАС-ЭКО». Ин-т зоологии АН Беларуси, 06.05.1992, № 61, 1992. – 67 с.
2. **Солодовников, И.А.** Белянки (Lepidoptera, Pieridae Duponchel, 1835) Северной Беларуси / И.А. Солодовников [и др.] // Веснік ВДУ. – 1999. – № 4(14). – С. 101–108.
3. **Довгайло, К.Е.** Дневные бабочки (Diurna, Lepidoptera) Республики Беларусь. CD определитель, база данных и пакет программ «Lysandra» / К.Е. Довгайло, И.А. Солодовников, Н.И. Рубин. – Минск, 2003.
4. **Солодовников, И.А.** Предложения по вопросам охраны краснокнижных видов бабочек / И.А. Солодовников [и др.] // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2003. – Т. 2. – С. 171–211.
5. **Городков, К.Б.** Типы ареалов насекомых тундры и лесных зон Европейской части СССР / К.Б. Городков // Ареалы насекомых Европ. части СССР: Карты 179–221. – Л., 1984. – С. 3–20.
6. **Палий, В.Ф.** Об определении обилия в энтомологических исследованиях / В.Ф. Палий // Сб. энтомол. работ Кирг. отд. ВЭО. – Фрунзе, 1965. – С. 112–121.
7. **Ivinskis, P.** Lepidoptera of Lithuania: Annotated catalogue / P. Ivinskis. – Vilnius, 2004. – 380 p.
8. **Janovski, M.** Lepidoptera rašeliništė rudne u Suchė hory / M. Janovski, A. Reiprih // Zbor. Slov. Nār. Mūz., Priir. Vedy. – 1989. – Vol. 35. – P. 29–50.

9. **Kazlauskas, R.** Lietuvos drugiai / R. Kazlauskas. – Vilnius, 1984. – 190 s.
10. **Spitzer, K.** Lepidoptera associated with the Červené Blato bog (Central Europe) Conservation implications / K. Spitzer, J. Jaroš // Eur. J. Entomol. – 1993. – № 90. – P. 323–336.
11. **Кузнецов, В.И.** Новые подходы к системе чешуекрылых мировой фауны (на основе функциональной морфологии брюшка) / В.И. Кузнецов, А.А. Стекольников. – СПб.: Наука, 2001. – 462 с.
12. **Красная книга Республики Беларусь:** Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды диких животных / Г.П. Пашков (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БелЭн, 2004. – 320 с.: ил.

S U M M A R Y

The checklist of 31 species of Lepidoptera (Hesperiidae, Pieridae, Nymphalidae, Satyridae, Lycaenidae) is presented. The checklist is based on the materials collected in the natural and meliorated peat bogs of Belarusian O'Lakes Land. The most numerous are *Colias palaeno*, *Boloria aquilonaris*, *Clossiana euphrosyne*, *Procllossiana eunomia*, *Oeneis jutta*, *Vacciniina optilete*, *Callophrys rubi*.

Поступила в редакцию 3.05.2007

УДК 581.1

А.В. Иванова

Влияние биостимуляторов на прорастание семян растений рода *Thuja*

Хвойные растения – одна из наиболее древних, распространенных и хозяйственно ценных групп растений. В ее состав входит 560 видов из 55 родов и 7 семейств [1]. Хвойные имеют санитарно-гигиенические и декоративные свойства, поэтому широко используются в зеленом строительстве. Однако применение интродуцированных хвойных растений в производственной практике затруднено из-за отсутствия эффективных методов их размножения, особенно в новых условиях интродукции. Они не формируют семян или формируют семена низкого качества [2]. В условиях интродукции снижается устойчивость растений к различным факторам внешней среды [3]. Но, несмотря на трудности, именно при семенном размножении древесных интродуцентов в новых условиях повышается в поколениях устойчивость к неблагоприятным воздействиям [4]. В связи с этим наша цель – изучить влияние на прорастание семян *Thuja* некоторых биостимуляторов.

В настоящее время актуально применение стимуляторов роста растений, среди которых известны ивин, эпин, гумат, микроэлементы, экосил. Предварительная обработка семян данными средствами позволяет повысить всхожесть, интенсивность роста.

Материалы и методы. Объектами исследования являлись *Thuja plicata* D. Don., *Thuja occidentalis* L. и ее формы: *Th. occ. 'Rosenthalii'*, *Th. occ. 'Lutea'*, *Th. occ. 'Albospicata'*, произрастающие в ГНУ «Центральный ботанический сад Национальной академии наук Беларуси». Предмет исследования – энергия прорастания и лабораторная всхожесть семян представителей рода *Thuja*, указанных выше под действием стимуляторов роста.

Подготовка семенного материала и анализ результатов всхожести проводились согласно ГОСТу 13056.6-97. Семена в количестве 100 штук взвешивали

вали и помещали в чашки Петри на смоченную фильтровальную бумагу. Энергию прорастания определяли на протяжении 10-ти суток, всхожесть – 20-ти. Для исследования была взята контрольная группа семян и семена, обработанные стимуляторами роста. Для стимуляции использовались: экосил, эпин, ивин, гумат, корневин. Приготовление рабочего раствора шло согласно прилагаемой к препарату инструкции.

«Экосил». Предварительное замачивание в течение часа в рабочем растворе с последующей промывкой. Приготовление рабочего раствора: 2 капли на 0,5 л воды. Сначала 2 капли экосила разводили в меньшем объеме воды. Затем растворенный препарат довели до рабочего объема.

«Эпин». Семена декоративных культур замачивались в растворе из расчета 2 капли на 50 мл воды на 18–20 часов.

«Корневин». Приготовление рабочей суспензии: 1 г размешивают в 1 л воды в течение 3–5 мин. Замачивание на 6 часов.

«Гумат-Люкс». Для получения концентрированного раствора 1 г разводили в 1 л воды. Для приготовления рабочего раствора 0,1 л конц. раствора разводили в 0,9 л воды. Замачивание семян декоративных культур на 24 часа.

«Ивин». Замачивание семян на 18–20 часов в рабочем растворе – 0,02 г действующего вещества ивина на 2 л воды.

Измерение массы семян проводилось на торсионных весах (ВТ – 500, цена деления 1 мг). Статистическая обработка проводилась при помощи «Статистика 6,0», Microsoft Office Excel 2007 и рекомендаций Г.Н. Зайцева [5].

Полученные результаты исследования отражены в табл. 1–2.

Из табл. 1 видно, что влияние стимуляторов роста неодинаково на набухание семян.

Результаты и их обсуждение. Поступление воды в семена носит ступенчатый характер [6–7] и осуществляется в три этапа. Начальное набухание представляет собой физический процесс и осуществляется за счет матричных сил клеточных стенок и субстрата семени. В это время происходит активация метаболизма. Второй этап – это лаг-период, когда поступление воды в семя замедляется или приостанавливается. При этом еще велик матричный потенциал, но начинает возрастать осмотический потенциал, главным образом за счет начинающегося гидролиза запасных углеводов и белков. Его продолжительность в большинстве случаев бывает мала (дни или часы), а у некоторых видов вообще не удается. Предполагается, что в семенах в течение этого этапа происходят подготовительные изменения к началу роста. Третий этап связан с проклевыванием корешка, т.е. началом видимого прорастания. Он возможен только у живых семян. На этом этапе резко возрастает осмотический потенциал, а матричный потенциал снижается до минимума. Для этого этапа характерно появление в семенах воды жидкой фазы. Первые два этапа обратимы, т.е. чередование увлажнения и подсушивания сохраняет жизнеспособность семян, в то время как третий этап необратим, так как связан с началом синтетических процессов и морфологических изменений.

Влияние стимуляторов роста на набухание семян неодинаково.

Для *Thuja occidentalis* L. третий этап начинается на 6-е сутки. Исключение – семена в контрольной группе и обработанные гуматом (табл. 1).

Таблица 1

**Изменение массы (мг) набухающих семян *Thuja occidentalis* L.
до стадии прорастания**

Сутки	Средняя арифметическая массы семян (М) ± ошибка средней арифметической (m _м)						
	контроль	корневин	эпин	экосил	ивин	микро-элементы	гумат
1	2,16 ±0,07	2,14 ±0,25	2,38 ±0,1	2,12 ±0,22	1,88 ±0,09	1,71 ±0,21	2,32 ±0,07
6	2,56 ±0,15	4,10 ±0,40	4,85 ±0,13	4,23 ±0,23	3,35 ±0,28	2,68 ±0,43	2,92 ±0,17
7	2,78 ±0,20	–	–	–	–	–	4,78 ±0,1

У *Thuja occidentalis* 'Rosenthalii' под действием ивина и микроэлементов активизируется прорастание на 6-е сутки, в контроле – на 7-е сутки (табл. 2).

Таблица 2

**Изменение массы (мг) набухающих семян
Thuja occidentalis 'Rosenthalii' до стадии прорастания**

Сутки	Средняя арифметическая массы семян (М) ± ошибка средней арифметической (m _м)						
	контроль	корневин	эпин	экосил	ивин	микро-элементы	гумат
1	2,16 ±0,23	1,82 ±0,07	1,94 ±0,15	1,50 ±0,14	2,40 ±0,10	1,76 ±0,11	2,14 ±0,13
6	2,50 ±0,22	2,00 ±0,21	2,50 ±0,17	2,56 ±0,3	3,13 ±0,24	2,50 ±0,32	2,63 ±0,13
7	3,02 ±0,27	–	–	–	–	–	3,50 ±0,24
8	–	–	2,83 ±0,32	–	–	–	–
9	–	3,36 ±0,36	–	3,70 ±0,37	–	–	–

Под действием ивина на 11-е сутки у *Thuja occidentalis* 'Lutea' наступает проклевывание семян. У контрольной группы – на 12-е сутки (табл. 3).

Таблица 3

**Изменение массы (мг) набухающих семян *Thuja occidentalis* 'Lutea'
до стадии прорастания**

Сутки	Средняя арифметическая массы семян (М) ± ошибка средней арифметической (m _м)						
	контроль	корневин	эпин	экосил	ивин	микро-элементы	гумат
1	1,82 ±0,10	2,16 ±0,10	2,06 ±0,06	1,94 ±0,14	2,24 ±0,19	2,11 ±0,06	2,08 ±0,13
6	2,50 ±0,09	2,30 ±0,20	2,24 ±0,23	2,60 ±0,1	2,35 ±0,18	2,50 ±0,25	2,22 ±0,11
11	2,82 ±0,12	2,27 ±0,16	2,90 ±0,34	2,70 ±0,08	3,00 ±0,28	2,72 ±0,21	2,60 ±0,13
12	3,00 ±0,07	–	–	–	–	2,70 ±0,18	–
13	–	2,50 ±0,12	2,58 ±0,39	2,70 ±0,12	–	–	2,55 ±0,19
16	–	2,43 ±0,13	–	2,66 ±0,12	–	–	–

Для семян *Thuja occidentalis* 'Albospicata' по изменению массы можно отметить наступление прорастания под действием корневина, эпина, ивина, гумата на 9-е сутки (табл. 4).

Таблица 4

Изменение массы (мг) набухающих семян *Thuja occidentalis* 'Albospicata' до стадии прорастания

Сутки	Средняя арифметическая массы семян (М) ± ошибка средней арифметической (m _М)						
	конт-роль	кор-невин	эпин	экосил	ивин	микро-эле-менты	гумат
1	2,19 ±0,27	2,30 ±0,07	2,44 ±0,33	2,60 ±0,13	2,60 ±0,14	2,30 ±0,25	2,56 ±0,12
6	1,15 ±0,11	2,62 ±0,12	3,37 ±0,45	1,88 ±0,41	1,60 ±0,39	1,20 ±0,84	2,49 ±0,45
7	1,18 ±0,34	–	–	–	1,6 ±0,36	–	2,60 ±0,49
8	–	–	3,65 ±0,42	–	–	–	–
9	1,40 ±0,15	2,78 ±0,35	–	2,11 ±0,52	1,65 ±0,39	1,40 ±0,19	2,98 ±0,5

Наступление третьего периода на 8-е сутки по массе семян у *Thuja plicata* D. Don. под действием эпина (табл. 5).

Таблица 5

Изменение массы (мг) набухающих семян *Thuja plicata* D. Don. до стадии прорастания

Сутки	Средняя арифметическая массы семян (М) ± ошибка средней арифметической (m _М)						
	конт-роль	кор-невин	эпин	экосил	ивин	микро-эле-менты	гумат
1	0,68 ±0,07	2,00 ±0,0	2,34 ±0,50	2,02 ±0,55	1,62 ±0,56	1,16 ±0,25	1,50 ±0,72
6	2,76 ±0,10	2,62 ±0,12	2,20 ±0,2	2,29 ±0,15	2,82 ±0,17	2,38 ±0,46	3,09 ±0,17
7	2,75 ±0,13	–	–	–	2,92 ±0,24	–	3,28 ±0,13
8	–	–	2,60 ±0,14	–	–	–	–
9	3,00 ±0,12	3,03 ±0,11	3,40 ±0,30	3,52 ±0,19	3,30 ±0,39	3,02 ±0,37	3,60 ±0,22
10	3,00 ±0,53	–	–	3,65 ±0,10	–	2,70 ±0,24	–
12	–	–	–	–	–	2,72 ±0,25	–

По приведенным выше результатам можно судить о том, что применение корневина, эпина, экосила, ивина и микроэлементов ускоряет начало третьего этапа у *Thuja occidentalis* L. и *Th. occ.* 'Albospicata'. Ивин, экосил и эпин ускоряют начало стадии проклевывания корешка по сравнению с контрольной группой у *Th. occ.* 'Rosenthalii' и *Th. occ.* 'Lutea'.

На энергию прорастания биостимуляторы роста оказывают положительное влияние. Для семян *Th. occ. 'Albospicata'* неэффективны корневин (4% прорастания на 10-е сутки), ивин (18%), гумат (9%), тогда как контрольная группа – 24%. Не оказали влияния на посевной материал *Th. occ. 'Rosenthalii'* корневин (37% прорастания на 10-е сутки), эпин (21%), экосил (21%), гумат (35%), тогда как контрольная группа – 45%. Толерантность к воздействию препаратов проявили семена *Th. occ. 'Lutea'* (0% прорастания на 10-е сутки). На *Thuja occidentalis* L. положительное влияние оказали все биологически активные вещества. В связи с этим возможно выделить следующие препараты, оказывающие положительное влияние на энергию прорастания семян *Thuja*: микроэлементы, эпин, экосил.

На 20-е сутки дружное прорастание семян в лабораторных условиях под действием всех препаратов наблюдалось у *Thuja occidentalis* L., *Th. occ. 'Albospicata'*; под действием микроэлементов – у *Th. occ. 'Rosenthalii'*, эпина и экосила – у *Th. occ. 'Lutea'*. Таким образом, исходя из полученных результатов (табл. 2), для улучшения всхожести семян возможно использовать эпин, экосил, микроэлементы.

У *Thuja plicata* D. Don. семена оказались практически невсхожими, что подтверждается соответствующим изменением массы семян при набухании (табл. 1).

Заключение. Для сокращения сроков предпосевной обработки семян растений рода *Thuja* наиболее обоснованно использовать эпин, экосил, микроэлементы. Применение данных препаратов в последующем понижает чувствительность проростков к экологическим стрессам. Проведенные исследования пополнят сведения о начальных этапах развития под воздействием биологически активных веществ. Полученные результаты могут быть использованы в практических целях зеленого строительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Жизнь растений:** в 6 т. / под ред. А.А. Фелорова. – М.: Просвещение, 1978. – Т. 4. – С. 317–420.
2. **Шпакова, О.Г.** Біологічні особливості вегетативного розмноження інтродукованих хвойних на південному сході України: автореф. ... дис. канд. біол. наук / О.Г. Шпакова. – Київ, 2002. – 21 с.
3. **Великанов, Л.Л.** Экологические проблемы защиты растений от болезней / Л.Л. Великанов, И.И. Сидорова // Итоги науки и техники ВИНТИ. Защита растений, 1988. – Т. 6. – С. 1–144.
4. **Маурин, А.М.** Семенное размножение древесных экзотов в Латвийской ССР / А.М. Маурин // Семенное размножение интродуцированных древесных растений. – М.: Наука, 1970. – 320 с.
5. **Зайцев, Г.Н.** Математика в экспериментальной ботанике / Г.Н. Зайцев. – М.: Наука, 1990. – С. 10–40.
6. **Аскоченская, Н.А.** Водный режим семян / Н.А. Аскоченская; под ред. А.А. Прокофьева // Физиология семян. – М.: Наука, 1982. – С. 184–222.
7. **Bewley, J.D.** Physiology and biochemistry of seeds / J.D. Bewley, M. Black. – Berlin–Heidelberg–N. Y.: Springer Verlag. – 1978. – Vol. 1. – 306 p.

S U M M A R Y

It is possible to draw as a conclusion that the most effective for the processing of the plants seeds (Thuja) are epin, ecosil, which have considerably reduced the period of swelling and a log-period. The sorts of Thuja occidentalis L. and Th. occ. 'Albospicata' are well subjected to the action of the growth factors. At Thuja plicata D. Don the changes are insignificant.

Поступила в редакцию 26.06.2008

Развивая традиции дружбы, научного и творческого сотрудничества с Даугавпилсским университетом, группа искусствоведов, художников и дизайнеров – преподавателей ВГУ им. П.М. Машерова – в начале мая посетила Латвию. Целью визита было участие в 6-й Международной конференции «Person. Color. Nature. Music». В этом году впервые наш университет вместе с Шауляйским университетом (Литва) выступил в роли соорганизатора данной конференции в Латвии, достойно продолжив тем самым практику сотрудничества между художественными и музыкальными специальностями Витебска и Даугавпилса, начавшуюся еще в 1997 году.

В состав научного и редакционного комитета международной конференции наряду с профессорами из Италии, Литвы, Польши, России, США, Швеции, Эстонии были включены доцент кафедры изобразительного искусства ВГУ им. П.М. Машерова, кандидат искусствоведения М.Л. Цыбульский и заведующий кафедрой музыки и музыкального инструмента нашего университета, кандидат искусствоведения Н.В. Мацаберидзе. Они же возглавили и две из шести работающих на конференции секций – «Проблемы искусства и дизайна» и «Музыкология». Впервые в рамках подобных конференций был создан комитет по отбору творческих работ для их презентации, который вместе с профессорами из Латвии и Литвы возглавили представители нашего вуза – зав. кафедрой изобразительного искусства Н.А. Гугнин и профессор кафедры дизайна, декоративно-прикладного искусства и технической графики В.В. Шамшур. Для публикации в международном сборнике вместе с работами художников из разных стран были отобраны живописные, графические композиции и произведения декоративно-прикладного искусства, выполненные преподавателями художественно-графического факультета ВГУ им. П.М. Машерова.

В рамках визита и конференции старшими преподавателями кафедры изобразительного искусства ВГУ А.Ф. Карпаном и М.В. Левковичем были проведены мастер-классы по акварели и пленэру с магистрантами специальности «Искусство», а доцентом М.Л. Цыбульским прочитан курс лекций по актуальным проблемам развития современного искусства.

Заведующий кафедрой дизайна, декоративно-прикладного искусства и технической графики В.В. Кулененок принял участие в работе секции «Художественное образование», где выступил с докладом по проблемам обучения дизайну. Весьма важным и содержательным было знакомство наших коллег с опытом и практикой преподавания дизайна непосредственно в стенах Латвийской академии искусства (Рига).

Знаковым событием в культурной программе конференции «Person. Color. Nature. Music» стало открытие международной художественной выставки графики «Знаки времени» с участием рижских и витебских художников (кураторы М.Л. Цыбульский, Я. Спалвиньш). Данный проект организован при непосредственном участии консульства Латвийской Республики в Витебске, Латвийского Национального комитета Международной ассоциации искусства UNESCO, Союза художников Латвии и Витебской областной организации Белорусского союза художников.

Ф.И. Шкирандо

С 16 по 23 мая 2009 г. в университете г. Падерборна (ФРГ) состоялся очередной научно-практический семинар и прошли дискуссии в рамках международного проекта Европейской комиссии (ЕС) «Темпус IV» по теме «Модернизация и внедрение бизнес-образовательных программ для подготовки специалистов в туристической индустрии Республики Беларусь» (MIBET). Наш вуз на семинаре представлял декан исторического факультета, доктор исторических наук, профессор В.А. Космач.

В проекте представлены 16 высших учебных заведений, министерств и ведомств в сфере туризма из Республики Беларусь, Германии, Италии, Чехии и Словакии. Финансирует проект Европейский союз. Белорусская сторона представлена Министерством образования, Министерством спорта и туризма, Национальным агентством по туризму, Республиканским союзом туристических организаций и шестью вузами – Белгосуниверситетом, Белорусским государственным экономическим университетом, Белорусским государственным университетом физической культуры, Витебским, Гродненским и Брестским госуниверситетами, в которых ведется подготовка специалистов в сфере музееведения, туризма и гостеприимства. Координаторами проекта от ЕС выступают заведующий кафедрой экономики предприятий и маркетинга, доктор экономических наук, профессор Клаус Розенталь (экономический факультет, г. Падерборн, ФРГ) и декан факультета «Высшая школа туризма» Белорусского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь Н.И. Кабушкин. Менеджером проекта от ЕС является Вячеслав Никитин (экономический факультет, г. Падерборн, ФРГ).

В ходе деловых встреч, семинаров и дискуссий были определены общие подходы к типовым учебным планам специальностей и направлений специальностей по туристическому профилю

с учетом наработанного опыта европейских и белорусских университетов, действующей в рамках «болонского процесса» кредитно-модульной системы оценки знаний учащихся и студентов. Речь также шла об усилении блока дисциплин, связанных с экономикой, маркетингом и менеджментом туризма. Были также определены планы работы в рамках проекта на второй календарный год, в том числе деловые встречи и семинары в Минске, Гродно, Праге и Банской-Быстрице осенью 2009 г. и весной 2010 г. Белорусским вузам поставлена большая партия учебной и научной литературы по организации и планированию туризма. В ближайшее время эти же высшие учебные заведения получат первую партию компьютеров, аудио- и видеотехники. Во второй партии поставок вузы Минска, Витебска, Гродно и Бреста приобретут компьютерные классы и будут иметь возможность направлять преподавателей и студентов на стажировку в университеты и научные центры Германии, Италии, Чехии и Словакии. За первые два года проекта Витебскому государственному университету им. П.М. Машерова будет поставлено все необходимое оборудование для обучения студентов в сфере туризма на общую сумму в 34 тыс. евро. Планируются также совместные международные научные и практические конференции, работа преподавателей и обучение студентов в университетах по двухстороннему и многостороннему обмену, изучение эффективности работы туристических фирм, ведомств и организаций в странах-партнерах вышеназванного международного проекта, который будет завершен в конце 2011 года.

Н.В. Величко

21 мая в университете по инициативе кафедр педагогики и философии прошла республиканская научно-практическая конференция «Система воспитательной работы вуза по формированию гражданской позиции молодежи», в которой приняли участие представители высших учебных заведений области и республики, школ, колледжей, представители ОО «БРСМ». По данной теме на пленарном заседании было сделано десять докладов.

С большим интересом слушали выступления доктора философских наук, профессора М.А. Слемнева, проректора по воспитательной работе И.В. Бондал, заместителя директора по воспитательной работе Полоцкого колледжа Е.П. Марцинкевич и других. В ходе работы конференции состоялся круглый стол «Ценности и приоритеты в гражданском становлении личности», на котором обсуждались: философские основания проблемы гражданственности, гражданское воспитание и ценностные ориентации современной молодежи, воспитательная работа по формированию гражданской позиции молодежи в системе школа–колледж–вуз, деятельность молодежных организаций и объединений по формированию гражданской позиции молодежи, деятельность внешних объединений по формированию гражданской культуры.

Завершилась конференция подведением итогов и принятием соответствующих документов.

А.П. Лазебная

3 июня 2009 года на базе университета состоялось рабочее совещание вузов приграничных областей, в котором приняли участие ученые учреждений образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет», «Витебский государственный технологический университет», «Витебская ордена Знак Почета государственная академия ветеринарной медицины», «Полоцкий государственный университет», а также Смоленского государственного университета, Смоленского государственного гуманитарного университета, Смоленской государственной сельскохозяйственной академии, Псковского государственного политехнического института.

Участники совещания обсудили вопросы участия в совместном межрегиональном конкурсе на проведение фундаментальных исследований по приоритетным для Российской Федерации и Республики Беларусь научным проблемам общественно-гуманитарного и экономического профиля «БРФФИ – РГНФ – 2010 (ПР)» и решили до 2 октября 2009 года представить в установленном порядке одновременно в фонды обоих государств согласованные научные проекты (белорусские ученые – в БРФФИ, российские – в РГНФ).

Совещание решило возложить обязанности координатора данного совместного межрегионального конкурса на УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Участники совещания, представители российской стороны, ознакомились с музеями и учебной базой университета, достопримечательностями Витебска.

А.Н. Галкин, Ф.И. Шкирандо

УДК 16.330.16

Орлов В.И. Условия устойчивого развития бизнеса в обществах переходного типа // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 3–9.

Анализируются внутренние и внешние условия, необходимые для развития бизнеса на постсоветском пространстве. Автор показывает, что в нынешних условиях в Беларуси бизнес не является самоподдерживающейся системой. Таким образом, для его устойчивого развития усилий одних частных предпринимателей недостаточно. Необходима также и всесторонняя помощь со стороны белорусского государства, которое должно стать гарантом стабильности бизнеса в нашей республике.

Подчеркивается мысль, что стабильность бизнеса основывается на определенном типе мировоззрения. На взгляд автора, таким фундаментом может стать идеология достижения, которая легла в основу зародившейся в Западной Европе системы частного предпринимательства.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 316.346-053.6

Смоленко Е.Д. Морально-половое воспитание молодежи: об отношении к целомудрию в семье // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 9–15.

Целью исследования явилось изучение отношения к целомудрию в студенческой среде и семьях молодых граждан Республики Беларусь. Исследование проводилось методом анонимного анкетирования студентов ВГУ им. П.М. Машерова, ВГТУ и учащихся Оршанского педагогического колледжа с последующим собеседованием в группах.

Выявлен ряд особенностей личной жизни и суждений студентов, указывающих на серьезные проблемы морально-полового и духовного воспитания подрастающего поколения. Для большинства девушек и юношей понятие «целомудрие» не ново, однако его истинный смысл осознается немногими. Стремясь к созданию в дальнейшем крепкой семьи, подавляющее большинство респондентов в настоящее время имеют внебрачные сексуальные отношения и не задумываются о последствиях такого образа жизни для них и их будущих детей. Суждения респондентов о значении добродетели девственности будущих супругов свидетельствуют о низком уровне их осведомленности в вопросах формирования и сохранения репродуктивного здоровья. Участие родителей в морально-половом и нравственном воспитании детей в большинстве случаев сводится к безмолвному созерцанию и даже одобрению внебрачных половых связей своих детей.

Автор приходит к заключению о том, что усилия педагогов, врачей и родителей в большей степени должны быть направлены на воспитание подрастающего поколения в традициях целомудрия, чем на пропаганду безопасного секса.

Рис. – 10. Библиогр. – 6 назв.

УДК 316.614+37.037

Гашенко Л.А. Концептуализация понятия «физическая социализация» // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 16–21.

Обосновывается необходимость введения в научный оборот категории «физическая социализация»; рассматривается сопряженность стихийных и сознательных составляющих в физическом воспитании; приводится аргументация о значимости формирования у молодых людей физических, социально-психологических качеств с их гражданско-патриотическими ценностями; сопоставляется духовная составляющая физического воспитания в советской и постсоветской научной литературе.

Табл. – 1. Библиогр. – 10 назв.

УДК 930.2

Савков А.А. Схема социальной динамики и концепция «всемирной истории» Н.А. Рожкова // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 22–30.

Основное содержание статьи посвящено рассмотрению и анализу специфической и во многом уникальной концепции яркого представителя российской исторической науки начала XX столетия Н.А. Рожкова. Пребывавший на стыке влияний двух мощнейших теоретических учений своего времени – позитивизма и марксизма, историк использовал положения обоих учений с целью отображения подробной схемы общественного развития, установления точных законов социальной динамики и ее периодизации, применимой к судьбам всех народов, участников сложного исторического процесса. Значительное внимание уделено роли Рожкова как разрушителя старых канонов, «устаревшей» однолинейной всемирно-исторической точки зрения и тео-

рии прогресса. Отдельной целью работы стало переосмысление господствовавшей в советской историографии сверхкритической трактовки концепции как ненаучной и произвольной, а также на объективную оценку вклада ученого в дело изучения русской и мировой истории.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 352.075:351.77(476-21)(091)

Моторова Н.С. Мероприятия органов городского самоуправления Беларуси по улучшению санитарного состояния городов (1875–1914 гг.). // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 30–34.

Освещаются общее санитарное состояние белорусских городов в 1875–1914 гг., мероприятия органов городского самоуправления, направленные на создание специальных органов санитарного надзора (санитарных комитетов и комиссий, введение должностей санитарных врачей). Кроме того, охарактеризованы общие меры, предпринимавшиеся городскими властями для поддержания в чистоте городских территорий, улучшения качества питьевой воды и т.п.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 94(436):342

Казаченок Т.В. Подготовка и принятие конституционных основ австрофашистского режима // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 34–39.

Проводится анализ подготовки и принятия конституционных основ австрофашистского режима. Австрофашизм являлся национальным вариантом фашизма в Австрии, целью которого были защита государственного суверенитета, достижение национального единства с помощью диктатуры и создание корпоративного государства, основанного на принципе сословности общества. Конституция 1 мая 1934 г. узаконила австрофашизм как государственную идеологию и авторитарно-корпоративную модель государства. В исследовании использованы материалы Российского государственного архива социально-политической истории (г. Москва), монографии и статьи советских и зарубежных авторов, протоколы заседаний совета министров первой Австрийской республики, а также выступления канцлера Э. Дольфуса.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 398(=161.3):2-264

Лобач У.А. Міфа-семантыка сядзібы і хаты ў традыцыйным светапоглядзе беларусаў // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 40–46.

Даследуюцца сімвалічны статус і рытуальныя функцыі сялянскай сядзібы і хаты ў міфапаэтычнай карціне свету беларусаў. На падставе аналізу шырокага кола этнаграфічных і фальклорных крыніц аўтар прыходзіць да высновы, што сядзіба і хата ў традыцыйных уяўленнях беларусаў увасаблялі цэнтр не толькі «свайго» (засвоенага, чалавечага) свету, але і Сусвету наогул. Статус міфалагічнага цэнтра, уласцівы сядзібе і хаце, абумовіў іх надзвычай шырокія рытуальныя функцыі ў сістэме каляндарных і сямейных святаў, а таксама ў будзённых магічных практыках.

Бібліягр. – 29 назв.

УДК 342.9

Шматков И.И. Понятие предмета, методов и принципов науки таможенного права // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 47–52.

Обозначена актуальность исследования формирующейся отраслевой юридической науки – таможенное право.

Убедительно и аргументированно на основе анализа норм правовых актов показаны роль и место таможенного права как среди юридических наук, так и среди дисциплин, которые в той или иной мере изучают проблемы взаимодействия таможенных органов, законодательства, предприятий, коммерческих структур и т.д.

Раскрыта особенность таможенного права, состоящая в его комплексности.

Затронуты вопросы о методах науки, т.к. таможенное право придает первостепенное значение совершенствованию и обогащению совокупности используемых ею методов. Определение методов таможенного права предполагает комплексное рассмотрение и принципов этой формирующейся отрасли знаний.

Таможенное право является единой, цельной наукой. Она дает ответ на основные, коренные вопросы таможенного дела, применяя положения всех общественных (а где необходимо, и естественных) наук к изучению и объяснению таможенного права и таможенного дела.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 347.41+346.3

Елисеев В.С. О структуре института сложных обязательств // *Вестник ВДУ*, 2009, № 2(52). – С. 53–58.

Исследуется новое направление развития правового регулирования обязательственных отношений. Автором предлагается законодательно закрепить межотраслевой институт сложных экономических обязательств, объединяющий обязательства различных отраслей права. Обосновываются в рамках данного института наиболее значимые положения правовой регламентации сложного обязательства, его признаки, а также отдельные положения, отражающие наиболее общие закономерности правового регулирования обязательственных отношений. В частности, признаками сложного обязательства предлагается считать единый имущественный интерес, объединяющий несколько институтов обязательств, при условии соответствия его критериям сложного обязательства, которым в работе также уделено внимание. Рассматриваются закономерности сочетания равнозначных и неравнозначных обязательств, а также иные вопросы, касающиеся данной проблемы.

Библиогр. – 16 назв.

УДК 343.9:336.1

Стаценко В.Г. К вопросу о влиянии экономического и финансового кризиса на криминогенную ситуацию // *Вестник ВДУ*, 2009, № 2(52). – С. 59–64.

Вопрос о влиянии кризисных явлений в экономике на состояние преступности является дискуссионным. Большинство специалистов видит прямую связь между ухудшением социально-экономических показателей, снижением уровня жизни и ростом преступности.

В обусловленности преступного поведения решающим является не сам по себе уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей, а степень различий («разрыв») в возможности их удовлетворения для разных социальных групп, возрастающая в кризисных условиях.

Анализ динамики и состояния преступности в Республике Беларусь показывает, что связь между экономическими пертурбациями и преступностью существует, но она не столь однозначна.

В первой половине 1990-х годов, в условиях политического и экономического кризиса, в Республике Беларусь происходит скачок количественных и качественных показателей преступности, причем пик преступных проявлений приходится на более поздний период – 2000 год, т.е. проявляется с определенным временным инерционным интервалом.

Уровень преступности – инерционный показатель. Очевидно, что прямой и непосредственной взаимосвязи между общественной ситуацией и криминальной обстановкой нет, связь эта носит опосредованный внутренними закономерностями преступности характер.

Следует ожидать роста преступности, прежде всего корыстной, в течение ближайших лет.

Понятно, что рост этот будет определяться целым рядом детерминант, включая и тяжесть последствий финансового и экономического кризиса, и их отражение в социальной сфере, и адекватность государственной политики в этих условиях.

Рис. – 2. Табл. – 1. Библиогр. – 7 назв.

УДК 378.13

Турковский В.И., Терещенко Е.В. Профессиональное развитие как содержательная и процессуальная основа становления научно-педагогической компетентности учителя // *Вестник ВДУ*, 2009, № 2(52). – С. 65–70.

Рассматриваются цели, факторы и условия становления у современного учителя научной компетентности. Назревшая общественная потребность в формировании инновационной направленности у подрастающей личности предполагает выявление содержательно-процессуальных основ профессиональной деятельности учителя, которая формирует его теоретическую и практическую готовность к педагогическому творчеству. Высшим уровнем развития педагогического творчества учителя выступает овладение им исследовательским подходом и основами научной компетентности, ориентированными на учебно-воспитательную работу со школьниками и поиск эффективных путей повышения своей профессионально-педагогической компетентности. Становление и развитие у учителя основ научной компетентности осуществляется в ходе непрерывного личностно-профессионального и социального развития учителя. Выявлены критерии профессионально-педагогической деятельности, позволяющие проводить обоснованный анализ результативности труда учителя. Рассмотрена сущность педагогических систем и показаны процессуальные основы механизма становления научной компетентности учителя. Раскрыты содержательные аспекты работы учителей по развитию учебно-исследовательской деятельности школьников.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 378.016:002

Оганджян О.П. Информационные технологии как предмет изучения и средство обучения в вузе // *Вестник ВДУ*, 2009, № 2(52). – С. 71–77.

Рассмотрено понятие «информационные технологии» в аспектах предмета изучения и средства обучения в вузе. Автором работы предложено содержание дисциплины «Основы информационных технологий» для студентов специальностей «Английский язык. Немецкий язык» и «Немецкий язык. Английский язык», а также содержание раздела этой дисциплины о применении информационных технологий в обучении иностранным языкам. Обозначена проблема необходимости развития алгоритмического стиля мышления у студентов филологического факультета, профессионально изучающих иностранные языки, и предложен путь разрешения этой проблемы.

Таким образом, предметом изучения студентами специальностей «Английский язык. Немецкий язык» и «Немецкий язык. Английский язык» филологического факультета на занятиях по дисциплине «Основы информационных технологий» являются информационные технологии в обучении и информационных технологии обучения, информационные технологии обработки текста и алгоритмы решения задач реализации информационных технологий.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 371:37.026.7:37.026.9:37.03

Прилуцкая С.В. Формирование умственной самостоятельности учащихся как актуальная педагогическая проблема // *Вестник ВДУ*, 2009, № 2(52). – С. 77–81.

Современному обществу требуются инициативные, творчески мыслящие индивидуумы. Задача школы – создать условия для самореализации личности ребенка, овладения им разнообразной деятельностью, подготовить к осознанному и ответственному выбору жизненного и профессионального пути. Решению данной педагогической задачи способствует формирование умственной самостоятельности учащихся, которая выступает важнейшим психологическим условием успешного овладения знаниями. Следует научить растущего человека работать с информацией, подготовить его к самообразованию.

Рассматривается актуальность формирования умственной самостоятельности учащихся общеобразовательных школ на уроках географии.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 911:37.017.92

Фоменко А.А. Использование художественного краеведения в формировании духовных ценностей школьников // *Вестник ВДУ*, 2009, № 2(52). – С. 81–88.

Поднимается актуальная проблема формирования духовных ценностей подростков средствами художественной культуры родного края. На основе детального анализа выявлены особенности белорусского и российского опыта использования художественного краеведения в данном процессе. Анализируются основные причины недостаточного использования воспитательного потенциала художественного краеведения в современной школе.

Представлен детальный анализ организации воспитательного процесса средствами художественного краеведения с позиции событийного подхода. Описывается методический инструментарий, позволяющий на практике реализовать данный подход.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 75.02.322

Антонычева Е.Ю. Теоретические основы пленэрной живописи // *Вестник ВДУ*, 2009, № 2(52). – С. 88–93.

Одним из главных условий совершенствования живописного мастерства, формирования художественного аконстантного видения, творческого, осмысленного подхода к изображению является работа на пленэре. Процесс обучения студентов акварельной пейзажной живописи в условиях пленэра отличается исключительным многообразием и сложностью встающих перед ними задач. Овладение основными приемами, правилами и законами пленэрной живописи необходимо для стабильного роста профессионального мастерства студентов.

Анализ теоретических основ пленэрной живописи, выявление ее специфики позволяют определить ряд задач, стоящих перед студентами художественно-графических факультетов педвузов в процессе обучения пейзажной живописи в условиях пленэра.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 808.2-3

Скребнева Т.В. Активные динамические процессы в антропонимике г. Витебска на протяжении XVII–XX вв. // *Вестник ВДУ*, 2009, № 2(52). – С. 94–98.

Проводится сопоставительный анализ особенностей динамических процессов, характерных для антропонимике г. Витебска в XVII–XX вв. В качестве материала исследования использовались «Памятная книжка Витебской губернии на 1861 год», а также актовые записи о рождении

по Железнодорожному, Первомайскому и Октябрьскому районам г. Витебска за 1941-44 – 1994 гг., собранные на шести хронологических срезах с интервалом в десять лет. Данные о развитии личной онимии г. Витебска в XVII в. почерпнуты из научных работ А.М. Мезенко. В целом развитие городского антропонимикона на протяжении трех столетий циклично. Основной движущей силой динамики являются языковые процессы концентрации, стабилизации, расширения/сокращения именного репертуара, а также различные внеязыковые (социолингвистические) факторы. Системность и преемственность именослова витеблян поддерживается за счет употребления традиционных белорусских канонических личных имен (преимущественно православного репертуара), а его качественное обновление к концу XX в. составляет 69,39%.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 808.26-4

Марозава Я.Н. Пра фанематычны статус гука [g] і яго месца ў фаналагічнай сістэме сучаснай беларускай літаратурнай мовы // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 99–102.

Акрэсліваюцца спрэчныя падыходы вучоных-фаналагаў у ацэнцы фанематычнасці выбухнога гука [g] у беларускай мове, вызначаецца спецыфіка фанематычнага статусу гука [g] і робіцца спроба акрэсліць яго месца ў фаналагічнай сістэме беларускай літаратурнай мовы.

Робіцца вывад пра тэндэнцыю да выцяснення ў беларускай мове выбухнога гука [g], неадпаведнасць слоўнікавых рэкамендацый па вымаўленні выбухнога [g] у маўленчай практыцы, дзе ў многіх іншамовных словах, асабліва ў англа-амерыканізмах апошніх дзесяцігоддзяў, выбухны [g] замяняецца фрыкатыўным [γ].

Бібліягр. – 6 назв.

УДК 82.0

Падстаўленка В.Ф. Паэма «Тарас на Парнасе» ў кантэксце беларускай камічнай плыні // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 102–105.

Аналізуюцца жанрава-стылёвыя асаблівасці беларускай камічнай літаратуры ў працэсе яе дыяхроннага развіцця (ад старажытнасці да XX стагоддзя). Аўтарам вызначаецца спецыфіка бытавання розных камічных жанравых мадыфікацый і іх роля ў літаратурным працэсе даследуемага перыяду.

Значны акцэнт зроблены на вывучэнні паэмы «Тарас на Парнасе» – аднаго з першых арыгінальных мастацкіх прыкладаў, што напісаны ў рамках бурлескай стылявой плыні.

Бібліягр. – 4 назв.

УДК 792.2(476)+821.161.3.0

Котович Т.В. Коласовская драматургия на Коласовской сцене // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 106–112.

Целью исследования является анализ постановок Коласовского театра по произведениям Якуба Коласа. Задачи – выявить структурные основания спектаклей, сопоставить их сценические системы, проследить динамику нарастания метафорического сценического мышления. Методы исследования: структурный и системный подход, топико-темпоральный анализ.

Изучение производится на основе работ известных белорусских театроведов В. Нефёда, А. Соболевского, Э. Герасимович, Б. Буряна, занимавшихся проблемой инсценизации произведений Якуба Коласа в отечественном театре. Новизна состоит в исследовании сценической структуры постановок.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 7.036

Адамейко-Першенкова Г.П. Стилевая трансгрессия в изобразительном искусстве, архитектуре и музыке постмодернизма // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 113–117.

Анализируется ситуация разрушения единства норм и правил художественно-эстетической системы в изобразительном искусстве, архитектуре и музыке постмодернизма. Характерные для искусства постмодернизма нелинейные принципы художественной организации и нетрадиционные средства выразительности не синтезируются в какой-либо определенный стиль, а отражают тенденцию преодоления традиционного понимания стилиобразования. Данная тенденция определена в работе как стилевая трансгрессия, которая находит свое выражение в трансформации традиционного синтаксиса художественного языка и принципов формообразования, интертекстуальной (открытой) композиционной структуре произведений, расширении спектра способов организации пространственно-временного континуума и разрушении видовых границ искусства. Понятие «стилевая трансгрессия» выводится в соответствии со спецификой постмодернистской философии, для которой художественная практика второй половины XX века стала важнейшим объектом теоретической рефлексии.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 821.0

Кушнир А.В. Художественный текст как объект интерпретации в различных видах и жанрах искусства // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 117–122.

Выявляются типологические свойства художественного текста (понимаемого как литературный текст – литературное произведение и собственно художественный текст – произведение музыкально-театрального и/или экранного искусств) и его специфика как объекта интерпретации в различных видах и жанрах искусства; определяются роль и функции субъектов интерпретации художественного текста. Автор приходит к выводу, что художественный текст всегда соотносится с первичным литературным текстом, но в то же время он – «новый» художественный текст, вновь созданное художественное произведение – вариативен по отношению к литературному тексту и представляет собой новую индивидуальную авторскую модель.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 85.143(4Бел)6

Кондратенко Т.Г., Борозна М.Г. Особенности развития новой белорусской и немецкой фигуративной живописи // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 122–127.

В сфере станковой живописи исследован конкретный раздел, касающийся фигуративной и реалистической составляющей. Проведен сравнительный анализ особенностей и роли фигуративной составляющей в новой белорусской и немецкой живописи за период с 1980 по 2008 г. Выявлены художественные феномены, свидетельствующие о сходствах и различиях в развитии национальной станковой живописи Беларуси и Германии в означенный период. В новой немецкой живописи возросло реалистическое начало и широко используются мультимедийный язык и принцип эклектики. В отдельных направлениях этот принцип имеет настолько радикальные формы, что приводит к исчезновению в картине какой-либо доминанты. Белорусская фигуративная живопись с использованием монтажа развивается на классических основах национальной художественной школы, придерживается традиционных техник, в ней сохраняются единый формообразующий принцип и организующее начало. Рассмотрены пути развития фигуративной белорусской и немецкой живописи на современном этапе.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 72.04(476)

Захарына Ю.Ю. Мастацкі вобраз грамадскіх будынкаў Беларусі другой паловы 1990-х – 2000-х гадоў // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 127–133.

На аснове новага падыходу, заснаванага на комплексным аналізе стылявых, кампазіцыйных, канструкцыйных і функцыянальных характарыстык архітэктуры грамадскіх будынкаў, паказваецца дынаміка развіцця мастацкага вобраза грамадскіх будынкаў Беларусі з 1990-х гг. па сённяшні час. Выяўляюцца перадумовы фарміравання мастацкага вобраза сучасных грамадскіх будынкаў – эстэтыка неарацыяналізму і постмадэрнізму, развіццё тэхналагічнай базы, з'яўленне новых канструкцый і матэрыялаў. Робіцца выснова аб тым, што ў архітэктуры найноўшага часу адбылося станаўленне мастацка-стылявых кірункаў неамадэрнізму, дэканструктывізму, хай-тэку з дамінаваннем апошняга.

Бібліягр. – 7 назваў.

УДК 512.542

Луценко Ю.В., Скиба А.Н. Строение групп Шмидта и групп Белоногова, в которых любые две 3-максимальные подгруппы являются $F(G)$ -перестановочными // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 134–138.

Пусть G – конечная группа. Подгруппа H группы G называется 2-максимальной подгруппой группы G , если H является максимальной подгруппой в некоторой максимальной подгруппе M группы G . Аналогично могут быть определены 3-максимальные подгруппы в группе. Подгруппа H группы G называется X -перестановочной в G , где $\emptyset \neq X \subseteq G$, если для любой подгруппы T группы G в X найдется такой элемент x , что $HT^x = T^xH$. Будем называть конечную нильпотентную разрешимую группу, не являющуюся группой Шмидта, но содержащую исключительно нильпотентные 2-максимальные подгруппы, группой Белоногова. Работа посвящена исследованию групп Шмидта, у которых все 2-максимальные или все 3-максимальные подгруппы $F(G)$ -перестановочны между собой, а также примитивных групп Белоногова, в которых любые две 3-максимальные подгруппы $F(G)$ -перестановочны.

Библиогр. – 15 назв.

УДК 512.542

Воробьев Н.Т., Семенов М.Г. Локальные функции классов Фиттинга // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 139–141.

Рассматривается применение квазилокальных H -функций к изучению структуры классов Фиттинга. Описано новое локальное задание любого локального класса Фиттинга, посредством нормально-наследственной локальной функции. Доказано, что любой локальный класс Фиттинга F определяется нормально-наследственной H_Q -функцией x такой, что

$$x(p)N_p = x(p) = \begin{cases} F_{F(p)}, & \text{если } p \in \pi \\ \emptyset, & \text{если } p \in \pi' \end{cases},$$

где F – наибольшая приведенная H -функция класса F и $\pi = \text{Supp}(F)$. Также, в качестве следствия, получено локальное задание класса Фиттинга N всех нильпотентных групп.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 595.78(476)

Сушко Г.Г., Солодовников И.А., Кулак А.В. Чешуекрылые (Lepidoptera, Rhopalocera) верховых болот Белорусского Поозерья // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 142–147.

Приводится список видов чешуекрылых семейств Hesperidae, Pieridae, Nymphalidae, Satyridae, Lusaenidae, собранных на верховых болотах Белорусского Поозерья. Всего установлен 31 вид. Наибольшей численностью отличаются *Colias palaeno*, *Boloria aquilonaris*, *Clossiana euphrosyne*, *Proclossiana eunomia*, *Oeneis jutta*, *Vacciniina optilete*, *Callophrys rubi*. Лет большинства из них происходит в мае–июле. Гусеницы развиваются в основном на *Vaccinium myrtillus*, *Oxycoccus palustris*, *Calluna vulgaris*.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 581.1

Иванова А.В. Влияние биостимуляторов на прорастание семян растений рода *Thuja* // Веснік ВДУ, 2009, № 2(52). – С. 147–151.

Исследованы энергия прорастания и лабораторная всхожесть семян представителей рода *Thuja* под действием стимуляторов роста. На энергию прорастания биостимуляторы роста оказывают положительное и отрицательное влияние. Возможно выделить следующие препараты, оказывающие положительное влияние на энергию прорастания семян *Thuja*: микроэлементы, ивин, эпин, экосил. Для улучшения всхожести семян рекомендуется использовать эпин, экосил, микроэлементы. У *Thuja plicata* D. Don. семена оказались практически невсхожими.

Таким образом, для сокращения сроков предпосевной обработки семян растений рода *Thuja* наиболее успешно использовать эпин, экосил, микроэлементы, что в последующем понижает чувствительность проростков к экологическим стрессам. Проведенные исследования пополняют сведения о начальных этапах развития под воздействием биологически активных веществ. Полученные результаты могут быть использованы в практических целях зеленого строительства.

Табл. – 5. Библиогр. – 7 назв.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Аганджания Вольга Пятроўна	– старшы выкладчык кафедры інжынернай фізікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Адамейка-Першанкова Галіна Пятроўна	– аспірант кафедры беларускай і сусветнай мастацкай культуры БДУ культуры і мастацтваў
Антонычава Алена Юр’еўна	– выкладчык кафедры выяўленчага мастацтва ВДУ імя П.М. Машэрава
Арлоў Валерый Іванавіч	– кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры філасофіі і паліталогіі ВДАВМ
Баразна Міхаіл Грыгор’евіч	– кандыдат мастацтвазнаўства, дацэнт, прарэктар па навуковай рабоце БДАМ
Вараб’еў Мікалай Цімафеевіч	– доктар фізіка-матэматычных навук, прафесар, загадчык кафедры алгебры і методыкі выкладання матэматыкі ВДУ імя П.М. Машэрава
Гашчанка Леанід Аляксеевіч	– кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Елісееў Вячаслаў Сяргеевіч	– кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры грамадзянскага права і працэсу ГрДУ імя Я. Купалы
Захарына Юлія Юр’еўна	– кандыдат мастацтвазнаўства, дацэнт, загадчык кафедры музыкі і харэаграфіі БДПУ імя М. Танка
Іванова Алеся Віктараўна	– аспірант кафедры анатоміі, фізіялогіі і валеалогіі чалавека ВДУ імя П.М. Машэрава
Казачонак Таццяна Віктараўна	– аспірант кафедры новай і навейшай гісторыі БДПУ імя М. Танка
Кандраценка Таццяна Генадзьеўна	– аспірант кафедры гісторыі і тэорыі мастацтваў БДАМ
Катовіч Таццяна Віктараўна	– доктар мастацтвазнаўства, прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры ВДУ імя П.М. Машэрава
Кулак Анатолій Віктаравіч	– кандыдат біялагічных навук, старшы навуковы супрацоўнік ДНВА «Навукова-практычны цэнтр па біярэсурсах НАН Беларусі» (г. Мінск)
Кушнір Ганна Віктараўна	– аспірант кафедры тэатральнай творчасці БДУ культуры і мастацтваў
Лобач Уладзімір Аляксандравіч	– кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры айчыннай і ўсеагульнай гісторыі ПДУ

Луцэнка Юлія Уладзіміраўна	– аспірант кафедры алгебры і геаметрыі ГДУ імя Ф. Скарыны
Марозава Яўгенія Нічыпараўна	– дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
Маторавы Надзея Сяргееўна	– аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу БДУ
Падстаўленка Віталь Феліксавіч	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава
Прылуцкая Святлана Віктараўна	– аспірант кафедры геаграфіі ГДУ імя Ф. Скарыны
Саладоўнікаў Ігар Альбертавіч	– кандыдат біялагічных навук, дацэнт кафедры заалогіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Саўкоў Аляксей Аляксандравіч	– аспірант кафедры ўсеагульнай гісторыі ГрДУ імя Я. Купалы
Скіба Аляксандр Мікалаевіч	– доктар фізіка-матэматычных навук, прафесар кафедры алгебры і геаметрыі ГДУ імя Ф. Скарыны
Скрабінёва Таццяна Уладзіміраўна	– аспірант кафедры агульнага і рускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
Смаленка Алена Дзмітрыеўна	– кандыдат медыцынскіх навук, дацэнт кафедры анатоміі, фізіялогіі і валеалогіі чалавека ВДУ імя П.М. Машэрава
Стацэнка Уладзімір Грыгор’евіч	– кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры крымінальнага права і крымінальнага працэсу ВДУ імя П.М. Машэрава
Сушко Генадзій Генадзьевіч	– кандыдат біялагічных навук, дацэнт кафедры анатоміі, фізіялогіі і валеалогіі чалавека ВДУ імя П.М. Машэрава
Сямёнаў Максім Генадзьевіч	– магістрант кафедры алгебры і методыкі выкладання матэматыкі ВДУ імя П.М. Машэрава
Туркоўскі Веслаў Іосіфавіч	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт, прарэктар па вучэбнай рабоце (АЗН) ВДУ імя П.М. Машэрава
Фаменка Анжэла Аляксандраўна	– выкладчык кафедры педагогікі вышэйшай школы і сучасных выхаваўчых тэхналогій БДПУ імя М. Танка
Цярэшчанка Алена Веславаўна	– кандыдат педагагічных навук, старшы выкладчык кафедры нямецкай мовы ВДУ імя П.М. Машэрава
Шматкоў Ігар Іванавіч	– кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры грамадзянскага права і грамадзянскага працэсу ВДУ імя П.М. Машэрава

ПРАВІЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

1. «Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта» публікуе вынікі навуковых даследаванняў, якія праводзяцца ў Віцебскім дзяржаўным ўніверсітэце, іншых навуковых установах і ВНУ рэспублікі, СНД і іншых краін. Асноўным крытэрыем мэтазгоднасці публікацыі з'яўляецца навізна і арыгінальнасць артыкула. Навуковы часопіс уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па біялагічных, гістарычных, педагагічных, фізіка-матэматычных, філалагічных, філасофскіх навуках, а таксама па мастацтвазнаўстве. Па-за чаргой публікуюцца навуковыя артыкулы аспірантаў апошняга года навучання (уключаючы артыкулы, якія падрыхтаваны ім і ў сааўтарстве) пры ўмове іх поўнай адпаведнасці патрабаванням, што прад'яўляюцца да навуковых публікацый выдання.

2. Артыкулы падаюцца ў рэдакцыю на беларускай, рускай ці англійскай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам не менш за 0,35 аўтарскага аркуша (14000 друкаваных знакаў, з прабеламі паміж словамі, знакамі прыпынку, лічбамі і інш.), надрукаваных праз адзін інтэрвал, шрыфт Arial памерам 10 пт. У гэты аб'ём уваходзяць тэкст, табліцы, спіс літаратуры; колькасць малюнкаў не павінна перавышаць трох. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Артыкулы павінны быць падрыхтаваны ў рэдактары Word для Windows і падаюцца на дыскетах, дысках і інш. або перасылаюцца на адрас электроннай пошты ўніверсітэта (rio@vsu.by); выкарыстоўваецца наступны фармат старонкі: чырвоны радок – 0,5 см; палі: верх – 2 см, ніз – 6 см, лева – 4 см, права – 4 см.

3. Патрабаванні да афармлення артыкула:

- у артыкуле ўказваюцца: прозвішча і ініцыялы, вучоная ступень і званне аўтара (аўтараў), арганізацыя, якую ён (яны) прадстаўляе, горад;
- назва артыкула павінна адлюстроўваць яго змест, быць па магчымасці лаканічнай, утрымліваць ключавыя словы, што дазваляць індэксаваць артыкул;
- змест артыкула павінен складацца з лагічна завершаных раздзелаў і ўтрымліваць наступныя часткі: уводзіны, асноўную частку, заключэнне.

Ва ўвядзеннях даецца кароткі агляд літаратуры па праблеме, указваюцца нявырашаныя раней пытанні, фармулюецца і абгрунтоўваецца мэта, падаюцца спасылкі на працы іншых аўтараў за апошнія гады, а таксама на замежныя публікацыі.

Асноўная частка ўключае апісанне метадыкі, тэхнічных сродкаў, аб'ектаў і зместу даследаванняў, праведзеных аўтарам (аўтарамі). Атрыманыя вынікі павінны быць абмеркаваны з пункту гледжання іх навуковай навізны і супастаўлены з адпаведнымі вядомымі данымі. Асноўная частка можа дзяліцца на падраздзелы з паясненнымі падзагалоўкамі.

У заключэнні ў сціслым выглядзе павінны быць сфармуляваны атрыманыя рэзультаты з укажаннем іх навізны і магчымасцей прымянення вынікаў даследавання на практыцы;

- спіс цытуемых крыніц і літаратуры, а ён павінен уключаць не больш за 12 спасылак, размяшчаецца ў канцы артыкула, спасылкі нумаруюцца адпаведна з парадкам іх цытавання ў тэксце. Парадкавыя нумары спасылак пішуцца ў квадратных дужках па схеме: [1], [2];
- спіс літаратуры афармляецца ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАКа, змешчанымі ў Інструкцыі па афармленні дысертацый, аўтарэферата і публікацый па тэме дысертацый (зацверджана пастановай Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь 22.02.2006. № 2).

Спасылкі на неапублікаваныя працы, дысертацыі не дапускаюцца. Указваецца поўная назва аўтарскага пасведчання і дэпаніраванага рукапісу, а таксама арганізацыя, якая прад'явіла рукапіс да дэпаніравання.

4. Да артыкула, падпісанага аўтарам, павінна быць прыкладзена рэкамендацыя кафедры, рэферат на мове арыгінала (100–150 слоў), які павінен дакладна перадаваць змест артыкула і быць прыдатным для апублікавання ў анатацыях да часопісаў асобна ад артыкула, рэзюмэ на англійскай мове (2–3 сказы), індэкс УДК, звесткі пра аўтара (месца працы, пасада, вучоная ступень, адрас, нумар тэлефона і адрас электроннай пошты).

5. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ).

6. Па рашэнні рэдкалегіі артыкул накіроўваецца на рэцэнзію, затым візіруецца членам рэдкалегіі. Вяртанне артыкула аўтару на дапрацоўку не азначае, што ён прыняты да друку. Перапрацаваны варыянт артыкула зноў разглядаецца рэдкалегіяй. Датай паступлення лічыцца дзень атрымання рэдакцыяй канчатковага варыянта артыкула.

7. Артыкул павінен быць дакладна адрэдагаваны і вывераны аўтарам. Пажадана выкарыстоўваць агульнапрынятыя скарачэнні. Накіраванне ў рэдакцыю раней апублікаваных ці прынятых да друку ў іншых выданнях работ недапушчальна.

GUIDELINES FOR AUTHORS

1. General notes:

Vesnik of Vitebsk State University publishes issues based on scientific researches carried out at Vitebsk State University and other educational establishments of the Republic and other countries. The major criterion for publishing is novelty and authenticity of the issue. The journal is included in the list of scientific editions of the Republic of Belarus for publication thesis research results in biology, history, pedagogics, physics, mathematics, linguistics, philosophy and arts. Scientific articles of third-year post-graduate students are published out of turn in case they meet the requirements made for scientific publications in this journal.

2. Format of the article:

The article is to be typed in Microsoft Word. Computer print-outs of the article should be submitted to the editorial office in Belarusian, Russian or English in duplicate. It is necessary to present also a floppy disk (3,5"), a disk or an e-mail version sent to: rio@vsu.by.

a. Paper format: A 4.

b. Size: not less than 14000 printed symbols including blanks, punctuation marks, numbers etc.

c. Page format: 10-point Arial; 1.0-spaced; margins: T – 2, B – 6, L – 4, R – 4; 0,5 – new paragraph.

3. General requirements:

a. Author's surname and initials, scientific degree and academic status; his (their) organization, the name of the town.

b. The title of the article should reflect its contents, be laconic, and have key words to identify its index mark.

c. The article should consist of three logical parts: introduction, the main part and conclusion.

Structure of the article: text (tables if necessary; no more than 3 pictures if necessary; photos are not allowed); bibliography. The list of sources (not more than 12) is marked the same way as in the treatise. It is placed at the end of the text; references are indicated in the succession they appear in the text. The ordinal reference numbers are to be given in square brackets (e.g. [1]).

4. Procedure:

The article is to be signed by the author and recommended for publishing by the faculty board. The following papers are to be attached: summary in the original language (100–150 words), summary in English (2–3 sentences; the author's personal information (place of work, position, degree, address, contact telephone number).

5. The measurements used in the text are to agree with the International Metric System.

6. On the decision of the editorial board the article is submitted for annotation. If the article is returned to the author for further consideration, it doesn't mean that it has been accepted for publishing. The improved variant is submitted to the editorial board again. The acceptance date is the date of submitting the final version of the article to the editorial office.

7. The article is to be accurately edited and adjusted by the author. Generally accepted abbreviations should be used. The works which have been published or accepted to publishing in other editions are forbidden.